

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

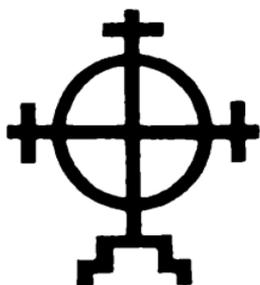
1985 (II) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 30

№ 30
1985(II)

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1985 (II) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 30

THE RUSSIAN RENAISSANCE

Редакция: К. И. Киселева, Т. А. Родзянко (секретарь редакции), З. В. Трифунович, М. А. Холодная (заместитель редактора).

Члены редакционного совещания: прот. А. Лебедев (США), прот. А. Трубников (Франция), прот. В. Потапов (США), дьякон Н. Семенов (Франция), В. И. Алексеев (США), Е. А. Вагин (Италия), Ю. Л. Джапаридзе (США), З. Е. Залесская (Франция), Ю. П. Залесский (Франция), Е. Н. Казанская (Австралия), А. Е. Климов (США), Р. В. Плетнев (Канада), Н. П. Полторацкий (США), Г. А. Рар (ФРГ), Н. Г. Семенова (Франция), А. Н. Федоров (Франция).

Ответственный редактор № 30 – Е.Н. Казанская (Австралия).

Рукопisi просьба присылать напечатанные на машинке на одной стороне листа и через два интервала. Непринятые рукопisi не возвращаются. Статьи, помещенные в журнале, не обязательно выражают мнения и взгляды редакции, считающей, что тема Возрождения России должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

Писать по делам журнала и посылать рукопisi по адресу издательства.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Комиссия по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей.

Адрес издательства:

Rev. A. KISELEV

1000th Anniversary Committee, 322 West 108th Street,
New York, N.Y. 10025, USA. Tel.: (212) 663-9093

Copyright by the Preparatory Committee for the One Thousandth Anniversary of the Baptism of Russia, 322 West 108 St., New York, N.Y. 10025. USA. TX 1-398-075

*Обложка работы художника А. В. Русака
Крест из церкви свв. Апостолов Петра и Павла
в Кожевниках (Новгород) 1406 год.*

« РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Задачи Журнала

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988-1988).

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историческо-философской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Всё, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, — литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и всё, что с ними связано и из них вытекает, входит в круг интереса журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять в канун тысячелетия крещения наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Издание субсидируется следующими русскими церковными и общественными организациями:

Академическая Группа в США – Американско-русское просветительное Общество «Родина» – Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей – Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терека – Гарнизон 297 им. ген Турчинова – Западно-Американская и Сан-Францисская Епархия – Кадетское Объединение – Комитет защиты гонимых православных христиан – Комитет объединенных русских организаций в Лос-Анжелесе – Конгресс русских американцев – Национальная Организация Витязей – Национальная Организация русских разведчиков (НОРР) – Организация Российских юных разведчиков – Западно-Американский отдел ОРЮР/НОРС – Общество «Отрада» – Обще-Монархическое Объединение в Монреале – Общество «Икона» в Париже – Православное Братство во имя всех Святых Земли Российской – «Православное дело» – Русско-Американское просветительное общество в Детройте – Женское общество помощи Австралийской Епархии – Русский центр в Сан-Франциско – Св. Серафимовский Фонд – Австралийско-Новозеландская Епархия – Ставропигиальный Св. Троицкий Монастырь (Джорданвилль) – Союз русских инженеров – Св.-Петропавловский кафедральный собор – Российское национальное объединение в Германии – Братство Святого Креста в Австралии – Общество друзей скита на военном кладбище в Мурмелоне, Франция – Фонд Блаженной Ксении Петербургской, США – Фонд Царя-Мученика – Православное братство всех Святых, США – Восточно-Американская и Нью-Йоркская Епархия – Владимирское братство, США – «Русский очаг», Аргентина – Толстовский Фонд.

Этот список будет пополняться по мере выражения другими русскими организациями желания в нем участвовать.

ВОСЬМИСОТЛЕТНИЕ ЭПОХАЛЬНОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Нам неизвестна точная дата написания этого величайшего произведения. Путем сложных исследований его относят к концу XII века. Год 1185 берется как год, когда происходило описанное событие – поход молодого Новгород-Северского князя Игоря Святославовича на половцев.

«В ‘Слове о полку Игореве’ остро ощущается воздух русской истории – пишет крупнейший исследователь русской литературы академик Д.С. Лихачев – ‘Слово’ принадлежит монументально-историческому стилю, который не только определял внешнюю форму произведений, но был глубоко идеологичен и лучше всего мог выразить представление о единстве Руси – в географическом и историческом осмыслении этого понятия. . . .это как бы плач и слава всей Русской земле в ее огромных пределах и в ее глубокой исторической перспективе».*

Наша ранняя литература, от первых дней своего существования овеянная началом религиозного всеединства, имела глубокое влияние на своих современников. В конце XII века она, увенчанная «Словом о полку Игореве», достигает наибольшего воздействия на умонастроения общества, создавая то, что мы теперь назвали бы общественным мнением нашего народа, разделенного на враждующие друг с другом удельные княжества.

* «Памятники литературы древней Руси – XII век», стр. 19.

Когда грянул гром татарского нашествия и наступили столетия иностранного ига, то те слова, которые мы теперь называем нашей древней литературой, порожденные гением нашего молодого христианского сознания, питали наше «плачевное» житие. Полоненный народ устоял, имея две опоры – родной язык и родное православие. Говорили, молились, читали, пели на одном едином языке. Государство, раздробленное на удельные, почти уже не существующие княжества, имело единого духовного главу – Митрополита **всая** Руси и . . . восстало.

«... литература идет впереди своего времени» (стр. 17). Дал бы Бог. В современной нашей литературе все больше и больше «из под глыб» действительности пробивается зеленая травка подлинного звучания. Если литература, как подснежник весну, возвещает духовные сдвиги, то нам, сынам своего отечества, которому принадлежит честь гениального «Слово о полку Игореве», с поднятой головой следует ждать исторических свершений.

Редакция

М. Серебряков

ГОСУДАРСТВО И ЛИЧНОСТЬ

Мы не будем касаться вопроса происхождения государства и источника его власти. Мы будем исходить из факта невозможности жить вне государства – своего или чужого.

В связи с этим, независимо от того, нравится это человеку или нет, он вынужден интересоваться вопросом государственной власти, который отражается на его личной жизни.

Какая же форма государственного устройства наиболее приемлема для человека?

По этому вопросу написано много книг и статей в газетах и журналах, но единого мнения нет. Вопросом этим занята и социология – наука об обществе, о взаимодействиях общественных явлений, ищущая законы развития общества с целью нахождения наилучшего общественного устройства. В этой области науки нет единства мнений; есть много теорий, много гипотез, но все они не оправдываются жизнью, не находят подтверждения фактами существующей общественной жизни. Мы нигде не видим такого общественного устройства, которое можно было бы назвать совершенным, которое могло бы служить образцом для всех стран.

Некоторые считают, что форма государственной жизни не может быть единой для всех народов, т.к. у каждого народа своя история, свои обычаи, свои традиции, а потому та или иная форма государственного устройства может быть хорошей для одного народа и совершенно неподходящей для другого.

В древние времена в России люди, занимавшие высшие государственные должности, назывались лучшими людьми. Это название показывает, что в старину русский человек считал необходимым, чтобы государством управляли люди, стоящие в умственном и нравственном отношении выше других. И не только наши предки так считали. Еще значительно раньше Аристотель сказал, что та форма государственного управления хороша, при которой государством управляют лучшие люди.

Это относится не только к государственным людям, но и ко всем общественным деятелям. Следовательно, каждая общественная организация, каждое государство нуждается в людях высокой нравственности и широкого умственного кругозора. Для иллюстрации этого положения приведу следующий пример:

В 1864 г. в России волею императора Александра II были произведены судебные реформы. Реформы эти были насущнейшей потребностью и подготавливались людьми вдохновенными правовыми идеями, энтузиастами своего дела. На этих идеях была воспитана плеяда блестящих юристов и притом людей высокой нравственности. В результате русский суд стал лучшим и справедливейшим в мире, несмотря на то, что законы Российской Империи не были лучшими.

В 20-ых годах настоящего века в Китайской Народной Республике был составлен Свод законов. При составлении этого свода было взято все лучшее у всех европейских государств. В результате этого, Свод явился, если не одним из лучших, то во всяком случае, был среди лучших. Но в то же время китайский суд был на очень низком уровне. В чем же причина? Причина в том, что у них не было (или было

очень мало) юристов, воспитанных на правовых идеях, людей с чувством долга и ответственности пред обществом.

О чем это говорит? Это говорит о том, что можно написать очень хорошую конституцию, можно на бумаге создать хорошие учреждения для управления государством, можно составить хороший свод законов, но если нет людей, готовых не за страх, а за совесть работать на общее благо, нет достаточного количества людей высокой нравственности и с высоким умственным кругозором для управления государством, то никакая форма управления не спасет, а получится, то, что было в Китае: законы хорошие, а суд никуда не годится.

Для любого строительства, для любой общественной организации нужны люди не только знающие дело, но и честные и добросовестные.

Способствует ли наука нравственному совершенствованию людей? Нет, не способствует. Она этим вопросом не интересуется, за исключением философии. Но и философия не может удовлетворительно обосновать почему человек должен нравственно совершенствоваться.

Наука не дает ответа на вопросы: зачем человек живет? Какое его назначение? К чему он должен стремиться? Этот вопрос – **зачем** – ставят себе хоть раз в жизни многие люди. Вопрос этот волнует многих писателей и поэтов. Даже в музыке есть этот вопрос. Взять хотя бы шестую симфонию Чайковского.

Чтобы не быть голословным, приведу примеры из русской поэзии:

Державин: –

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Батюшков: –

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мелхиседек?
Рабом родился человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Пушкин: –

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучной жизни шум.

А вот разговор двух ученых из пьесы Солженицына «Свеча на ветру». Один из них, поклонник науки, предлагает другому работать с ним вместе в университете.

Алекс. ...И то, что ты предлагаешь, конечно, волнует меня: наш старый Университет! дорога славы под сводами, выдавшими нашу молодость... Но если бы ты мог ответить мне на один вопрос... На один вопрос... за чем?

Филипп. То есть ... что – зачем? Зачем – вообще наука?

Алекс. Да. За чем – наука?

Филипп. Ты просто разыгрываешь меня? В чём ты видишь тут вопрос? Азбучные истины! Да прежде всего... это дьявольски интересно! Это высокое наслаждение, неужели тебе...

Алекс. Так что? Просто для себя? Из эгоизма?

Филипп. Да все материальные богатства, созданные человеком, не через науку ли созданы?

Алекс. И это не ответ. А зачем нам богатство? Богатство улучшает разве человека? Я не замечал.

А вот слова иностранца:

«На могиле скольких людей можно было бы написать эти слова: здесь покоятся останки человека, никогда не знавшего, зачем он жил на земле». (Бонн)

Вопросами цели и смысла жизни заняты религии, из них на первом месте христианство.

При игнорировании этого вопроса, при отсутствии веры в Бога теряется стимул для нравственного совершенствования, и люди живут только сегодняшним днем, для них нет никакого запрета и в результате развивается преступность, коррупция, разврат.

Какие законы ни создавай, какие реформы ни производи, результат остается прежним, т.к. нет людей, готовых честно и добросовестно работать. Людей высокой нравственности.

Источником нравственности является вера в вечную жизнь (проф. Несмелов). И если этой веры нет, то следовательно «все позволено».

В настоящее время мы видим и на Западе и на Востоке отход от религии, а на Востоке и гонения на нее. Результаты очень быстро сказались. Западная статистика показывает необычайное развитие преступности, коррупции и разврата. И это не только среди беднейшего населения, но и среди зажиточного класса и даже среди очень богатого. Созданы крупнейшие организации, обогащающиеся преступным путем, лидеры которых приняты в любом обществе, им жмут руки, они имеют влияние на политических деятелей, создают общественное мнение, т.к. они обладают большими капиталами, а действуют они только в собственных интересах.

Доказывать это примерами из жизни не нужно, это доказывается ежедневным чтением газет.

На Востоке дело обстоит не лучше. Хотя у нас нет статистических данных о преступности в коммунистических странах, но все советские люди не отрицают того, что у них везде происходит воровство от низших учреждений до самых высших, ибо, как они сами говорят, без воровства не проживешь.

Наш журнал носит название «Русское Возрождение». Имеется в виду возрождение духовное, стремление людей познать **ЗАЧЕМ** они живут и, в связи с этим, что они должны делать и как они должны жить. Такое возрождение стало замечаться среди наших братьев, живущих в СССР. Многие из них стремятся познать своих предков, их веру, куль-

туру, быт, традиции; появилась тяга к религии, к православию.

Мы не обольщаем себя надеждой на быстрое обращение массы русского народа к религии, к православию, ибо мы понимаем, что процесс этот длительный, но тот факт, что русский человек сохранил, пусть хотя завуалированно, веру в Бога, что обращение началось и процесс этот расширяется, несмотря на преследование верующих, дает надежду, что он не заглохнет, а будет все сильнее и сильнее разгораться.

В этой борьбе за веру появляются люди, готовые жертвовать собой, т.е. люди высокой нравственности, служащие примером для других.

Ключевский писал, что в XIV веке русские люди были настолько запуганы татарами, что уже при одном имени – татарин – они дрожали, что этим именем пугали детей. Но Русь возродилась. Этому способствовали такие люди как преподобный Сергей Радонежский, святой митрополит Алексей и другие православные подвижники, которые своей жизнью, своим живым примером способствовали поднятию в русских людях нравственности – силой, животворящей всякое государство.

Русские люди запуганы коммунистами не в меньшей степени, чем в XIV веке они были запуганы татарами. Но в последнее время они начинают понемногу терять этот страх, появились верующие люди высокой нравственности, идущие на безмерные страдания и даже смерть, но от веры, от Бога не отказывающиеся. Они служат живым примером высокой нравственности, не идущей на компромисс с совестью.

Это вселяет надежду на то, что с появлением все большего количества подобных людей поднимется

нравственность уже и в массе народа что приведет к
воссозданию православной России.

Будем надеяться на то и просить Господа о том.
Боже, избавь Россию от всех скорбей ее!

Австралия. Июнь, 1982 г.

НАША СТРАНА

Еженедельная газета

Основана в 1948 г. И. Солоневичем

Орган русской монархической мысли

Цена номера газеты воздушной почтой:

Австралия — 0.80 австр. долл.,

Германия — 1.80 нем. марок,

Италия — 1.100 лир,

США — 0.80 ам. долл.,

Франция — 5 фр. франков.

Парагвай — 0.30 амер. долл.,

Чили — 0.30 амер. долл.,

Остальные страны — 0.80 амер. долл.

Чеки посылать по адресу:

Sr Miguel Kireeff

Monroe 3578, II.

1430 Buenos Aires, Argentina

Др. Т. Калиновская

ОТ ГИППОКРАТА ДО НАШИХ ДНЕЙ.

(Врачебная этика и социализированная медицина)

Гиппократ, недаром названный отцом медицины, жил во второй половине пятого века до Р.Х. на острове Кос в Эгейском море.

Не только знаменитый врач, но и учитель, создавший целую школу врачей, он положил начало медицинской науке, основанной на фактах и наблюдениях; он оставил целый ряд научных трудов, включая описания болезней и методов лечения, его собственных случаев, и сборник афоризмов, вполне современных и для нас (например: «Не давай рецептов, не обследовав больного»). Наконец он написал глубоко философский памфлет – так называемую «Клятву Гиппократа», содержащий правила врачебной этики (то-есть поведения) для бесчисленных поколений врачей на последующие 2400 лет.

В это время Греция была центром рационалистического мышления и все произведения Гиппократа отличаются рассудительностью и логикой.

Гиппократ не был христианином, потому что в это время христианство еще не существовало, но был человеком просветленным, таким какими например были древние египтяне уже познавшие идею Единого Бога Творца, или ветхозаветные пророки, или волхвы, искавшие Спасителя мира, следуя за звездой.

Клятва Гиппократа дается по окончании обучения, перед началом врачебной практики.

Привожу вкратце содержащиеся в ней правила.

Я клянусь:

1. Уважать своих учителей как родителей.
2. Помогать больным изо всех сил и способностей и не вредить никому своим лечением.
3. Не давать никому смертоносных лекарств, даже не упоминать их, и не давать женщине никаких средств с целью вызвать аборт.
4. Быть целомудренным в жизни и в своей профессии.
5. Посещая больных, идти в дом, чтобы помочь больным, а не с намерением делать вред. Не использовать свои преимущества в контакте с телами мужчин или женщин, свободных или рабов.
6. Все что не подлежит оглашению, а станет известным частным или профессиональным образом, содержать в полной тайне.»

Пришедшее в мир христианство дополнило и расширило эти правила. Христианство принесло в мир идею, что жизнь человека священна. Один из учеников Иисуса Христа евангелист Лука был врачом, высокообразованным человеком своего времени. Кстати он был и художником и по преданию ему принадлежит первая икона Богоматери Умиления, дошедшая до нас в виде копии Владимирской Божией Матери.

Последующие 18 веков религия и медицина были тесно связаны друг с другом. Церковные общины, духовные академии и монастыри были центрами научных исследований и создавали многочисленные госпитали, обеспечивая уход за больными и новые научные открытия. Упомяну лишь несколько примеров. Законы наследственности были открыты монахом Менделем; физики Паскаль и Ньютон были также глубокими религиозными философами; в России до 1917-го года издавались такие журналы как «Вера и Разум» и «Наука и Религия» (Первый жур-

нал просто закрыли, а второй с 1920-го года стал органом антирелигиозной пропаганды). Такие учреждения как Киевская Духовная Академия, Троице-Сергиева Лавра, Оптина Пустынь были местами раскрытия философских и исторических начал.

Развитие материализма и, главным образом, механики и установление «непреложных» законов математики и физики, с утверждениями, что все можно рассчитать и предвидеть, нарушили тесную связь между наукой и религией. Многие ученые возгордились своими знаниями, как будто бы противопоставляющими науку религии. Кажущиеся противоречия искусственно раздувались материалистами, атеистами и полужнайками–утопистами всех сортов, насаждающими собственные диктатуры под видом перестройки общества для всеобщего блага.

И только в конце 19-го и в начале и середине 20-го веков абсолютные и точные истины математики, физики и науки о мироздании заколебались. Наука открыла, что «вечно существующая» материя распадается на атомы, а затем на еще более мелкие частицы – электроны, протоны и другие, превращаясь в энергию и, наоборот, из энергии создается материя; что точные математические расчеты в действительности не точны и должны учитывать теорию относительности; что массу физических феноменов и метапсихологических фактов невозможно объяснить ничем, кроме влияния духа; и что даже доказать происхождение человека от обезьяны – нечем, кроме подлога.

А в последние десятилетия и медицина пришла к заключению, что, после смерти тела, личность (душа, дух, память) продолжает существовать.

Оказалось, что и величайшие умы мира – верующие люди. Упомяну несколько имен русских выда-

ющихся ученых: физиолог Иван Петрович Павлов и его ученик Орбели, изучавшие функции нервной системы (учение об условных рефлексах); хирург С.С. Юдин; окулист Филатов из Одессы, первый в мире пересадивший роговицу; профессор Одинцов – автор учебника по глазным болезням советских мединститутов; наконец профессор Войно-Ясенецкий, в монашестве архиепископ Лука, автор замечательного философского труда: «Дух, Душа и Тело», награжденный сталинской премией за его работу по гнойной хирургии и врачебную деятельность во время Второй мировой войны.

В двадцатом веке рухнули империи, прошли две мировых войны, личность человека, высоко поднятая христианством, стала мало значимой; коллектив или общество вышли на первый план. Пострадала и врачебная этика; торжественное принятие клятвы стало ненужным, хотя лекции по врачебной этике продолжались.

В 1948-м году Всемирная Ассамблея Врачей приняла, так называемую, Женевскую Декларацию. Она содержала основные пункты Клятвы Гиппократата, слегка измененные и, конечно, выраженные современным языком. Был добавлен положительный пункт о том, что религия, национальность, раса, партийная принадлежность или политические убеждения не должны стоять между врачом и больным.

Но пункт о недопустимости дачи смертоносных лекарств и абортов был заменен фразой: «Я буду поддерживать наивысшее уважение к человеческой жизни от момента зачатия. Даже под угрозой я не употреблю мои медицинские знания против законов гуманности». Интересно, что слова Гиппократата об обязанностях по отношению к больному заменены «по отношению к человечеству» (а давно известно,

что легко любить человечество вообще и на словах, но гораздо труднее любить ближнего).

Декларация больше не кончается словами «я клянусь», а «я торжественно и добровольно обещаю и даю честное слово выполнять это обязательство».

В Советском Союзе тоже было составлено обязательство врача даваемое по окончании медицинского обучения, конечно с соответствующими изменениями. Пункты об абортах и соблюдении врачебной тайны были выпущены, а слова об уважении к человеческой жизни от момента зачатия заменились «вниманием и заботой о человеке» и «служением обществу и государству». Этот последний пункт принуждает врачей посылать на работу больных людей не только в гулагах, но и на обычных предприятиях (чтобы снизить процент освобожденных от работы), проводить насильственное «лечение» здоровых инакомыслящих в психотюрьмах и, если нужно, то и просто устранить кое-кого по приказу КГБ или политбюро.

Нравственное разложение западного мира, так явно заметное во второй половине двадцатого века, повело к пересмотру Женевской Декларации. В 1983-м году в Венеции Всемирная Ассамблея Врачей приняла еще одну важную поправку. Часть фразы об уважении к человеческой жизни от момента зачатия теперь заменена растяжимым понятием «от начала человеческой жизни». Поправка может показаться несущественной, но она является компромиссом долгих и горячих дебатов. При желании можно утверждать, что трудно определить, когда начинается человеческая жизнь – в момент зачатия, или когда плод становится способным существовать самостоятельно вне тела матери. Это вопрос личного мнения. Для врачей безбожников или пропагандистов аборт

тов, двух или трехмесячный плод это только нежелательный придаток в теле женщины, от которого нужно избавиться. Таким образом это изменение Декларации есть официальное разрешение аборт.

В период между 1948 и 1983 годами было составлено еще несколько деклараций по вопросам об определении состояния смерти, о пределах медицинских экспериментов, об обязанности врача доносить государству на родителей, причиняющих вред своим детям, таким образом нарушая основной принцип сохранения врачебной тайны.

Отказ от принципов Гиппократов идет одновременно с прогрессирующей социализацией стран, в которых все, включая охрану здоровья, планируется. Сначала население убеждают, что каждый человек имеет право на здоровье и поэтому на бесплатную медицинскую помощь за счет государства. При этом налогоплательщики облагаются добавочным обложением (в Австралии 1%). Однако бесплатная медицинская помощь стоит государству невероятных средств. Во-первых потому, что ею бесплатно пользуются все, а не только те, кому это действительно нужно. А, во-вторых, появляется новая многочисленная и высокооплачиваемая бюрократия для управления «бесплатной медициной». Через год или два государство беднеет и возникает вопрос об ограничении медицинской помощи. Это идет по двум линиям. Государство устанавливает заниженные расценки врачебной помощи, в результате чего падает ее качество, а также вводит рacionamento – столько то визитов в неделю или месяц на больного, независимо от медицинских показаний. Если врач считает, что больной нуждается в более частых визитах, он может делать это бесплатно.

Одновременно с призывом к населению пользоваться бесплатной помощью клиник и госпиталей,

постройка новых госпиталей невозможна – нет фондов. Количество наличных коек сокращается и больных нужно переводить на домашний уход или отказывать им в госпитализации.

Так, например, после 3-х лет правления Митеррана, во Франции издан декрет о прекращении интенсивной медицинской помощи больным старше 70-ти лет, потому что они – непродуктивная часть населения. Там же разрешена эутаназия (медицинское убийство) младенцев до трехлетнего возраста в случаях серьезных врожденных ненормальностей.

Напомним два факта: Ленин в 1918-м году выбросил лозунг – «Кто не работает, тот не ест», а в 1937-м году в Нюрнберге на конгрессе национал-социалистов Гитлер произнес свою речь о «расовой гигиене».

Конечно никакое соблюдение врачебной тайны при социализированной медицине невозможно. Врач стал по сути государственным служащим на жалованьи у государства (в Австралии государство оплачивает 85% его счета) и должен сообщать бюрократии все: диагноз, методы лечения и назначенные лекарства. Врача преследуют по суду за «переобслуживание», за перерасход лекарств по сравнению с теоретическим средним, за неправильное заполнение справок.

Современный Запад живет на остатках христианской цивилизации, но большинство правителей, законы ими проводимые и нормы поведения, проповедуемые через все каналы информации, безбожные, хотя и легальные. На медицинских факультетах врачей учат относиться к больным объективно, беспристрастно, не входить в близкие эмоциональные отношения с ними, не иметь и не высказывать нравственных или моральных суждений, оставаясь только на уровне медицинских знаний, то есть не заниматься

врачебным искусством, а быть бездушным ремесленником. А ведь каждый день приносит врачу задачи нравственные и моральные. Поддержать ли требование яко-бы пострадавшего на работе и претендующего на оплату по страховке? Как примирить семейную ссору? Как помочь больному с «комплексом вины» после плохого поступка? Труден и вопрос с абортами. Если врач не согласен удовлетворить требование больной, он не имеет права отказать ей, а обязан переслать ее к другому врачу.

В медицинской литературе и на страницах газет, а также по телевидению и радио часто дискутируются вопросы: о праве женщины на аборт, о разумном использовании «продуктов зачатия» (для научных экспериментов и приготовления лечебных средств) и эутаназии. Упор в этих дискуссиях ставится на научность и легальность; если что либо является нелегальным, то изыскиваются способы как сделать это легальным, независимо от моральных принципов. Так например, если аборт разрешались прежде на основах евгеники (врожденное уродство), то позже их разрешили делать по желанию матери (даже против желания отца). А если разрешается уничтожать зародышей, то почему нельзя убивать здоровых новорожденных? Если допускается пассивная эутаназия (то-есть просто **нелечение** детей с врожденными уродствами), то почему не применять активное убийство? Такие советы уже даются (профессор философии университета Западной Австралии Michal Tooley). Или, если мы имеем право прекратить поддержание жизни безнадежного больного, то почему не употребить активную эутаназия, таким образом сокращая государственные расходы? (Лектор Harry Lander; Аделаидский Университет).

В таких дискуссиях намеренно стирается грань между искусственным продолжением жизни трупа и

активным актом убийства человека, который по мнению некоторых врачей не представляет ценности для общества и уже не «наслаждается жизнью».

В 1981-м году организовалось международное общество врачей – Iatros (по-гречески – врач) для защиты принципов гиппократовской медицины. Один из его основателей, швейцарец, доктор Ernest Teuffer назвал государственную медицину ветеринарной. Государство – хозяин, заботясь о своих гражданах как о животных, само решает, кого растить, кого лечить, а кого и когда отправить на убой.

Государственная медицина бьет и по врачам, но еще больше от нее страдают больные. Врачи вынуждены уделять им меньше времени, чем раньше, не прописывать дорогих лекарств и так далее. Труднее попасть в госпиталь и лечит не тот врач, которого хочет больной, а тот, кто в это время на службе. Кроме того «бесплатная медицинская помощь» обходится больным очень дорого.

Хотя врачи плохо организованы, каждый индивидуально должен делать все, что может для защиты своих больных, даже если приходится сопротивляться, вступая в конфликт с политикой государства.

В середине этого столетия сэр Ральф Хатчинсон написал молитву для врачей и студентов медиков.

«От неспособности не трогать то, что хорошо,
От чрезмерного уважения к новому
и презрения к старому,
От увлечения знанием в ущерб мудрости,
Наукой в ущерб искусству,
Экспериментами в ущерб здравому смыслу,
От трактовки больных как случаев, а не людей
И от лечения, приносящего больному
больше страданий, чем сама болезнь,
Избави нас, Господи».

ВОПРОСЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ РЕШЕНЫ ПРЕДКАМИ

(Идеологическая база)

«ВОПРОСЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ...» – где «Идеологическая база» представляет собой заметки о **духовном обосновании** русской культуры, беспримерной во всем мире («умом Россию не объять...»), ни обнять и ни понять).

Чтобы соблюсти последовательность, необходимо вывести заключение и ответить на вопрос – **ЧТО ДЕЛАТЬ?** Логический ответ приходит сам собой – **УЧИТЬСЯ** и **СТРОИТЬ**, что посильно каждому; т.е. на уже данной идеологической базе возвести материальную надстройку, т.к. **СОЗНАНИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ БЫТИЕ**.

В этом отношении мы всегда были правы. Мы – это зарубежники, по советской терминологии – отщепенцы, заблудившиеся в трех соснах, которые с 20-х годов плетутся на задворках истории. Но история идет нашими путями – все знают о том, что уже давно на Родине пишло «время собирать камни» разрушенных памятников старины и «черные доски» икон всех святых – небесных покровителей Дома Пресвятой Богородицы.

Наше бытие определено решениями предков – их заботами.

«А о Петре ведайте, мне жизнь не дорога, была бы только Россия во славе и благоденствии».

Выводы Академика Ключевского.

Академик профессор Василий Осипович КЛЮЧЕВСКИЙ (1841-1911), специалист по истории и древностям российским и по разряду изящной словесности – *«Легкое дело – тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить – тяжелое дело»*,¹ – автор пятитомного *Курса русской истории*, виднейший сторонник ГОСУДАРСТВЕННОЙ школы исторической науки, как и Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, во 2-ой лекции своего «Курса», который он читал в разных учебных заведениях Москвы в продолжение чуть ли не 50-ти лет (до самой смерти), поучал:

«Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи (476 г.). ... По неблагоприятным историческим условиям его внутренний рост не шел в уровень с его международным положением, даже по временам задерживался этим положением.»

В течение веков, начиная с 3-го и до конца 15-го, территория Руси служила надежной защитой для Европы от азиатских завоевателей, и русский народ выполнял историческую миссию охранителя европейской культуры, отражая набеги кочевников-завоевателей, предоставляя Западу строить и развиваться. Таковы исторические факты.

Свою мысль Ключевский продолжает:

1. В.О. Ключевский, «Очерки и речи», 2-ой сборник статей, 1895. стр. 30.

«Мы еще не начинали жить в полную меру своих народных сил, чувствуемых, но еще не вполне развернувшихся...

...нам предстоит ...напряженно работать над самим собой, развивать свои умственные и нравственные силы, с особенной заботливостью устанавливать свои общественные отношения. ...

У каждого поколения могут быть свои идеалы, у моего свои, у вашего другие, и жалко то поколение, у которого нет никаких. ...

Наши идеалы не принадлежат исключительно нам и не для нас одних предназначались: они перешли к нам по наследству от наших отцов и дедов или достались нам по культурному преемству от других обществ, созданы житейскими опытами и умственными усилиями других народов ... и при создании их имелись ввиду не наши, а совсем другие силы, средства и положения. ... Чтобы знать, какие из них и в какой мере могут быть осуществлены в известном обществе и в известное время, необходимо хорошо изучить наличный запас сил и средств, какой накопило себе это общество; а для того нужно взвесить и оценить исторические опыты и впечатления, им пережитые, нравы и привычки в нем воспитанные».²

Это есть руководство, составленное специалистом Ключевским для реформатора. **УЧИТЬСЯ!**

Так, более ста лет назад на основании колоссального научного опыта глубокий ум Ключевского высказывался о непреложных фактах русского бытия и насущнейших задачах образования, как **ПРОСВЕЩЕНИЯ**. Как будто бы это было сказано вчера и задано нам на сегодня и завтра.

2. В.О. Ключевский, «Сочинения», М. 1956, стр. 42, 43, 44.

История никогда не останавливается. На месте стоят только вехи, оставленные на ее пути. Мы называем их принципами, идеалами, началами, корнями, почвой.

Река никогда не потечет в обратном направлении, иначе она не будет рекой, а если она остановится, то превратится в болото.

Народ никогда не останется народом, если откажется от своих начал и забудет свое прошлое. Конечно, легче жить без борьбы, но долго не проживешь – другие освоят и погибнет народ, попадет как «кур в ошип».

Немного истории.

Остановимся на убеждении знаменитого историка, что внутренний рост России задерживался по неблагоприятным историческим условиям и «не шел в уровень с его международным положением».

Можно без преувеличения сказать, что с первых веков христианства – времени возникновения первых политических объединений восточных славян – до 1770-ых годов – эпохи Петра Великого, Россия для своего внутреннего роста имела на лет 500 меньше времени, чем западная Европа. Сколько стоило Руси одно только монгольское нашествие! На Западе мы теряли исконно-русские земли, потому что у наших западных соседей появились аппетиты на славянские земли по принципу: бери, что плохо лежит. Через 3 года после монгольского нападения на русские земли с востока, что, например, надо было шведам у Невы в 1240г.?! (Они были разгромлены новгородским – тогда – князем Александром.) Что надо было ливонским рыцарям на Чудском озере через 2 года по-

сле этого?! (Тот же князь устроил им Ледовое побоище.) А тевтонскому ордену что было нужно в Прибалтике до его разгрома в Грюнвальдской битве в 1410-ом г.?! О якобы потерянной свободе Пскова и Новгорода, когда их пришлось воссоединять к центральной московской власти, нашлись и русские плакальщики! Нашлись и такие фальсификаторы истории, которые выдумали отдельные пути истории для юго-западной России, как будто бы не было Крещения Руси 1000 лет назад, как будто бы мы все не из Киева! Что, например, надо было иностранным завоевателям в Москве в 1612 г., под Полтавой в 1709 г., в Москве в 1812 г.? Позже, Севастополь. (Кстати, Черное море называлось РУССКИМ МОРЕМ, в арабских письменных источниках еще 10-го века, так же как и в русских летописях 9-15 вв.).

На наших глазах «коричневая чума» нацистов захватывала на Западе русские земли до Царицына на Волге, а «желтая опасность» веками угрожала с Востока. Но мы взывали к Божьей помощи, и она приходила. Потребовались многие десятилетия, чтобы изжить последствия монгольского нашествия, но исход показал, что народ имел силу выжить, что эта сила справится и с потерянным временем. Понадобился царь-преобразователь, и эту миссию взял на себя Петр I. С начала своих преобразований до самой смерти в 1725-ом году – Петр работал «не покладая рук» и предполагаемая мною разница в нашем отставании сократилась, примерно, лет на 250; скачками, равными десятилетью в год. Было отчего Пушкину сказать о Петре – «Россию вздернул на дыбы!».

Гений Менделеева.

Все, конечно, слышали о работе другого ясного ума – великого современника Ключевского – Димитрия Ивановича МЕНДЕЛЕЕВА (1834-1907). Для русских эта работа важна так же, как и «Периодическая система» для всего научного мира. Эта – написанная им в 1906-ом году, за год до смерти, замечательная книга – *К познанию России*. Менделеев был всесторонне образован и имел все данные, чтобы быть великим государственным деятелем.

В указанной книге (5-ое изд. А.С. Суворина, СПб, 1907.) он говорит, что судьбу России (я бы сказал – Европы и всего мира), определило «появление (на пути великого переселения народов) в великой европейской равнине славянской расы индоевропейцев» (стр. 33).

О правах и ответственности в судьбах России он сказал:

«Во всех отношениях преобладание принадлежит у нас славянскому отпрыску индогерманских народов – великороссам, малороссам, белоруссам».³

И сейчас мы прибавим к мысли Ключевского о «неблагоприятных исторических условиях» сходную мысль Менделеева, который так же утверждает, что внутренний рост России задерживался международными обстоятельствами:

«Русский народ никогда не был склонен к завоевательству, и если воевал и покорил немало народов, то

3. Д.И. Менделеев, *К познанию России*, 5-ое изд. А.С. Суворина, СПб, 1907 г., стр. 35.

лишь потому, что к этому принуждали его прямо слагавшиеся обстоятельства. Нельзя же было не воевать с ... народами, когда они не давали покоя прилегающим русским землям и отношения с ними не могли сложиться в государственном отношении сколько либо удовлетворительно для соседской жизни».⁴

Изложенная в книге *К познанию России* глубокая вера Менделеева в будущее Российского государства основана на разработанных им данных Общей Всероссийской переписи населения в 1897 г. Работа заняла около 10 лет полного времени его и сотрудников. 2-ая часть – *Дополнение* – издана без окончательной отделки автора. Труд известнейшего ученого перевернул все представление о развитии России, особенно у иностранцев. Без сомнения, данные были ими учтены и использованы. На основании этих данных можно утверждать, что в результате Великих Реформ Александра II-го Россия в своем развитии, во многих отношениях, шла впереди других развитых стран. Следуя своей схеме, я делаю вывод, что за 20-30 лет, Россия наверстала еще лет 200 потерянного времени. Внутренний рост вышел на уровень международного положения со скоростью опять, как при Петре, 10 лет за один год. Простая арифметика. Но, цифры – еще не все.

На наших глазах без счета проваливались планированные пятилетки. И если где и выполнялись планы, то это были те, которые разрабатывались Менделеевым и другими учеными до 1917 г., например: химическая переработка нефти, применение химии в сельском хозяйстве, развитие Северного морского пути, внутренняя канализация, лесозащитные насаж-

4. Там же, стр. 45-46.

дения, разработка целинных земель и много, много других, до которых непосильно дотронуться даже «любимой партии, правительству и лично товарищу» такому-то. Почему?

У всех современных нам планировщиков налицо постоянные неприятности с вычислениями, потому что ни один из них еще не мог определить в цифрах «меру своих народных сил», о которых писал Ключевский:

«Мы еще не начинали жить в полную меру своих народных сил, чувствуемых, но еще не вполне развернувшихся».

Но мы вышли на эту дорогу к концу его жизни, что доказал Менделеев.

Уже который раз в истории о нашем народе можно было говорить, как о жизнеспособном, а согласно менделеевским вычислениям – о способнейшем.

Что же помогало нашему народу «напряженно работать над самим собой, развивать свои умственные и нравственные силы»?

Не будет ошибкой сразу же ответить на этот вопрос двумя словами – **НАШЕ ПРОШЛОЕ!**

Это – вехи, поставленные нашими предками на своем пути, их принципы, идеалы, начала.

Это – чувство сопричастности к прошлому и чувство ответственности за будущее, передаваемые из поколения в поколение.

Это – порядок воспитания: образование и просвещение.

Таким пониманием обладали все дальновидные правители – Рюриковичи и Романовы, потому что они считали себя правителями ОТ народа и ДЛЯ народа.

Умнейшим правителем Иваном Васильевичем Грозным эта доктрина была разработана в письмах в Литву к бежавшему туда Курбскому, интриговавшему за боярские привилегии.

Оба императора – Петр Преобразователь и Александр Освободитель были одареннейшими людьми, далеко шедшими впереди своего времени для пользы простого народа. Если первый, как принято говорить, прорубил окно в Европу, то второй убрал перегородку правовых особенностей разделяющую нас. Конечно, у обоих были заметные и незаметные предшественники, сознательно готовившие среду к грядущим переменам.

Пушкин защищает.

Прогресс – это сложнейшее движение, большинство условий которого определить просто невозможно. На них легко сослаться после совершившегося факта. Важнейшим всегда является духовное состояние народа. Степень его определяется народным просвещением.

Духовному состоянию всегда свойственны взлеты и падения.

Уже после Петра мы не раз пожинали плевелы запущенного просвещения.

Комедия Фонвизина «Недоросль» (поставлена в 1782 г.) написана с натуры. То были времена множества русских митрофанушек, которым не за чем изучать, например, географию, т.к. извозчик довезет

куда надо. То были времена засилья негодных европейских воспитателей.

Грибоедов в 1822 г. написал «Горе от ума» – вероятно, и молчалины, и скалозубы, как плесень покрывали русское общество.

Лермонтов в 1838 г. написал стихотворение «Дума», которое начал так:

«Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее – иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.»

Но, было многое похуже этой плесени – была ржавчина, разъедавшая устои изнутри. В семье были уроды.

Первым оказался Радищев, по советской энциклопедии: «основоположник русской революционной литературы, . . . великий русский революционер».

В 1790-ом году он издал клеветническую повесть «Путешествие из Петербурга в Москву». Я уже говорил о захватнических взглядах иностранцев на русские земли и борьбу правителей за удержание этих земель. Но, вот что говорит «просвещенный» предатель, 5 лет «промывавшийся» в лейпцигском университете (т.е. получавший подготовку):

«...пришел мне на память поступок царя Ивана Васильевича по взятии Новгорода. Уязвленный сопротивлением сея республики, сей гордый, зверский, но умный властитель хотел ее разорить до основания. Мне зрится он с долбнею (чурбан – В.С.) на мосту стоящ, так иные повествуют, приносяй на жертву ярости своей старейших и начальников новгородских. Но какое он имел право свирепствовать против них; какое он имел право присвоить Нов-

город? То ли, что первые великие князья российские жили в сем городе? Или что он писался царем всея Руси? Или что новгородцы были славянского племени?»⁵

Спросил бы этот «великий русский революционер» своих учеников-захватчиков наследства царя Ивана Васильевича с 1917 г. – «КАКОЕ ПРАВО»?

Радищевский пасквиль вызвал высокую оценку другого революционера – Герцена, который писал об авторе:

«...он едет ПО БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, дворовыми, с рекрутами, и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилию – громкий протест против крепостного состояния».⁶

Надо сказать, что во времена Радищева крепостное право фактически существовало в большинстве европейских государств до революций 1848-49 годов. Интересно бы сравнить крепостных того времени с жертвами крепостного бесправия во времена раскулачивания и закрепощения в колхозах!

Откликнулся на радищевский пасквиль и Александр Сергеевич Пушкин. Он написал о своей поездке в обратном направлении – «Путешествие из Москвы в Петербург». А о Радищеве сказал:

5. А.Н. Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву». Перепечатано в сборнике «Русская проза XVIII в.», М. 1971, стр. 432-3.

6. А.И. Герцен, *Собрание сочинений* в 30-ти томах, т. XIII, стр. 273.

«...не можем в нем не признать преступника...»⁷

И не надо ходить в театр на комедийные постановки – Пушкин в советском энциклопедическом словаре (1955 г.) назван продолжателем традиций Радищева!

Совершенно необходимо привести из пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург» ответы всем клеветникам:

«Не могу не заметить, что со времени восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения».

«Ныне последний из писак, готовый на всякую частную подлость, громко проповедует независимость и пишет безыменные пасквили...»

«Фонвизин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Верю.»

«Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений. ... Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника... У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен».

«Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи?... В России нет человека, который бы не имел своего СОБСТВЕННОГО жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет СВОЮ

7. А.С. Пушкин, *Собрание Сочинений*, Том VI, Москва 1962, стр. 210.

избу. Этого нет в чужих краях (хотя нищих полно – В.С.). Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. . . . Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения . . .»⁸

Опровергая радищевские измышления, Пушкин сетовал:

«Вместо всего этого пустословия лучше было бы, если Радищев . . . поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии».⁹

Но по-другому думали разрушители российского государства.

Вместо разработки и утверждения начал народного просвещения, как писал о тех временах, захлебываясь от радости Герцен:

«Мы и наши товарищи говорили в аудитории открыто все, что приходило в голову; тетрадки **запрещенных** стихов ходили из рук в руки, запрещенные книги читались с комментариями . . .»¹⁰

– т.е. ученики митинговали и бунтовали, ученики не учились и недоумки учили недоучек. А где же были воспитатели?

8. Там же.

9. Там же.

10. А.И. Герцен, *Былое и думы*.

Далее, Герцен писал:

«Мы были уверены, что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем с ней» (т.е. с декабристами – В.С.).¹¹

В 1830 г. докладывали императору Николаю I-ому: «Среди воспитанников Лицея и пансиона при Московском Университете . . . встречаем многих, мечтающих о революции». Ими были Герцен, Белинский, Огарев, учившийся в университете, когда там был Лермонтов (1830-32 гг.). Такими были Добролюбов, Чернышевский, Бакунин. Эти озлобленные и «лишние» в русской жизни люди (их «учитель» Радищев, помилованный Александром I-ым, покончил в Москве самоубийством в 1802-ом году) добивались революции ради революции, о народе они не имели представления.

Таково было трагическое положение правительства, когда в образованном обществе ощущался острый недостаток просвещенных воспитателей.

Дедушка Крылов о тех временах писал:

«Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник».

Люди, как Ключевский и Менделеев пришли позже, когда появилась и другая светлая личность – создатель педагогики, как науки – Ушинский. А, пока, любители говорить говорили «открыто все, что приходило в голову». Но, мало ли какая чушь могла появиться в голове самоуверенного и озлоб-

11. Там же.

ленного недоучки. Всякой болтовни наслушались и Пушкин, и Лермонтов, и Гоголь, и Достоевский, и другие.

Некоторые дорого платили за обольстительные речи, когда пытались претворять мысли в дела. Достоевскому это едва не стоило головы, Гоголю – тяжелой душевной драмы, но ЭТИ истинные гении, как и Пушкин, и Лермонтов, имели достаточно духовных сил, чтобы разбираться в обстановке. В них победила преданность своему народу и вера в его будущее.

Пушкин написал потрясающее стихотворение, может быть, я скажу, единственное по своей глубине с момента возникновения письменности, на все будущие времена ОТКРОВЕНИЕ для русского народа: его ДУША –

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека, –
Залог величия его . . .

Эти богатыри своим просвещенным умом смогли понять, что именно они являются носителями и творцами народной культуры. Другие, ослепленные злобой и ненавистью не дошли до этого. Слова, которые появились на фронте Московского университета – «СВЕТ ХРИСТОВ ПРОСВЕЩАЕТ ВСЕХ» – им ничего не говорили и основная идея просвещения оставалась непонятой.

Создатель педагогики Ушинский.

Эту идею прекрасно понял и служению ей отдал всю свою короткую жизнь – 46 лет (1824-70) питомец Императорского Санкт-Петербургского Университета Константин Дмитриевич УШИНСКИЙ. Двадцати лет он окончил Юридическо-Экономический факультет. Умер от туберкулеза. На могильном кресте написано из Апокалипсиса (Гл. 14, 13):

...блаженны мертвии, умирающие о Господе отныне. Ей, глаголет Дух, да почуют они от трудов своих: дела бо их ходят вслед за ними.

Задачей, взятой на себя Ушинским, было создание еще не существовавшей нигде учебно-воспитательной науки. В этом он преуспел, выпустив 2 тома руководства для преподавателей *Человек, как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии*. До 1917 г. отпечатано 13 изданий.

Ушинский работал над основными вопросами воспитания:

роль личности воспитателя,
религиозность и народность, как основы воспитания,
родной язык, как основа обучения,
труд, как средство воспитания,
развитие нравственного начала, как цель образования,
создание учительских семинарий.

Он писал много статей, писем и книг. Вся Россия училась по букварю Ушинского *Родное слово* и его первой книге для чтения *Детский мир*.

Его взгляды встречали поощрение правительства и начинания поддерживались. (О нем заботилась Императрица Мария Александровна, супруга Александра II-го и, когда у него обнаружили признаки туберкулеза, Ушинский был отправлен для поправления здоровья в Швейцарию).

Начальные школы и учительские семинарии открывали по призыву Ушинского:

«Теперь именно настала пора, когда России более всего нужны школы, хорошо устроенные, учителя, серьезно подготовленные... Крестьянин теперь освобожден, ...надеется на светлое будущее – надо воспользоваться этим хорошим настроением, надо развить их ум, освободить от предрассудков, чтобы они имели истинную, сознательную веру в Бога, в Христову правду».¹²

«Иначе и свобода крестьян и открытое судопроизводство не принесут той пользы, которую могли бы принести».¹³

В статье «Труд в его психическом и воспитательном значении» есть ценные мысли для наших экономистов, социологов, политиков:

«Свободный труд имеет самое большое значение в жизни человека, которая без него теряет всю свою цену и достоинство. ...Воспитание должно развить в человеке привычку к труду, должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни».¹⁴

12. К.Д. Ушинский, *Человек, как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии.*, стр. 94.

13. Там же, стр. 100.

14. К.Д. Ушинский, «Труд в его психическом и воспитательном значении», стр. 99.

А вот как вдохновенно сказал Менделеев об этом немного позже:

«В труде уже содержится понятие о свободной воле; к работе можно принудить, к труду же люди приучаются только по мере развития самосознания, разумности и воли. (Те точки зрения, с которых становится очевидным глубокое различие между работой и трудом, дают возможность сразу видеть ошибочность основных предпосылок коммунистов и социалистов, полагающих, прежде всего, что полезности производятся исключительно работою, тогда как в их создании более всего участвует именно свободный труд, всего яснее видимый в изобретательности, которую уже ни под каким углом зрения нельзя ни смешивать, ни отождествлять с работою. Свобода истинная и труд – понятия родственные). Работу могут производить и ветер, и вода, и животные; труд же есть дело чисто человеческое, выражающееся не только внешним, так сказать, физическим результатом, но и внутренним, так сказать, духовным способом».¹⁵

«И те, которые идут за марксами и считают ценною или принимают во внимание только людскую работу, находятся в грубейшем заблуждении, чего мне даже не хочется и доказывать вследствие очевидности, потому что все высшее и лучшее, начиная с постижения истины, с достижения добра и с произведений искусств, получается большим трудом, но малою работою».¹⁶

Думаю, что мне удалось представить вкратце взгляды трех просвещеннейших русских ученых.

15. Д.И. Менделеев, *К познанию России.*, стр. 55.

16. Там же, стр. 56.

А вот что еще сказал Ушинский, как бы обращаясь к нам сейчас:

«...наравне с заботами политической экономии добывать бархат, тончайшие сукна и золотые кисеи, должны идти заботы об умственном и нравственном развитии народа, о его христианском образовании, иначе все эти кисеи и бархаты не увеличат массы счастья, а напротив, уменьшат его».¹⁷

Как и Менделеев, Ушинский является предметом тщательного изучения за границей. Умер он в 1870 г., а Россия в начале 20-го столетия достигла небывалого расцвета, как это и было определено Менделеевым. Она выходила на первые места во всех отраслях, благодаря высоко поставленному делу ПРОСВЕЩЕНИЯ. (Только, пожалуй, в России правительственное управление называлось Министерством Народного Просвещения, в других государствах – это Министерства Образования).

Муки расцвета.

Свои выводы о блестящем будущем России Менделеев строил на основании естественного прироста населения.

«...бóльшего прироста, какой найден для 1897 г. в Европейской России (1,81%), ни для одной страны до сих пор неизвестно... осторожнее или вероятнее принять для всей Империи прирост около 1,5% в год».¹⁸

17. К.Д. Ушинский, *Человек, как предмет воспитания.*, стр. 106.

18. Д.И. Менделеев, *К познанию России.*, стр. 11.

Согласно переписи 1897 г. Россия имела 124 милл. человек. По подсчету Менделеева в 1950 г. население составит 282 милл., а в 2-хтысячном году достигнет 600 милл. При этом, Менделеев полагал, что правительство принимало правильные меры для увеличения благосостояния населения всесторонним развитием хозяйственной деятельности для удовлетворения растущих потребностей.

Но, он замечал и другое – тревожное явление:

«Никак не могу считать не только мудрецами, но даже порядочными... тех, кто видят и помнят только зло, забывая или не помяная добра. У нас то ныне таких множество, не только судя по частным отношениям, сколько по общественным; забывают много правительственного добра».¹⁹

Через 50 лет, как раз о том времени, издательством имени Чехова напечатана книга *На путях к свободе*. Автор – А. Тыркова-Вильямс, старая революционерка, работница кадетской партии, обоготворявшая в то время Милюкова и прочих разрушителей, пишет:

«Мы делали глупости, мы ошибались. Мы забывали об извечных недостатках всякого человеческого общества, – мы все беды взваливали на самодержавие, а об его исторических заслугах забывали».²⁰

На рубеже двух столетий, обеспокоенный необыкновенным расцветом, заграничный конкурент

19. Там же, стр. 31.

20. А. Тыркова-Вильямс, *На путях к свободе*., изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1952 г., стр. 206.

превратился в настоящего внешнего врага и легко приобрел себе союзника в среде внутреннего врага. Это о них Менделеев сказал, что не может считать их прядочными. Заветы Ушинского забывались. (Ушинский по Д.Р.Р. 1953, С-Фр.). Снова, как сто лет назад, говорили открыто, не беспокоясь о последствиях, все что приходило в голову. При таких обстоятельствах – материальном благополучии и духовной неразберихе – начало 20-го века развязало наступление противника на всех фронтах.

1. На далекой восточной окраине России была навязана война с Японией. Япония напала без объявления войны в 1904-ом году.

2. Временные затруднения с транспортом в центральном районе были раздуты в забастовки и демонстрации. Во время войны.

3. Появление конституции истолковывалось как поражение правительства. (С 1905-го г.).

4. Народное представительство – Государственная Дума – сразу же было переброшено на позиции открытого наступления на правительство. Все годы – с 1906-го до 17-го.

5. В преддверии явной победы к концу Первой мировой войны был спровоцирован нелепый февральский переворот, который был легко превращен в октябрьский в том же 1917-ом году.

Все рухнуло.

И все оказалось фальшивыми претензиями – обещания захватчиков.

Ни о каком нравственном развитии народа, его христианском образовании, ни о счастье людей в России после 1917-го года говорить не приходится.

Надо лгать, чтобы говорить, что настала радостная жизнь.

Надо рисковать жизнью, свободой, если хочешь сказать правду, что народ закрепощен.

Надо потворствовать лжи, чтобы молчать.

Вот бы хорошо Герцену, Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому посмотреть на созданного им человека; спросить их – не дорого ли заплатил русский народ за их идеи – 120 милл. недосчитывающегося населения? Ведь, все эти годы их труды воспеваются угнетателями России. Или, это – затянувшаяся диверсия?

Лермонтов таким предвидел этого «человека будущего» («Дума»):

«К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью – презренные рабы».

Лермонтов – сам герой и изобразитель героических личностей в своих произведениях, отражавших его время, нарисовал образы этих людей под впечатлением бредней Герцена и Белинского и эти люди пришли, когда бредни стали осуществляться – после 1917 г.

Самовластье лишило народ того разнообразия благородных идеалов, что создавалось предками на протяжении столетий.

Заработал план фальсификации народного характера путем подмены понятий личности – уравниловкой, коллективом; состояния свободы – принудителю, рабством; бесстрашия – страхом; правды – ложью; религии – атеизмом (воинствующим!). «Обезличка» ушла настолько далеко, что искоренено

не только слово, но и весь слой населения, называемый этим словом – КРЕСТЬЯНСТВО, потому что корнем его является Христос, христианство. Кто после этого будет сомневаться, что в основе самовластья заложен дьявольский план.

Задачи просвещения сведены к целям специального образования и ограничены узостью профессии; культура превращена в «образованщину»; интеллигенция – в относительно умственно-развитых людей выше семи классов школы – «образованцев». Все уложено в казенщину без нравственного содержания.

Вот, в чем и заключается вся трагичность современного просвещения – образования без моральных начал. Неограниченную власть захватило мещанство-сообщество людей, объединенных порукой в совершении подлости, связанных бесчестным словом лжи, трепещущих в постоянном страхе падения!

Сидней, Австралия.

ЧАСОВОЙ

Орган связи

Российского Национального Движения

под редакцией В.В. Орехова.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Годовая подписка: страны Бенелюкса 500 б. фр., США и Канада 20 долларов. Воздушная почта в Америке дополнительно 3 доллара в год.

**В. Orekhoff, 26 avenue Everard,
B 1190 Bruxelles (Belgique)**

ОТ МЕНЯ ЭТО БЫЛО *

Думал ли ты когда нибудь, что всё, касающееся тебя, касается одинаково и Меня? Ибо касающееся вас, касается зеницы ока Моего. Ты дорог в очая Моих, многоценен, и Я возлюбил тебя, а потому для Меня составляет особую отраду воспитывать тебя.

Когда искушения восстанут на тебя, если враг придёт, как река, – Я хочу, чтобы ты знал, что **от Меня это было**, что твоя немощь нуждается в Моей силе и что безопасность твоя заключается в том, чтобы дать Мне возможность сражаться за тебя.

Находишься ли ты в трудных обстоятельствах среди людей, которые не считаются с тем, что тебе приятно и что неприятно, которые тебя отстраняют, – **от Меня это было**. Я – Бог, располагающий твоими обстоятельствами. Ты не случайно оказался на своём месте: это то самое место, которое Я тебе предназначил. Не просил ли ты, чтобы Я научил тебя смирению? Так смотри: Я поставил тебя как раз в ту школу, где этот урок изучается. Твоя среда и живущие с тобой только исполняют Мою волю.

Находишься ли ты в денежных затруднениях,

* (Рукопись, вывезенная из России в 1942-ом году)

трудно тебе свести концы с концами, – **это от Меня было.** Ибо Я располагаю твоим кошельком. Я хочу, чтобы ты прибегал ко Мне, и был бы в зависимости от Меня. Мои богатства неистощимы; Я хочу, чтобы ты убеждался в верности Моей и Моих обетований, – да не будет тебе, чтобы тебе могли сказать в нужде твоей: «Вы не верили Господу Богу вашему».

Переживаешь ли ты ночь скорби? **От Меня это было.** Я – Муж скорбей, изведавший болезни; Я допустил это, чтобы ты обращался ко Мне и мог бы найти **утешение вечное.**

Обманулся ли ты в друге твоём, в комнибудь, кому ты открывал свое сердце? **От Меня это было.** Я допустил этому разочарованию коснуться тебя, чтобы ты познал, что лучший друг твой – это Господь. Я хочу, чтобы ты **всё** приносил ко Мне и поверял бы Мне.

Наклеветал ли кто на тебя? Предоставь Мне это дело и прильни поближе ко Мне, Убежищу твоему. Я выведу, как свет, правду твою и справедливость твою, как полдень.

Разрушились планы твои? Поник ли ты душою и устал? **От Меня это было.** Ты создал себе свои планы и принёс их Мне, чтобы Я благословил их; но Я хочу, чтобы ты предоставил Мне распоряжаться твоими обстоятельствами, – тогда и ответственность за всё будет на Мне; ибо слишком тяжело это для тебя, ты один не можешь всего исправить, – ты только орудие, а не действующее лицо.

Мечтал ли ты совершить какое-то особенное дело для Меня, а вместо того слёг на одр болезни и немощи? **От Меня это было.** Когда ты был погружён в дела, Я не мог привлечь твои мысли к Самому Себе, а Я хочу научить тебя самым глубоким мыслям Моим и тому, что ты на службе у Меня. Я хочу,

чтобы ты научился сознать, что ты – ничто. Одни из лучших соратников Моих суть те, которые отрезаны от внешней деятельности, чтобы им научиться владеть оружием непрестанной молитвы.

Призван ли ты неожиданно занять трудное и ответственное положение? Иди, полагаясь на Меня, Я вверяю тебе эти трудности, ибо за то благословит тебя Господь Бог твой во всех делах твоих, во всём, что будет делаться твоими руками. В сей день даю в руку твою этот сосуд священного елея – благословения Моего: пользуйся им свободно, дитя Моё. Каждое возникающее затруднение, каждое оскорбляющее тебя слово, каждая помеха в твоей работе, которая могла бы вызвать в тебе чувство досады, каждое откровение твоей немощи и неспособности, пусть будут помазаны этим елеем. **Помни, что всякая помеха есть Божие наставление.** Всякое жало притупится, если ты научишься видеть во всём Меня, что бы ни коснулось тебя. А потому положи себе на сердце **ВСЕ СЛОВА**, которые Я объявил тебе сегодня: – **ОТ МЕНЯ ЭТО БЫЛО** – ибо это не пустое слово для тебя, **но это – жизнь твоя.**

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ

Двухнедельный Церковно-Общественный журнал.

Основан Братством преп. Иова Почаевского в 1928
году

Подписная плата на год 20.

Отдельный номер 1. -

Russian Orthodox Holy Trinity Monastery
Jordanville, N.Y. 13361

МЫ ТОЖЕ ПОБЫВАЛИ В РОССИИ

(Несостоявшийся доклад для молодежи).

В отличие от большинства иностранцев, которые за 2-3 недели успевают все в России увидеть – быт, идеологию, культуру и даже, не говоря по-русски, с диссидентами поговорить, и конечно же сделать свои безапелляционные умозаключения, выразить восторг или осуждение или что там «все так, как и в других странах» – мы ничего толком увидеть, к сожалению, не успели, хотя и прожили эти 70 дней так интенсивно, что уже в конце ничего не воспринимали, никаких впечатлений: переутомились от их обилия. И выводов сразу никаких не сделали... Слишком много противоречивых впечатлений, недостатает многих звеньев, и главное, пропорций, а может быть и дистанции, чтобы сравнить, составить целостную картину. Поэтому мы с удовольствием поделимся просто нашими наблюдениями, в добавление к тем, которые вы имеете из других источников.

Очень часто, когда рассказывают о России, говорят главным образом о быте. Это, конечно, первое, что бросается в глаза. Да и книги об этом целые есть, даже иностранцев, – разного качества наблюдения и свидетельства, иногда сделанные с позиций биолога, под микроскопом рассматривающего чуждую ему распятую козьявку. А бывает – с большой любовью и старанием понять и проникнуть в суть. Хотя бы в суть того же быта. Не дай Бог, если иностранец походя примется разбирать и русскую

душу! По внешним, видимым признакам измеряя, ощущывая и описывая, можно ознакомиться с айсбергом, и по подтаявшему льду сделать абсолютно верные выводы о хрупкости, степени запыленности и других свойствах. И только столкнувшись с огромной и мощной подводной частью, на борту тонущего корабля гитлеры и наполеоны чешут затылки: на это мы не рассчитывали! Ни западные ученые и наблюдатели, ни даже **русские** писатели и художники об этом не упоминали! А **самобичующую** – от стремления себя же улучшить – **самокритику**, для покаяния и **самоусовершенствования** задуманную, принимают за описание фактов, типичности поведения и психологии. В действительности же они наталкиваются не на йонычей, печериных, князей мышкиных и трех сестер, а на сусаниных, матросовых, капитанов гастелло и девиц дуровых.

Интересную книгу написал, например, северо-американец Роберт Кайзер, проживший с женой и ребенком в России 3 года. Книга для нас, выросших в западном мире, очень интересная, так как она рассказывает нам понятным языком сравнений с образцами привычного для нас здесь быта, но человеком, который искренне старался Россию понять, и если и не все понял, то, во всяком случае, полюбил. А ведь и таких очень много! Мы встретили группу немцев из западной Германии – некоторые из них калеки: в России ногу, руку на войне потеряли. А теперь приехали туристами. Россию они полюбили, когда были в плену, и по ней стосковались. Видимо, не за бытовые недостатки, которые режут глаза, полюбили... А бывают другие, которые коммунальные квартиры (одна кухня, одна уборная на 5-6 семей, ютящихся в нескольких комнатах одной дореволюционной квартиры) объясняют... так: русские еще так суеверны,

что по одному в комнате спать бояться. Или глубоко-мысленно утверждают, что все экономические беды России от нашей неэкономности, которую они выводят из собственных наблюдений: как же, нет в умывальниках пробок – ни воду, ни мыло эти русские не экономят! (Бернард Шоу). Совсем другое увидел молодой журналист, которого в Россию потянуло потому, что его дядя-врач пробыл много лет в плену в России, вернулся состарившийся не по годам, но с мечтой в глазах – о России, о русских. И все старался и все не мог передать эту мечту своему племяннику.

Каждый (в немалой степени) видит то, что хочет увидеть. И что ему показывают. Смотря по темпераменту, подготовке и случайным обстоятельствам. И намеренному поиску. И умению подойти к людям. А также по уму, сердцу и наблюдательности.

Нас быт особенно не интересовал: Греция была великой страной и весьма повлияла на мировую культуру, несмотря на отсутствие телевизоров и ватер-клозетов. Карл Маркс сказал, что бытие определяет сознание. В России это часто перефразируют на «битье определяет сознание». С нашей точки зрения – не определяет, Боже упаси! Но – влияет... У человека, которому, чтобы «соорудить» простенькую еду – ну, скажем, чай с молоком и бутербродом, нужно простоять в 4 х 2 очередях – за хлебом, за сыром, за молоком и за сахаром, каждый раз за «чек» в кассу, а потом за продуктом, если удачно – всего по 20 минут в каждой, т.е. 2½ часа, сверх обычного рабочего дня, с отвратительными условиями транспорта, – времени на духовную жизнь, казалось бы, остается меньше, чем у нас. И если этот человек все-таки его находит... Получается, что те же явления приобретают иную окраску, иную цену, иной вес. Кто из нас здесь способен заплатить

месячное жалование за интересную книгу? Или стать с вечера на всю ночь в очередь в книжный магазин со смутной надеждой получить нужную книгу наутро (а завтра – на работу!)? Или церковь: едут за 3-5-8 часов к Литургии, к началу Проскомидии, чтобы не опоздать. Совсем как у нас... Крестить за 200-300 км. тоже, бывает, едут.

Внимательные иностранцы сокрушаются над тем, чего в России нет, и советское правительство прилагает все старания, чтобы эти пробелы восполнить. Подумайте только: уже появилась Пепси-Кола, жвачка, музыка бит, поп, битлс, прогрессивная – грохочет на целые кварталы из «молодежных кафе», которые уже появились в каждом городе, шум в них такой, что словом перекинуться нельзя – объясняются знаками; шьются «джинсы»; всякая мода, хоть и с некоторым запозданием (и утрировкой!), расплзается из Москвы, Ленинграда и Киева до самой глухой провинции... Слава Богу, только по поверхности! Нас же больше интересовало, что в России **есть** и чего нам здесь так часто недостает. Конечно, это не так заметно, как музыка в кафе. Например, под страшной внешней грубостью и еле сдерживаемой озлобленной истеричностью – глубокая сердечность. «В шубе в столовую нельзя! Если каждый в шубе будет заходить...» – следует 5 минут крикливых наставлений. А через минуту: «Вам нездоровится? Идите сюда, ближе к батарее... здесь не дует, отогреетесь. Я вам сейчас аспирин и чайку погорячее принесу». В музеях в каждой комнате сидит страж – старушка, которая буквально на всех лает: не трогайте руками! (мраморную статую). Не подходите близко к картине! Обратно итти нельзя! Но при малейшем вашем интересе к экспонатам тает и оказывается очень эрудированным знатоком и очень доб-

рожелательным экскурсоводом: «Ге писал Забелина много раз... У нас еще в той зале есть – обязательно посмотрите! Да обратите внимание, как здесь руки выписаны! Вы сегодня все посмотреть не успеете – обязательно приходите завтра, я вас Людмиле Михайловне передам, она вам такие миниатюры покажет! Так придете?» В трамвае пьяный инвалид не взял билета – контролер, измученного вида пожилая женщина, обязана требовать билет. Вспыхивает истерическая брань, инвалид сует военные документы и культяпку – но трех копеек на проезд у него нет. Весь вагон участвует, контролер в слезах. С одной стороны – «он кровь за нас проливал», с другой «с нее тоже по службе требуют». Пассажиры тычут деньги безгному... утешают рыдающую женщину – контролера. Все живут на пределе нервных сил, в воздухе все время – возможная каждую минуту истерика.

Поразительна чистота отношений – это вопреки страшной скученности, афишированному цинизму, мату, пьянству, разводам, разрешенному аборт, со времен Ленина теории половых отношений как «стакана воды», очагов разврата «на верхах», с тех же ленинских времен поощряемому доношительству, шпиономании, относительности материальных ценностей – это после 67 лет воинствующего материализма и голода 20-ых, 30-тых, 40-вых годов, все ухудшающихся недостатков всякого рода... Поразительна сплоченность семьи (которую там считают недостаточной – им-то сравнивать не с чем!). Однако немислимо, чтобы в старческий дом попал кто-нибудь, у кого хотя-бы какой-нибудь двоюродный племянник обнаружился. При недоступности гостиниц, самый дальний родственник естественно рассчитывает на гостеприимство в городской квартире – при

квартирной площади равной 9 кв. м. на человека это может быть подстилка между шкафом и дверью или под обеденным столом – неважно! Судьба, решения молодежи обсуждаются семейным советом. Нормально, чтобы старшие всеми благами жертвовали младшим – «они еще горя хлебнуть успеют». Молодежь одета хорошо, лица чистые, беззаботные, веселые, смешливые, радостные, упитанные. В стремлении скрасить жизнь младшим участвуют и дальние родственники и соседи и просто совсем посторонние люди. Стараются отдалить от молодых, от детей нищету, убогость, ужасы реальной жизни.

Жажда к познанию, к разрешению глубочайших жизненных задач, тема веры и верности, права на жизнь и на смерть, права рисковать или жертвовать жизнью человека во имя счастья других (Достоевский), тема «меньших братьев», чести и честности, святости любви, смысла и даже мистики брака, правды и права... Об «иметь» и «быть», об эстафете от предков к потомкам, об взаимной обязанности перед ними, о цене и ценности дружбы и человеческих отношений, о роли России в мировой истории, о судьбах земли и смысле жизни... Коммунистическая философия ответов на эти вопросы не дает, и поэтому человек принужден сам искать их вне марксистского мировоззрения. И он их там, у нас на родине, ищет.

Чудесно!... Не торопитесь... Когда вы воспарите – в восторге от духовности, сердечности, содержательности россиян, с высоты ваших восторгов низринет вас следующая встреча. Хамство, грубость, примитив. Ну, например, в виде наглой, подхалимной и циничной физиономии, которая на нижегородском наречии английского языка предложит вам продать ваши штаны. Или многообещающий мальчишечка, выпрашивающий «хум» (жвачку). Утешае-

тесь тем, что они нехарактерны, отводите взгляд в другую сторону, чтобы увидеть зигзаги какого-то удачливого раннего товарища (пьяных встречаешь в любое время дня, в любом месте, несмотря на пикеты дружинников, подбирающих пьяных, не стесняясь формами. Даже ногами...). Такие малоотрадные картинки идут вереницей, и когда мы уже совсем в уныние пришли – бабуля, торговавшая на улице поздравительными октябрьскими открытками (эта торговля, как и всякая другая легальная – от государства) на вопрос, нет ли у нее палехских или чего-нибудь хорошего, сокрушенно отвечает: «Нет, золотишко! Не дают!». А то – идем по незнакомой деревне (куда попали по недосмотру ответственной «няньки»). Уже снежок выпал. Вдруг за нами бегом два малыша. Суют в руки драгоценность – цветы одуванчиков, сорванные детской рукой – одни головки. Застеснялись, побежали обратно – мы оправиться не успели. И зацвели у нас одуванчики в душе...

Еще поразило нас, как люди доводят убеждения свои до последнего края: за посещение церкви сейчас не посадят, но продвижению по службе больше не бывать: идет в воскресенье к Обедне семья (в центре Москвы) – папа, мама, двое мальчишек несут цветы, спешат, боятся опоздать к началу. А мы привыкли к «с миром изыдем» являться. Если нужно 2-3-5 часов к ближайшей церкви ехать, и, не попав внутрь – полно! – мерзнуть (минус 15 градусов), краем уха улавливая отрывки церковного пения – едут! Но и... кончают жизнь самоубийством, если взрачивали в себе идею, а она – себя не оправдала. Больше цельности, что ли?

Верят ли в коммунизм? Если верят, то до последней черты. Сколько таких, мы судить не можем. Вероятно, очень немного. И то – только среди лю-

дей пожилых, особенно среди больших и преуспевающих специалистов, которых партия оберегала от реальной жизни. Больше таких, которые верят в рационализм, в «человек – это звучит гордо». А вот попутчиков, примазавшихся, не дающих себе труда разбираться, использующих для лучшей жизни (по сравнению с другими) и карьеры лозунги и «генеральную линию партии» – много. Пожалуй, единственное заключение, которое мы сделали – это, что никаких этикеток привесить, никаких заключений сделать – нельзя. Что бы совершенно очевидное вы ни утверждали – на все можно возразить: «не всегда», «не обязательно». Это – в плане политическом, экономическом, человеческом – во всем без исключения. Что, что бы вы своими глазами ни видели – по Пруткову: не верь глазам своим!

Верить или не верить своим глазам, когда в каждой почти пьесе, исторической или современной, кто-нибудь оборачивается к иконе на сцене и истово широким крестом крестится? И это вполне серьезно. Без насмешки. Мыслимо ли это было бы 30 лет тому назад без глумления? Не верь глазам своим и когда на сцене критикуют парторга, подчеркивают реальность провалов – моральных (взяточничество, блат, хамство, самоуправство, подхалимство, показуху) – конечно же, это отражает стремление и сверху и из зрительного зала как-то эти явления исправить; провалов экономических – вопиющих... Да мы не хотели бы говорить о быте: достоверно описать – никто не поверит всему этому абсурду!

Еще заключение наше: что в России, а не где-нибудь в другом месте на земле, будут решаться судьбы мира. Что к каждому явлению, к каждому человеку надо подходить с величайшей осторожностью, не клея этикеток – такая там атмосфера, что

любое черное каждую минуту может стать сверкающе белым: и апостол Павел был Савлом, и разбойник Кудеяр – фигура русская. Горе тому, кто этому превращению попытается помешать! И какая радость тому, кто к процессу этому будет причастен, даже в самой малой доле.

Россия пережила столько ужасов, у России столько горького опыта, столько искупительных жертв, столько мучеников, столько крайних решений и положений, что и крайний Свет Возрождения ей доступнее, чем любой другой стране и культуре.

Все это – ощущения. Личные. Которые нам хотелось бы передать вам, да, видно, невозможно это. Хорошо бы, чтобы каждый их сам пережил. Только не трехнедельным гостем интуриста, а, хорошо подготовившись, – участником.

Когда едешь в Россию – нужно твердо знать, что именно человек хочет видеть, но не иметь предвзятого мнения, а – открытые глаза. А также иметь в виду возможные трудности и туманы, в которых недостатка не будет. А там – на ловца и зверь бежит!

Что **мы** можем дать России? Конечно же, Россия обойдется и без нас – силища-то какая! Не даром народное поверье, что ее Сам Царь Небесный исходил, благословляя. Но какая радость, какой смысл всего нашего существования участвовать в этом Возрождении! А для этого в первую очередь нужно отказаться **от гордыни. От рецептов.** Там, на месте, вырабатываются **свои** формы для вмещения **своей** сущности, на пользу себе и заблудшему Западу. Заблудшему и блудливому, который всю свою свободу и богатство использует для ожирения и развращения телес и душ. С пользой для России мы можем быть свидетелями того отрицательного опыта, которому мы были очевидцами в местах нашего рассеяния, (национал-социа-

лизм, различные виды демократий и т.д.), чтобы сократить поиски путей, а также и свидетельством редких положительных форм. Легкие решения в России неприменимы, нужно много вдумчивости, любви, внимания – каждому отдельному явлению, каждому отдельному человеку, национальному и социальному образованию. Злодей? Почему? – Материалист? Что его к этому привело? Где его максимум стремлений? Что потом, что дальше, когда он этого максимума достигнет? А если раком заболит – зачем жил? И что тогда? Самоубийство? Или сына попросить, чтобы – помог «уйти со сцены»? (Мы про этот случай узнали. Конкретный случай. Оба – чудесные люди, жертвенные, талантливые, очень ценимые окружающими. **Неверующие**. Сын «помог». Зарезал и тут же с собою покончил...). Сила чудесная и ужасная в русских именно в том, что там чашу испивают до конца; а мы здесь – балуемся, пригубляем, играем мыслями и теориями, благо – за обед все равно сядем, и за слова не расплачиваемся.

Еще какую мы пользу возможную видим от нас здесь для России – это бережное сохранение традиций; опять-таки там и «без нас обойдутся», но нам здесь легче, больше источников, больше людей помнящих. И поиск смысла, значения этих традиций – ведь даже вышитая кайма сарафана была до-письменной молитвой, «оберегом», стремлением к добру, к охране от искушений – смотря по рисунку, всегда символическому. Традиции церковные возвращаются в жизнь лучшей части российской молодежи, которая их пытается осмыслить, вернуть им их превоначальную силу, а не только обрядность, и от этой силы обрести непобедимость.

Большинство из нас в церковь пришло за ручку с мамой или бабушкой. Вот так крестись, вот так

свечку ставь, вот так к причастию подходи. Смысл всего этого и нам приходится постигать со временем самим. Так же, как и комсомольцам в России! Только для них еще и порог церкви переступить – героизм и собственное решение. Таких решений много: первый раз перекреститься. Понять молитву, достать, переписать для себя. В церкви молодежь часто с рукописными молитвенниками – а ведь проповедь запрещена, молитвы нужно «доставать». Рискуя нарваться на провокацию. Потом – решиться на крещение. А жизнь параллельно требует своего – учеба, работа, маму нужно к доктору, обязательные «добровольные поездки на сбор картошки», или свеклу, или хлопок собирать осенью, – независимо от специальности, включая скрипача и глазного хирурга; нужно «достать» лекарства, «доставать» каждый день пропитание, и одеться каждому тоже нужно – тоже «достать», за углом не купишь. «Достать» книгу – почитать стоящее. Библию нужно «доставать» даже за 450 рублей (трехмесячное жалование врача или инженера с пятилетним стажем), а писания отцов церкви или философские труды православных мыслителей – и за любые деньги почти невозможно. Но – достают!

Если женился: каждый предмет домашнего обихода – чайник, кастрюля, детская коляска, пеленки – «достать»! И через все это одновременно идет – крепнущая вера. Решает человек креститься. Жена – член партии (конкретный случай). Крестят детей: надо быть готовыми ко всем неожиданностям. Он бы в священники пошел, а пока хотя бы в дьяконы – да невенчаны. Смиренно ждет, чтобы благодать на жену сошла.

Увеличение доходов идет гл. обр. по линии интеллигенции. К ранней обедне (7 ч. утра), к началу. С портфелем, раполагаются основательно, вешают шу-

бу, шляпу, портфель на полу в ногах. Молятся исто-
во, подпевают – никто не оглядывается, не шипит на
поющего. Поглядывают на часы – не опоздать бы на
службу – к 9-ти, к 10-ти. Это в невоскресные службы.
Посещаемость церкви по сравнению с католической в
католической же свободной стране: в России больше
бабушек в платочках (говорю об облике, независимо
от возраста), здесь – дам с завивкой; мужчин больше
в России, здесь они старше, там – преимущественно
от 16 до 35 лет, приблизительно. Детей школьников
(пионерский возраст) там в церкви встретишь редко,
здесь больше, но молодежи и подростков больше там.

У русских в семьях по несколько детей бывает
только в прицерковных кругах: в семьях или детей
нет, или один, т.к. иметь двоих – безрассудство,
а троих – безумие: как их прокормить, воспитать
и вырастить? Каждый ребенок – роскошь, требующая
жертв всей семьи. И еще маячит перед многими:
растить для Гулаг'а? Для очередной чистки? Для
Афганистана?

Но вот в церковь входит молодая женщина с
младенцем плюс еще четверо мал мала меньше.
Старшей лет десять. Милостыни не просит, и сама, и
дети чистенькие, аккуратные. Всю службу стоит в
церкви. По окончании службы вся церковь приходит в
движение – все норвят что-то ей дать: каждому по-
нятно, что значит кормить и растить 5 человек детей.
Лица и у нее, и у окружающих просветленные, ра-
достные, хотя едет она – без денег – в Сибирь к мужу:
жила у свекрови, но та дочку замуж выдает, и жить
дочка будет у матери. Для всех места нет. Пришла
перед дорогой детей причастить. Тут же в церковной
ограде перепеленала младенца, всех накормила (т.к.
народ бегаёт с авоськами – авось где-нибудь что-ни-
будь «дают», – у каждого для нее что-нибудь и на-

шлось, много конфет и кускового сахара). Ощущение – общности, радостного общения. Не в России – мыслимо ли?

С западными мерками и сравнениями в Россию ехать не стоит – ничего не поймешь. Вернее, ничего не прочувствуешь, хотя перед поездкой очень полезно прочитать книгу вдумчивого и доброжелательного иностранца, прожившего в России достаточно долгое время, которому естественно не воспринимать, а сравнивать. Этим человек как бы экономит свое собственное время, готовится уже чувствовать, а не ахать и сравнивать, удивляться и негодовать. И пользуется уже личной своей благодатью – быть русским, чтобы чувствовать глубоко и верно.

Еще нужно вооружиться всепрощением и терпением ко всему грубому, жесткому, циничному – (малюсенький пример: «спасибо не булькает»), – иначе нам, русским, очень больно. Делать сноску на то, что пронести нежность и чуткость душевную через все то, что там пережито и переживается – тоже геройство, и требовать его можно не от каждого – нужна сила несокрушимая. Кто послабее – защищается панцырем мата.

Уже выехав из России, мы встретили несколько представителей 3-ей эмиграции и заинтересовались ими. Они старательно подчеркивали, что Россия им – «до лампочки», что они не тоскуют, не собираются домой – никогда! А в дальнейшем разговоре выясняется, что один пытается выращивать карликовые цитрусовые, чтобы семена посылать в Москву, Ленинград и другие северные города, чтобы там бабуши могли на окошке лимоны и апельсины выращивать – там ведь не достать! Другая: я ненавижу Россию! А сама живет впроголодь, т.к. скупает брошенные русские библиотеки: нельзя же, чтобы эти ценности

пропали! Еще один – антиквар-специалист, участвует в интернациональных аукционах. Ему тоже «Россия ни к чему», он, видите ли, наверстывает, предпочитает наслаждаться жизнью на яхте в Майами; а сам – скупает... пряничные доски! «Ведь в России это было настоящим народным искусством».

И в России много вот таких – часто даже членов партии, комсомола, но ратующих за сохранение и реставрацию церквей, памятников, музеев. Инстинктивно? А полюбив прошлое своей родины – сначала как искусствовед, оправдываясь пользой для народа и экономической выгодой от туризма, смотришь – и лоб перекрестит! И – ох как боишься спугнуть ангела-хранителя, осеняющего такого партийца крылом своей благодати! Вот продавцы икон – из под полы, конечно. Хлющеватые, циничные «знатоки» искусства и иконописи. Но в прицерковных кругах знают: редкий из них через год – полтора кощунственного торгашества не придет смиренно к церкви. Там говорят: икона победила. Благодать? Но и тут – даже тут! – будьте осторожны. У кого-то это служит, сознательно или подсознательно, целям самозащиты. Вспомним, как во Вторую мировую войну и коммунисты в шапки зашивали 90-тый псалом. Как за Сталина докатились до Сталинграда, а под церковный колокольный звон – до Берлина.

Во многих кругах, включая и верхушку, а также и в научно исследовательских работах, наблюдается повышенный интерес к нашему историческому прошлому, которое многие десятилетия находилось под строжайшим запретом.

Раньше интерес к прошлому или малейшее проявление национализма рассматривалось как государственное преступление, и как таковое и каралось. Изучение истории сводилось к 10 страницам от древ-

лян до революции 1905 года, и тяжелые тома, в мельчайших, внимательно к данному моменту подогнанных и отработанных деталях, посвящались периоду от первой революции до настоящего времени. Чем объяснить такую перемену?

Когда среди окружающих мерзости запустения, подлости, грубости и фанфар официальных «жить стало лучше, жить стало веселей», на фоне свинообразных рях с доски почета, видишь светлые ростки православного и национального возрождения, спрашиваешь себя, как это возможно:

1. допущено, потому что наверху есть и русские национальные силы,
2. патронируется, как усиление отпорных сил на случай войны,
3. допущено, не могут, боятся сдержать давление снизу – воскресение национального самосознания,
4. допущено с провокационными целями, для выявления и уничтожения в подходящий момент тех же непокорных первому партийному окрику сил . . .

Список предположений можно продолжить до бесконечности, без того, чтобы одно исключало другое.

То же разнообразие «почему» возникает при посещении театров – новые пьесы, новые формы; темы – хоть сейчас на антикоммунистический спектакль! –

1. допущены, как предохранительный клапан во избежание взрыва?
2. не заметили, проворонили крамолу?
3. допущены, как спуск на тормозах, эволюция?

То же в литературе. Дохлый Литературный журнал вдруг раскупают нарасхват. Подписка утраива-

ется: печатается новый автор. На ортодоксального соцреалиста не похож. Эволюция? Берегитесь делать выводы!

Широко откройте глаза, без предвзятости. Не пожалее: ваше понятие о смысле жизни приобретет более определенные очертания.

« Зарубежная Русь »

Ежемесячный журнал — общественно-литературный орган русской национальной и православной мысли.

12-ый год издания. Годовая подписка — 18 долларов.

Адрес: Russia Abroad Publ., P.O. Box 19225, Washington, D.C. 20036, USA
Редактор А.А. Соллогуб

« РУССКАЯ ЖИЗНЬ »

Основана в 1921 г. в г. Сан-Франциско

Русская национальная газета

Отделы: религия, наука, история, политика, литература, женский, спортивный, хроника, медицинский, юмор, крестословицы.

Выходит 5 раз в неделю (вторник - суббота)

Подписная плата: 1 год — 50.00 ам. долл.,
6 мес. — 30.00 ам. долл.,

Адрес:

2458 Sutter Street, San Francisco, Calif. 94115.

Зная, что архиепископ Серафим (Чикагский) хорошо знал автора данной статьи, мы запросили его впечатление о воспоминаниях о. Сергия Шукина. Получив лестный отзыв как о статье, так и о ее авторе, мы приводим из письма Владыки отрывок, в котором он вспоминает эпизод из своей студенческой жизни:

«В университете никто себя верующим не выявлял, хотя был печальный 1915 год, когда наши армии отступали.

Я помню такой случай. Иду я из университета с двумя коллегами по Б. Никитской. Там было много церквей. Я, по привычке, около одной перекрестился. Тогда один из моих коллег спрашивает, что я сделал? Я ответил: 'Перекрестился'. 'Как, вы студент Московского университета ВЕРИТЕ В БОГА? Стыдитесь!'».

Редакция

Прот. Сергей Щукин

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

(1900-1934)

От составителя.

Волею Божией я остаюсь в Эмиграции одним из последних представителей Русского Студенческого Христианского Движения на территории России. Начиная со студенчества, когда я вступил в кружок в 1909 г., и по 1934 г., когда я был арестован органами НКВД и сослан на 5 лет в концентрационный лагерь, я был связан с работой Русского Движения. Таким образом, 25 лет моей жизни я работал среди студенчества и молодежи, сначала легально, а с 1923 г. – подпольно. За эти годы мне приходилось принимать участие во Всемирных Конференциях Движения, присутствовать на съездах и совещаниях Русского Движения и поддерживать связь с разными группами студентов в студенческих центрах.

Я не думаю, чтобы в Советском Союзе имелись какие-нибудь воспоминания или документальные материалы о Русском Движении. Поэтому я считал своим долгом составить сводку фактов, известных мне, которые, быть может,

пригодятся при составлении истории Русского Движения. Вот почему настоящую записку надо рассматривать как **материалы** для этой истории, поскольку я не располагаю здесь, в эмиграции, никакими документальными данными. Все, написанное здесь, основано на моих личных воспоминаниях и на немногих печатных изданиях, опубликованных за границей.

Протоиерей С. Шукин

Канада, июль 1968г.

ЧАСТЬ I.

РУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ ДО РЕВОЛЮЦИИ *Годы 1900-1917*

1. Предварительные замечания.

Несмотря на то, что Россия была Православным государством, где религия охранялась законами, в ней никогда не было каких-либо организаций для православной молодежи, если не считать небольших кружков среди студентов богословских школ. Официально такое положение мотивировалось тем, что дети и юноши получают достаточное религиозное образование и воспитание во всех государственных и частных школах, включая и университеты. Действительно, во всех учебных заведениях в России было преподавание обязательного Закона Божия, проводимое священниками; а в университетах и других высших школах читались лекции по общему богословию с обязательной сдачей экзамена по этому предмету.

Однако, при более близком знакомстве с этим вопросом, можно было убедиться, что уроки Закона

Божия только в начальных школах и в младших классах средне-учебных заведений более или менее достигали своей цели. В старших классах преподавание Закона Божия было слишком отвлеченным и формальным и не оказывало глубокого влияния на души подростков. Поэтому, несмотря на довольно широкую программу по Закону Божию в старших классах,¹ все эти знания усваивались поверхностно, не влияя на души и волю учащихся. К тому же во время уроков истории, естественных наук, физики и космографии – все учителя проводили идеи материализма, дарвинизма и даже марксизма в качестве последних выводов этих наук. Благодаря этому все основы Библии, христианского богословия и православной веры почти полностью разрушались, так как молодежь не могла противопоставить «данным науки», какихнибудь научных возражений или прочных личных убеждений.

Что касается преподавания Богословия в высших школах, то этот предмет совершенно не интересовал студентов, на лекциях бывало 2-3 студента, а подчас и никого. А сдача экзамена производилась кое-как, часто с помощью обмана, например, через подставных лиц, заранее подтасованных билетов и т.д. Другими словами, все то, что дети получали в семье, а потом в младших классах школы, в религиозном смысле, почти полностью разрушалось «научными» теориями и практическим безверием школьных учителей. И окончательно всякие остатки религии уни-

1. Достаточно указать, что за 7 лет средн. школы учащиеся проходили: историю Ветхого и Нового заветов, сокращенный катехизис, православное богослужение и таинства, историю Христианской и Русской Церкви и начатки Общего и Апологетического Богословия. Имея 2 урока в неделю, общий объем знаний получался весьма обширный.

чтожались учебниками, профессорами и студенческой средой в высшей школе, где они не слышали ничего в защиту религии... Такова была трагедия русской дореволюционной интеллигенции, совершенно оторвавшейся от религиозных корней и поверившей только в спасительную силу социальной революции.

Чтобы показать, что такое мнение свойственно не только пишущему эти строки, приведем краткую выдержку из статьи типичного русского интеллигента, профессора-экономиста (а впоследствии священника и богослова С.Н. Булгакова). Еще в 1909 г. в статье «Героизм и подвижничество», он писал:

«...‘приподнятость настроения’, экзальтированность, опьянение борьбой... – все это родная стихия героизма. Поэтому так и велика сила революционного романтизма среди нашей интеллигенции...»

Психологии интеллигентского героизма больше всего импонируют такие общественные группы... при которых он наиболее естественен во всей последовательности прямолинейного максимализма. Самую благоприятную комбинацию этих условий представляет у нас учащаяся молодежь (разрядка наша – о. С.Щ.). ...молодежь выражает тип...героического максимализма. Духовная педократия (господство детей) – есть величайшее зло нашего общества... – Это уродливое соотношение, при котором оценки и мнения «учащейся молодежи» оказываются руководящими для старейших... в одинаковой степени пагубно и для тех, и для других. ... Психологически же это объясняется духовным складом интеллигенции, остающейся на всю жизнь тою же учащеюся молодежью. ... ‘Студент’ стало нарицательным именем интеллигента в

дни революции. ... идеал христианского святого, подвижника здесь сменился образом революционного студента».²

В результате такого воспитания и образования студенческая молодежь перед Революцией была почти сплошь безрелигиозна. В такие моменты, как убийство представителей государственной власти, вооруженных восстаний или политических забастовок – русское студенчество единодушно выступало вместе с революционными партиями. В чисто студенческих организациях – в землячествах и в обществах помощи студентам – ведущая роль принадлежала группам социал-революционеров или социал-демократов, которые выполняли директивы своих партий. Весьма небольшая прослойка студентов, не принадлежавших к левым партиям, никаких организаций не имела и занималась лишь своим учением. Да и почти невозможно было в те годы образовывать какие-то не социалистические объединения, которые бы сразу не вызвали гонение, бойкот и т.п.

В то же самое время всякие студенческие собрания и организации находились под постоянным контролем полиции. Такое отношение было вполне понятным, поскольку правительство рассматривало студенчество как самый опасный элемент. Было правило, что всякое собрание числом более пяти человек должно происходить только с разрешения полиции. Причем требовалось, чтобы заявление о разрешении собрания подавалось не позже как за 10 дней, с указанием времени и места собрания, имен докладчиков и конспекта их докладов. Но даже и на разрешенные собрания командировался представи-

2. Сборник «Вехи», 1909 г., стр. 43-44.

тель полиции, следивший за тем, чтобы не было отклонений от темы собрания.

Революционные организации старались проводить свои собрания и встречи конспиративно, и имели в этом большой опыт. Но если кто впервые начал собрания среди студентов, то ему приходилось с большим трудом выполнять все требования властей. Еще более сложным было дело устройства религиозных собраний или кружков. В этих случаях, кроме полицейского надо было получить также разрешение местной духовной власти. Обычно местные архиереи или даже Святейший Синод ставили условием, чтобы во главе собрания (или кружка) был православный священник. Вполне понятно, что появление на собрании священника было бы большим препятствием для приглашения широкого круга молодежи, видевшей в этом нечто казенное и стеснительное. Особенно большие осложнения вызывали собрания, когда приезжали заграничные докладчики. К ним власти относились с еще большим недоверием, исходя из того положения, что кто же другой может интересоваться русскими студентами, кроме потенциальных врагов Православия. Таковыми считались секты, римо-католики, толстовцы, теософы, международные еврейские круги или же франк-масоны.

Мы сочли нужным более подробно остановиться на политической и церковной обстановке того времени, чтобы показать те затруднения, которые приходилось преодолевать инициаторам религиозных собраний для русских студентов. Но более всего неприемлемым для управления Русской Православной Церкви являлся принцип интерконфессиональности, т.е. равноправия всех исповеданий. Исходя из понятия о Православии, как господствующей

щей в России религии, Святейший Синод никогда не соглашался с таким принципом Всемирного Студенческого Христианского Движения. На этом основании Синод требовал, чтобы во главе всякой студенческой религиозной организации стоял православный священник.

Однако первые руководители Русского Движения хорошо понимали, что организация чисто студенческих кружков под опекой Церкви угрожала превращением их в некоторую казенную организацию, которая не могла бы вызвать интереса или доверия со стороны студенчества. Такое убеждение не являлось следствием сомнений со стороны учредителей в духовных возможностях Православия, но признанием того факта, что в условиях связи Церкви с государством не представляется возможным ведение независимой от всякой политики духовной работы среди антицерковно настроенного студенчества. Вот почему П.Н. Никола́й так настойчиво проводил идею самостоятельных и интерконфессиональных кружков. И как бы мы ни относились к принципу равноправия исповеданий, необходимо признать, что в то время это был единственно возможный путь для обеспечения некоторого доверия со стороны интересующихся религиозными вопросами студентов. Этот взгляд вполне подтверждался фактами из практики: в то время как всякие выступления и со стороны официального Православия не имели успеха, независимые религиозные общества, в роде сектантов или религиозно-философских кружков, вызывали интерес в народе и в интеллигенции.

В конце концов П.Н. Никола́й все же удалось добиться если не легализации, то по крайней мере терпимого отношения к студенческим христианским кружкам. Эта терпимость была основана прежде все-

го на личном доверии властей к таким лицам, как сам П.Н. Никола́й, или Н.И. Оржевская, А.С. Шереметева и др. Под их ответственность и были допущены первые студенческие кружки в Петербурге и в Москве.³ Впоследствии, когда власти убедились, что кружки стоят вне каких либо левых политических течений, никаких вмешательств в их деятельность не было. Но все же надо подчеркнуть, что до самой революции ни отдельные кружки, ни образовавшееся в 1913 г. Русское Студенческое Христианское Движение, никакой правовой почвы под собой не имели и существовали чисто явочным порядком. И если ни один кружок не был, тем не менее закрыт, то это надо объяснить тем, что власти все же считали, их скорее полезными, чем вредными...

2. Возникновение русского движения.

Начало Русского Движения тесно связано с личностью барона Павла Николаевича Николаи. Так как единственная биография, появившаяся после его смерти, была написана на шведском языке и переведена на английский, то необходимо подробнее оста-

3. Следует упомянуть, что как Наталия Ивановна Оржевская, вдова, кажется, Киевского генерал-губернатора, так и Анна Сергеевна Шереметева были, во-первых, православными, а во-вторых, стояли вне всяких подозрений, принадлежа к весьма высоким кругам аристократии и чиновничества в Петербурге. Н.И. Оржевская особенно помогла при открытии кружка в Киеве, а А.С. Шереметева, активно работая в Московском кружке, была его постоянным защитником перед московским генерал-губернатором.

новиться на его характеристике, как она осталась в памяти у нас, членов Движения.⁴

Павел Николаевич родился в Финляндии, в аристократической семье шведского происхождения. Получив прекрасное домашнее и школьное образование (например, он с детства говорил на шведском, финском, немецком и английском языках), П.Н. окончил юридический факультет Петербургского Университета и поступил на государственную службу в секретариат Государственного Совета в Петербурге. С детства он был довольно слабого здоровья, а поэтому не принимал участия в светском обществе столицы, а довольствовался немногими ближайшими друзьями. К этому его побуждала и его ранняя религиозность, о возникновении которой сведений не имеется, так как П.Н. не любил много говорить о себе. Известно лишь, что он состоял в некоторых религиозных организациях, например в клубе молодежи «Маяк» в Петербурге и в Обществе распространения Священного Писания. Происходя из протестантской семьи, П.Н. вряд ли был активен в какомнибудь приходе; мисс Раус, на книгу которой нам часто придется ссылаться, высказывает мнение, что он был не столько протестант, сколько пиетист.⁵ Во всяком случае, среди его петербургских знакомых совсем не было официальных представителей протестантского духовенства, а скорее верующие интеллигентные люди типа «сво-

4. Грета Лангенсхольд, *Барон Павел Николай. Христианский деятель и руководитель студентов в Северной и Славянской Европе*, Нью-Йорк, 1924.

5. Руфь Раус, *Всемирная Христианская Студенческая Федерация. История первых 30-ти лет*, Издание Христ. Студ. Движения, Лондон 1948, стр. 163.

бодного евангелизма», как например г-н. Пистолькорс, А.И. Пайкер и др. С другой стороны, среди его близких друзей был также генерал Максимовский, человек православный, убитый революционерами в 1907 г.

О характере религиозности П.Н. говорят следующие факты: еще в его юности, врачи рекомендовали ему для укрепления здоровья заниматься парусным спортом. Он завел себе небольшую парусную яхту и летом плавал на ней у берегов Финского залива. Но чтобы эти поездки были не только для него одного, П.Н. стал их употреблять и для служения Богу. Остановливаясь у берегов, он посещал финских рыбаков и крестьян, распространяя среди них Священное Писание и другие религиозные книги.

О работе П.Н. в качестве чиновника Государственного Совета у нас сведений тоже не имеется, но прослужив там ряд лет, П.Н., очевидно, не удовлетворялся этой работой. Годам к сорока он вышел в отставку и, имея обеспеченный доход,⁶ решил посвятить себя религиозной и общественной деятельности. Вскоре Бог указал ему новую область для духовной работы.

Во время своих поездок за границу П.Н. посетил некоторые религиозные конференции. Благодаря знанию языков, это привело его к знакомству с некоторыми религиозными деятелями, в том числе и с участниками Всемирного Студенческого Христианского Движения. Характер этого Движения очень заинтересовал П.Н. и он вскоре решил принять в нем участие.

6. Он был владелец «майората» в Финляндии, т.е. наследственного имения, которым пользовался пожизненно. После его смерти этот майорат перешел к его родственникам по боковой линии.

В 1899 г. др. Джон Мотт, Генеральный Секретарь Мировой Федерации Христианских Студенческих Союзов, посетил Петербург и говорил с П.Н. Николаём о ближайших задачах Федерации. Он считал, что такая громадная страна, имеющая свыше 120 тыс. студентов, должна также начать работу по объединению их на почве христианства. Слушая его, П.Н. ясно почувствовал, что нужен такой человек, который бы мог отдать всего себя этому делу; и со страхом в сердце он спросил себя – «Мог ли я быть этим человеком?»... В этом П.Н. увидел Божий призыв и остался ему верен до конца.⁷

С этого времени П.Н. стал думать, как он может начать эту работу: Перед ним стояли громадные трудности, а именно: 1) он был пожилым человеком, не имевшим никаких связей со студенчеством; 2) он был лютеранин, в то время как большинство русских студентов происходило из православных семей; 3) он происходил из аристократической среды, тогда как русское студенчество состояло из разночинцев, и отрицательно относилось к аристократии... С человеческой точки зрения задача, стоявшая перед ним, была безнадежна. Но П.Н. надеялся не на свои силы, а на помощь Божию.

Вскоре ему удалось собрать небольшую группу студентов протестантов, большею частью немецкого происхождения, с которыми он читал Евангелие.⁸ Но это еще не были те русские студенты, с которыми он хотел работать. Среди знакомых П.Н. был только один студент, но и тот не имел больших связей с студенчеством. Тогда П.Н. решил молиться

7. Раус, стр. 162.

8. Там же, стр. 77-78.

вместе с ним и с еще одним верующим петербуржцем о том, чтобы Бог открыл им дверь в студенческую среду. Целых три года эта маленькая группа взывала к Богу и, наконец, в 1904 г. П.Н. удалось объединить вокруг себя кружок студентов, положивший начало первой русской студенческой христианской организации.

Как ни странно, но оформление этого Петербургского Кружка произошло в самое, казалось, неблагоприятное время – во время студенческих волнений и так называемой «первой русской революции» 1905-06 гг. Быть может, это объяснялось некоторой реакцией части студенчества на крайности этого времени.

Чтобы закончить этот раздел, скажем еще о том впечатлении, которое оставалось от Павла Николаевича у русских студентов, т.е. каким образом были преодолены противоположности этих «двух миров»?

Во-первых, П.Н. был совсем не похож на обычных русских аристократов – надменных, избалованных, зараженных снобизмом. С первого взгляда в П.Н. был виден культурный, воспитанный европеец. Начиная с его одежды и кончая отношением к самому последнему слуге, это был вежливый, выдержанный и благожелательный человек. В его манере держать себя не было ничего высокомерного, пренебрежительного. Все это невольно вызывало к нему уважение и доверие.

В своей общественной деятельности П.Н. был чрезвычайно скромн, даже застенчив. Он не признавал в себе никаких ораторских или организаторских талантов, а поэтому выступал с речами и докладами только в тех случаях, когда говорить было некому. Он всегда чувствовал себя недостаточно способным к этому и охотно уступал слово другим. Тем

не менее, все его доклады и выступления были очень содержательны. Еще больше он привлекал молодежь при личных встречах. В них было много внимания, которое так ценит русский человек. В своих беседах с молодежью П.Н. никогда не говорил о своих чувствах и планах, все его внимание было обращено к собеседнику, к его духовным нуждам и запросам. Такая любовь завоевывала сердца студентов.

Была другая сторона в П.Н., которая тоже импонировала студентам. Русская молодежь всегда была несколько распушена, лишена самодисциплины. Но П.Н. был «европеец», аккуратный, не любивший длинных отвлеченных рассуждений и умевший беречь свое и чужое время. Такая деловитость и организованность П.Н. заставляла подтянуться и членов кружков. Одна из русских студенток рассказывала пишущему эти строки, что однажды П.Н. назначил ей деловое свидание в 11 ч. утра. Она позвонила к нему на пять минут раньше. «Простите – сказал он, открывая ей дверь, – вы пришли раньше времени, а потому немного подождите, пока я кончу письмо . . .».

Преданность П.Н. делу служения студентам всегда поражала. Казалось, что все его интересы были сосредоточены вокруг задач Русского Движения. Но в то же время П.Н. был весьма осведомленным и интересующимся текущей жизнью. Он много читал и у него можно было видеть журналы на разных языках. Но все эти интересы он подчинял своей главной цели – работе среди студенчества. Однажды взявшись за эту работу, он служил ей до конца.

Наконец, была еще одна особенность у П.Н., всегда поражавшая знавших его как в России, так и за границей – это его знание языков. Он не только говорил на шести европейских языках – русском, английском, немецком, французском, швед-

ском и финском – но и был прекрасным переводчиком. Когда в Россию приезжали иностранные лекторы, он мастерски переводил, фразу за фразой на русский язык. Еще более поражало это на международных съездах Движения, когда П.Н. переводил на английский язык доклады делегатов, выступавших по-немецки, по-французски или по-русски. Было видно, что он в совершенстве владеет каждым языком и без заминки находит подходящие выражения для перевода.

Вообще в своей общественной и организационной работе П.Н. отличался своей деловитостью, трудоспособностью и настойчивостью. Причем все он делал необычайно спокойно, систематически, без спешки или нервозности. Ни трудности, ни неудачи не нарушали его спокойных, «неслышных» темпов работы. В связи с этим вспоминается, как один из его учеников, выдающийся руководитель Русского Движения, характеризовал его: «Он работал без шума, без остановок, без задержек, как хорошо налаженный мотор...».

3. Первый Студенческий кружок в Петербурге.

Основанный П.Н. Николаи кружок в Петербурге имел следующие особенности: он состоял из молодежи преимущественно протестантских исповеданий, своей главной задачей имел знакомство с Евангелием и с самого начала был связан со Всемирным Христианским Студенческим Движением.

Как и последующие кружки в других городах, Петербургский имел свои особенности: это были столичные студенты, не всегда русского происхожде-

ния (балтийские немцы, шведы, эстонцы), большей частью из зажиточных семей, придававшие ему тон добропорядочности и терпимости. Только позже, через 5-6 лет в нем увеличилось число русских студентов, обычно провинциалов и православных. Впрочем, и тогда характер кружка продолжал оставаться протестантски-евангелическим, что не всегда удовлетворяло православных. Участие в работе кружка православных лекторов, а тем более священников, было очень незначительным.

С первых же шагов кружок состоял из двух частей – мужской и женской, поскольку такое разделение проводилось и за границей. Однако, по существу это был один кружок: во-первых по руководству, во-вторых, по общим задачам, в-третьих, по общим выступлениям. Сам П.Н. постоянно стремился к тому, чтобы обе ветви были на одном корне.

Своими целями Кружок ставил: привлечение верующих и ищущих, устройство групп для изучения Евангелия, организацию лекций и бесед призывного или апологетического характера. В специально изданных листовках от имени Петербургского Студенческого Христианского Кружка, характер Кружка формулировался так: 1) Объединяет только учащуюся молодежь; 2) Членами могут быть лица различных христианских вероисповеданий; 3) Кружок не сектантский и не имеющий связи с каким либо вероисповеданием; 4) Поступающие в него остаются членами своих церквей или общин.

С помощью того же П.Н. Кружок вскоре получил свое помещение, которое стало центром работы. В том же доме на Мойке, где жил П.Н., но ниже, была снята просторная и светлая квартира. Две самых больших комнаты были соединены в зал для собраний, там стояла фисгармония, висели фотогра-

фии из жизни кружка и т.п. Две меньших комнаты были заняты канцелярией и библиотекой. В этом помещении по воскресеньям проводились беседы, а в будние дни собирались группы для чтения Евангелия. При квартире жил швейцар – финн и имелась посуда для устройства чая после собраний.

Кружки для изучения Евангелия имели по 5-7 человек, с руководителем, отдельно для мужчин и для женщин. Воскресные собрания были открыты для всех, и докладчиками были как мужчины, так и женщины. Но в действительные члены кружка принимали только верующих, которые и отвечали за работу и принимали новичков. Общее количество таких членов колебалось из года в год, но было между 30-50 женщин и мужчин. Число участвующих в изучении Евангелия тоже колебалось от 20 до 50 человек. Состав Кружка был вообще текучий, каждый год учащиеся то приезжали в Петербург, то уезжали после окончания учения. Благодаря этому в качестве основных работников были главным образом петербуржцы. Желая сделать кружок более самостоятельным, П.Н. стремился выдвигать активных членов и выбирать их в виде председателей или секретарей, ответственных за всю работу. Эти лица разделялись на женщин и мужчин. Но в то же время, эти руководители вместе с особо избранными членами образовывали Комитет Кружка, который фактически направлял работу.

Этим путем постепенно выделились некоторые из главных работников Петербургского Кружка, которые продолжали в нем работу и после окончания своего учения. Таковы были, напр., Мария Леонардовна Бреше (скончалась в 1926 г. в эмиграции), Мария Ивановна Курилёнок, Сильвестр Еремеевич Ланевский, Александр Иванович Никитин и другие.

В Петербургском Кружке, как и в некоторых других, бросалось в глаза преобладающее количество учащихся не в университете, а в специальных технических институтах – технологов, путейцев и политехников. Некоторое объяснение этого можно найти в том, что в университете студенты имели больше возможностей удовлетворить свои душевные запросы на лекциях и в других студенческих кружках; а студенты технических школ имели меньше «пищи для души», а потому искали ее на стороне.

Единственно, чего П.Н. не удалось, это получить легализацию Кружка. Как уже говорилось, в обстановке предреволюционного времени русское правительство не могло признать организацию молодежи на интерконфессиональной основе. В те времена всякое религиозное начинание должно было стоять под руководством Православной Церкви. Казалось бы, что такие организации для учащейся молодежи были необходимы в России. Но в действительности начинания такого рода не имели успеха. Хорошим примером является «Содружество Православной Молодежи», в то время существовавшее в Петербурге.

Содружество это имело целью отвлечь учащуюся молодежь от революционных влияний и удержать ее в Православии. Но не имея ни связей в средних школах, ни подходящих работников из среды законоучителей, работа Содружества неизбежно приобрела казенный, а потому и принудительный характер. Но всем правительственным закрытым среднеучебным заведениям был дан приказ, чтобы все кадетские корпуса, Институты Ведомства Императрицы Марии, Сиротские и другие институты зачислили своих питомцев в Содружество. Благодаря этому количество членов исчислялось тысячами. Вся же

деятельность Содружества состояла в том, что время от времени, в воскресенье днем, все учащиеся, в обязательном порядке, собирались в зале Тенишевского Училища для слушания религиозной лекции. Хотя лекторы бывали очень хорошие, но никаких бесед, вопросов или чаев не устраивалось.

Со слов участников этих лекций известно, что они тяготились ими, так как это отнимало время от их воскресных отпусков из закрытых школ. Поэтому молодежь с нетерпением ждала конца лекции, чтобы поскорей попасть домой или к родственникам... Таким образом, никакого сплочения, знакомств и общения среди членов не получалось, все проходило формально, по обязанности... И конечно, никаких подобных собраний для студентов не устраивалось, потому что они просто бы их не посещали. А в то же самое время университетские программы и студенческая среда непрестанно работали для разрушения всякой религиозности среди учащихся, как мужчин, так и женщин.

Студенческие Христианские Кружки были организованы на совсем других основах: полной добровольности, свободного обмена мнений и близкого общения друг с другом. Хотя членов было и мало, но их интересы и искания были более глубокие и искренние.

В заключение приведем несколько мыслей проф. Н.С. Арсеньева о значении таких свободных, задушевных встреч для духовной жизни:

«Традиция умственного и духовного общения, по существу столь плодотворная... была и повидимому останется неотъемлемой чертой русской духовной культуры и русской духовной традиции... Это то, что составляло вдохновляющий импульс и всего религиозного мышления Хомя-

кова с его учением о 'соборности'. И здесь, на этой просветленной и высшей плоскости – этот дар становится вместе с тем и подлинно, в глубоком смысле, народным, ибо общение в Церкви, объединяя всех... было вместе с тем и истинно народным общением».⁹

4. Образование кружков в других центрах.

Существует мнение, что без иностранной помощи Русское Движение не могло бы возникнуть. Отчасти это так и было, но вместе с тем наличие такой личности, как П.Н. Никола́й сыграло большую роль. С другой стороны, почва для подобного движения имелась, так что, не будь войны и революции, Русское Движение могло бы стать на свои ноги. Это подтверждается и тем фактом, что и после революции, почти без всякой помощи извне, Движение существовало при самых неблагоприятных условиях.

Но в начале Движения особенное влияние имели приезды и выступления перед студентами таких деятелей Всемирной Федерации, как др. Джон Мотт, Шервуд Эдди и мисс Раус. Выступая перед студенчеством, они произвели большее впечатление, чем самые лучшие русские богословы и проповедники. А главное – они дали нам методы работы среди студенчества, которых в России не знали. Действительно, Православная Русская Церковь умела воспитывать только простой народ и детей школьного возраста, а влияния на подростков и на студенчество не имела. В результате, все более и более умножавшееся русское студенчество оставалось вне влияния

9. Н.С. Арсеньев, *Из русской культурной и творческой традиции*, Франкфурт на Майне, 1959, стр. 107 и 109.

Церкви и пошло путем материализма и атеизма. Разрыв между Церковью и русской интеллигенцией привел Россию к революции.

Собственно говоря, первые выступления перед русскими студентами были сделаны мисс Раус в 1907 г. Как Разъездной Секретарь Федерации, она посетила Петербург и Москву. В своей книге, «Всемирная Христианская Студенческая Федерация» она больше всего говорит о выступлениях в Москве. Эти выступления были подготовлены П.Н. Никола́й с помощью одной из слушательниц Московских Высших Женских Курсов Александры Александровны Добролюбовой. Первое открытое собрание, на котором Мисс Раус говорила на тему о Евангельских блаженствах, привлекло около 1000 слушательниц. Когда начали задавать вопросы, то одна из студенток, начав от Евангелия, «пыталась выступить с зажигательной революционной речью».¹⁰ Но присутствовавший на собрании представитель полиции прервал эту речь и заявил, что слушатели могут только задавать вопросы, а говорить разрешено только мисс Раус и П.Н. Никола́й (как ее переводчику). Несмотря на это вопросов было так много, что собрание закончилось только после 12 ч. ночи.

После этого доклада Мисс Раус имела еще две беседы с молодежью в более тесном кругу, что и послужило началом Христианского Кружка Курсисток в Москве. А.А. Добролюбова самоотверженно продолжала вести кружки для знакомства с Евангелием в течение 1907 и 1908 годов. Конечно, эта работа шла в ущерб академическим занятиям самой А.А., но она с этим не считалась. Летом 1909 г.

10. Раус, стр. 112-113.

А.А. была приглашена на Всемирную Конференцию Федерации в Лондоне, Англия, где присутствовал и П.Н. Никола́й и М.Л. Бреше. После этого А.А. Добролюбова еще около двух лет вела свою работу в Москве, пока не кончила курс.

Первый приезд д-ра Мотта был весной 1909 г. Несмотря на не совсем удобное предэкзаменационное время, залы были переполнены студентами. Если не ошибаюсь, темами его лекций были: «Религия, как дело воли», и «Труднейшая борьба в жизни студента». С этими темами др. Мотт выступал в Петербурге, Москве и Киеве, переводчиком был П.Н. Никола́й. Эти лекции послужили толчком для организации новых кружков в Москве (в дополнение к кружку курсисток) и в Киеве. Студенты были под впечатлением не только лекций, но самой личности д-ра Мотта, горевшего верою и глубокой убежденностью. Если не многие из них были «обращены ко Христу», то многие почувствовали, что христианство еще не потеряло своей силы в современном мире.

С осени 1909 г. в Москве и Киеве началась деятельность вновь образовавшихся кружков. С самого начала она определилась, как работа миссионерская: идти к неверующим студентам и звать их к вере во Христа. Обычно такая работа начиналась с выпуска листовок с призывом объединяться для знакомства с Евангелием и для выработки христианского взгляда на жизнь. На призыв этот откликались прежде всего уже верующие студенты и студентки, тяготившиеся своим духовным одиночеством или желавшие более глубоко осознать свою веру. Наряду с ними посещали собрания интересующиеся и ищущие. Поэтому в группах для чтения Евангелия можно было встретить и атеистов, и агностиков, наряду с теми православными, которые весьма поверхностно его понимали.

Что касается вероисповедного состава кружков, то вначале они были смешанные, интерконфессиональные: православные, евангелисты, лютеране. Католиков почти не было, но среди посетителей и участников встречались и толстовцы, и теософы, и так называемые «свободные христиане», не связанные с какими либо вероисповедными группами. Но нужно сказать, что все эти представители рационалистических и свободомыслящих течений скоро переставали посещать кружки, а задерживалась в них главным образом молодежь более конфессиональных верований, больше всего – православных и евангелических общин.

Каждый из вновь образовавшихся кружков имел свой индивидуальный характер. Если, как указывалось, Петербургский имел протестантский уклон, то в Москве были главным образом православные и евангелисты; в Киеве же преобладали православные и притом строгие церковники; но если они и объединялись с другими исповеданиями, то лишь на почве служения Христу среди неверующих.

Нельзя не отметить помощь П.Н. Никола́й всем этим кружкам. Он все время был тем объединяющим центром, который заботился о всех. Почти каждый год он посещал Москву и Киев, а в дальнейшие годы – также Харьков, Юрьев и Ригу. Хотя он и не любил публичных выступлений, но все же он во всех этих городах читал свою прекрасную апологетическую лекцию «Может ли современный образованный, мыслящий человек верить в Божество Иисуса Христа?». Его лекции не имели шумного успеха, но подкупали молодежь своей глубиной и искренностью. После лекций он проводил более узкие встречи с интересующимися. Но кроме лекций и бесед,

П.Н. всегда старался ближе познакомиться с членами кружка и посещал их, чтобы поддержать их активность и узнать, на кого можно рассчитывать, как на надежных руководителей на местах.

Другая сторона деятельности П.Н. состояла в издании литературы для студентов. Это были главным образом переводы вышеупомянутых лекций д-ра Мотта, и самого П.Н., а также некоторые статьи, переведенные им с английского. Большое значение имело написанное им же «Пособие при изучении Евангелия от Марка», которое употреблялось в работе с новичками. В то же время П.Н. начал выпускать ежемесячный журнал под скромным названием «Студенческий Листок». В нем он писал сам (без подписи) и помещал хронику жизни всех местных кружков, присылавшуюся ему. Хотя журнал имел малое распространение, но все же как то связывал отдельные кружки. Журнал этот просуществовал до середины 1918 г.

Наконец, когда кружки умножились, П.Н. начал (с осени 1910 г.) устраивать ежегодные съезды членов. Не имея прав на съезды на русской территории, он устраивал их в Финляндии, около Выборга в своем имении. Собрания происходили в местной школе, а участники ночевали в соседних дачах, уже свободных с сентября от приезжих. Трехдневный съезд всегда был наполнен духовными и деловыми докладами и отчетами. Приезжали главным образом петербуржцы и москвичи, но это было очень ценно для личного знакомства и обмена опытом работы. Число участвующих бывало от 50 до 80 человек. Эти съезды постепенно готовили членов для создания единого Русского Движения.

5. Вступление во Всемирную Федерацию.

С самого начала П.Н. Никола́й имел в виду присоединение Русского Движения ко Всемирной Христианской Студенческой Федерации. Наряду с этим, он всегда стремился к тому, чтобы кружки объединяли побольше православных студентов. Он не раз говорил, что в России, как в Православной стране, кружки должны состоять преимущественно из православных, а Русское Движение – возглавляться православными руководителями. И наличие неправославных руководителей в некоторых кружках П.Н. считал явлением временным. К тому же он всегда считал, что православные студенты находятся в наиболее заброшенном духовном положении.

Конечно, все руководители русских кружков понимали, что связь со Всем Союзом может послужить большой помощью Русскому Движению, в особенности в части организации и использования опыта других стран. Еще до вступления в Федерацию началось участие русских студентов и студенток в заграничных конференциях. Каждые два года Федерация имела общую конференцию в какой либо стране. Мы уже упоминали о присутствии на Всемирной Конференции 1909 г. в Оскфорде русских гостей. На следующей Конференции в Константинополе в 1911 г. участвовали П.Н. Никола́й и 10 представителей студенчества, а в июне 1913 г. в Соединенных Штатах были П.Н. и еще 10 студентов и студенток – уже в качестве полноправных членов. (Подробности см. в Приложении № 1).

Еще до этого в Россию были командированы на несколько лет два молодых американца, члены Федерации, только что кончившие университет: Георгий (Джордж) Дэй и Павел (Паул) Андерсон. Их на-

зывали «американскими помощниками» и по мысли П.Н. они не являлись ни руководителями, ни инструкторами, а должны были помогать русским кружкам путем личного примера и активного участия в жизни кружков. Через 2 года они уже свободно говорили по-русски, а их работа выражалась в беседах о методах работы американских кружков, преподавании английского языка русским членам и помощи руководителям в организационных вопросах. Намекая на непрактичность русской молодежи, П.Н. говорил про них: «Очень полезна капля американской крови в русском тесте».

Вопрос о вступлении Русского Движения во Всемирную Федерацию был обусловлен требованиями Устава Федерации. Требовалось, чтобы новое национальное Движение имело не менее 500 членов и принимало «базис» Федерации.¹¹ К 1912 году П.Н. Николаи считал, что Русское Движение уже достигло этого уровня. Поэтому на съезде в Финляндии в сентябре 1912 г. он провел Устав Русского Союза и избрание Комитета. Сам П.Н. решительно отказался от избрания Председателем Союза, как этого многие желали. Он мотивировал это тем, что он слишком стар и, кроме того, «недостаточно русский»... Тогда председателем Комитета Русского Союза был избран Петр Родионович Слезкин, профессор Киевского Политехнического Института, человек еще не старый и православный.

11. Базис Федерации заключался в основном принципе ее – признании веры в Иисуса Христа, как Сына Божия, и принятие Его Евангелия. Этот базис был обязателен как для отдельных членов Федерации, так и для национальных движений, принимаемых в состав ее. В нехристианских странах (Индия, Япония, Китай) члены должны были быть крещеными и числящимися в составе какой либо церкви или общины.

Состав Русского Движения к тому времени выражался в примерно следующих цифрах (цитирую по памяти):

Кружки	Число акт. членов	Число изуч. Евангелие	Всего участников
Петербург	60	100	160
Москва	50	100	150
Киев	25	80	105
Рига	15	25	40
Юрьев/Дер.	15	20	35
Харьков	10	20	30
Всего	175	345	520

Постановление о принятии Русского Движения в Федерацию состоялось в 1913 году, перед самой Всемирной Конференцией в Лэйк Мохонк (штат Нью-Йорк). Комитет Федерации, заседавший в гор. Принцтоне, 26-31 мая, принял Россию, как 13-е национальное движение среди студенчества. Вслед за тем в июне собралась Всемирная Конференция, самая крупная из всех, в которой русские представители участвовали уже в качестве полноправных делегатов.

Таким образом, П.Н. Никола́й удалось достигнуть первой из поставленных целей – сделать Российский Христианский Студенческий Союз оформленной и признанной организацией, могущей продолжать свою деятельность независимо от своего основателя. Как юрист по образованию, П.Н. разработал и устав Союза, который указывал пути его дальнейшей деятельности, считая, что само Движение, если оно жизнеспособно, должно жить и дальше.

К счастью П.Н. сумел к этому времени найти себе помощников, которые могли руководить работой в разных центрах. В Петербурге продолжала работать М.Л. Бреше, а также Александр Иванович Никитин, который провел несколько месяцев в Соединенных Штатах. В Москве во главе студенческой группы с 1912 года стал Владимир Филимонович Марцинковский, талантливый педагог и лектор, бывший член Петербургского кружка. В Киеве Кружок руководился Ольгой Ивановной Кулешовой, хорошей организаторшей и богословски образованной женщиной. В Москве с 1911 г. женская группа возглавлялась Анной Сергеевной Шереметевой, петербургской аристократкой, говорившей на трех европейских языках. Это были люди, всецело отданные работе среди студентов, а кроме того был ряд студенток и студентов, активно помогавших работе. Сам П.Н., хотя и остался членом Комитета Российского Союза, но постепенно отходил в сторону, предоставляя Союзу почти полную самостоятельность. И, надо сказать, что Русское Движение и после этого продолжало развиваться, пока не грянула Первая мировая война.

б. Влияние 1-й Мировой Войны на Движение.

Очередной Съезд русских кружков в 1914 г. не состоялся из-за войны. Эта война явилась тяжелым испытанием для юного Русского Движения, но все же работа его не прекратилась. Хотя война прервала все связи с заграничными организациями, но трудности и лишения военного времени повысили духовный уровень оставшихся членов и укрепили кружки.

С началом войны работа среди студенчества сильно сократилась. Часть его членов была призвана в

армию, другие стали добровольно работать в госпиталях или тыловых учреждениях. Но с осени студенчество съехалось на занятия и деятельность кружков возобновилась, хотя и в более узких масштабах. Закрылся только самый небольшой кружок в Юрьеве, поскольку Юрьевский университет был эвакуирован в тыл. Кружки для изучения Евангелия собирались, особенно среди женской молодежи, но посещаемость докладов сократилась. Отдельные кружки продолжали поддерживать связь и сознание общей работы не прерывалось. Кроме того, все кружки поддерживали своих членов на фронте. В этом смысле более старые члены кружков еще более сплотились, в то время как работа с новичками была затруднена.

Но по мере развития войны, в армию призывались все новые кадры молодежи, не исключая и студенческой. С 1915 г. были мобилизованы все студенты младших курсов, а кончающие врачи и инженеры были призваны на работу в госпиталях или на заводах. Это привело к тому, что учебная жизнь во всех мужских высших школах была расстроена, и даже в женских число учащихся сократилось. К этому надо еще прибавить большое число беженцев, которые двинулись с прифронтовой полосы на восток. В частности, учебная жизнь в таких центрах как Киев и Петербург, шла ненормально, тогда как Рижские и Варшавские высшие учебные заведения были переведены внутрь страны.

Однако эти передвижения молодежи и их семей имели своим следствием то, что некоторая часть приезжающих вошла в контакт с разными кружками и начала посещать кружки в разных местах. Впрочем, это не повело к образованию каких-либо новых кружков, так как расстройство академической и общественной жизни этому мешало. Новые кружки появились позже, после окончания войны.

П.Н. Николай эти годы жил преимущественно у себя, в Финляндии, и только издали переписывался с руководителями кружков. Из Финляндии ему было легче поддерживать контакт с заграничными движениями. Ему было видно, что не только в России, но и в других странах, захваченных войной, работа среди студенчества сильно пострадала. Исключением являлись только Соединенные Штаты и то до того момента, когда в 1917 г. и они вступили в войну.

Если русские кружки и выдержали испытания военного времени, то это была заслуга того же П.Н. Николай, который создал все движение на твердом «камне веры» и на здоровых организационных устоях. Не гонясь за количеством новых членов и за внешними успехами, русские кружки укреплялись внутренне и способствовали духовному росту своих членов. Все трудности военных лет хорошо подготовили их к новым испытаниям и трудностям, которые ожидали их после большевистской революции, о чем будет говориться во 2-й половине нашей работы.

ЧАСТЬ II

РУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Годы 1917-1934

1. Первые годы после революции (1918-1922).

Наступившая революция была, после войны, вторым ударом для Движения. Вернее, к ненормальностям военных лет добавились еще осложнения революционного характера. Как краткая «февральская

революция» (март-октябрь), так и «октябрьский переворот», совершенно нарушили общественную и экономическую жизнь страны. Последовавший за ними период гражданской войны 1918-1922 г.г. сделал невозможной всякую нормальную общественную работу, особенно среди молодежи.

Во-первых, революция привела к закрытию почти всех высших школ. Студенчество или разъехалось по домам, либо было мобилизовано в военные или гражданские учреждения. Во-вторых, все прежние студенческие организации закрылись, большая часть из них навсегда, так как впоследствии советская власть уже не допускала существование «беспартийных» или «буржуазных» студенческих объединений.

В-третьих, в годы гражданской войны жизнь городского населения так затруднилась, что все были заняты лишь заботами о «хлебе насущном». Голод и болезни охватили горожан, а потому всякая общественная деятельность замерла.

Впрочем, надо сказать, что имелись и исключения, к ним относились прежде всего религиозные объединения – церкви и общины. В эти трудные годы верующие сплотились, выдвинулось много хороших пастырей и духовная жизнь несомненно оживилась. В том числе не потеряли связи друг с другом и члены Христианских Студенческих Кружков. Это еще раз показало силу и жизнеспособность Движения. Конечно, в эти годы обычной работы среди студенчества не было, но проводилась взаимная поддержка и активная работа молодежи в приходах и общинах. Это была борьба за «духовное самосохранение».

Деятельность в эти годы имела результатом два явления: возникновение новых групп в провинции, и взаимопомощь одних групп другим. Так, на-

пример, группы в Приволжье систематически посылали в Москву и Петроград продовольственные посылки для членов, точнее – хлебные сухари, которые только и разрешались для пересылки по почте. Это была весьма нужная поддержка тем, кто не мог ездить за продуктами в более хлебные районы.

Что касается новых групп, то они возникали стихийно там, где оказывались 2-3 члена Движения. По слову Деяний Апостольских «Рассеявшиеся ходили и благовествовали слово» (8, 4). Это не были настоящие студенческие кружки, но группы интеллигенции, некоторые из которых помогли впоследствии образованию новых студенческих центров. А посещавшие их учащиеся средних школ подготавливались к работе в последующие годы, когда делались студентами. Ведя переписку с членами разных кружков, они чувствовали себя связанными с Движением. Таким образом, в эти переходные годы работа не была чисто студенческой, но содействовала образованию групп, в которых читали Евангелие и доклады, оказывалась помощь лицам, ищущим ответа на духовные вопросы. Это показывало, что и в этих ненормальных условиях энергия членов Движения не замерла, но направилась в другие слои общества.

В эти годы значительно возросло участие членов Движения в приходской жизни. Члены работали во вновь возникших приходских комитетах, проводили беседы с детьми, пели в церковных хорах и даже выступали с проповедями на богослужениях. Этому помогало учреждение Патриархом Тихоном межприходских братств и введение звания «благовестника» для активных мирян. Несколько членов Московского Кружка были посвящены в это звание, получив право проповеди в храмах.

В эти тяжелые годы после революции члены

кружков хотя и собирались для взаимной поддержки, но главным образом духовно питались в своих приходах. Да и затруднительны были встречи в темных и тесных городских квартирах, а поэтому все стремились в тесный круг своего избранного храма.¹²

В эти смутные годы П.Н. Николаи жил безвыездно в Финляндии, где большевистский переворот еще мало чувствовался. Он выехал туда в конце 1918 г. из голодного и опустевшего Петрограда. Остаться там ему не было нужно, поскольку деятельность кружков прекратилась и письменная связь прервалась.

Перед отъездом в Финляндию П.Н. Николаи позаботился о том, чтобы его отъезд, как казначея, не отразился на Движении, а поэтому остатки денег Центр. Комитета перевел членам в Москву, еще до того, как советская власть реквизировала все банковские счета, т.е. в конце 1917 года. Деньги эти составляли что-то около 300 руб., что при тогдашнем обесценении денег было ничтожной суммой.

П.Н. Николаи скончался в декабре 1919 г. в своем имении Монрепо и там же был похоронен. Весть эта достигла наших центров не сразу. Нетрудно было предположить, что последние мысли и молитвы П.Н. были о созданном им Русском Студенческом Христианском Движении. Позже, в начале 1920-х г.г., в Советскую Россию проникли экземпляры изданной в Швеции книги г-жи Лангенскольд «Барон Павел Николаи. Христианский деятель и руководитель студентов в Северной и Славянской Европе». Из этой книжки мы впервые узнали некоторые подробности из жизни П.Н., о которых он, по своему великому смирению, никогда не упоминал.

12. Одно из нововведений Патриарха Тихона состояло в том, что горожане не были связаны с приходом по месту жительства, а могли записываться в любой приход города, по своему выбору.

Хочется закончить строками из письма г-жи В.Д.Г., которая думает, что она позже всех других членов Петербургского Кружка видела П.Н.

«Шла домой из квартиры на Конюшенной. Свернула с Невского на Литейный, прошла несколько минут, улица почти пустая. Было начало 1918 г., морозно. С Невского заворачивают ломовые сани, без груза. На них сидит, лицом в мою сторону, свесив ноги, Павел Николаевич. Увидя меня, он снял свою финскую шапочку с каракулем, поклонился, помахал шапочкой... Милое, серьезное, с оттенком грусти лицо, улыбался. Приветственный жест рукой – и все. Сани ехали к Финляндскому вокзалу». (Письмо из Германии, в 1966 г.)

2. Восстановление деятельности кружков (период легальной работы).

С окончанием гражданской войны, начиная с 1920-21 уч. года, академическая жизнь восстановилась и города наполнились студенчеством. Однако это студенчество было уже другое: если на старших курсах еще сохранились прежние студенты, то вновь принятые принадлежали уже к пролетарскому студенчеству. Это были или члены коммун. партии, часто прямо с фронтов гражданской войны, или комсомольцы, большей частью настроенные атеистически. В этих условиях продолжать работу прежними методами было невозможно.

Но прежде чем ее начать, кружкам пришлось затратить некоторое время на то, чтобы проверить свои ряды, собрать прежних членов Движения и наметить план новой работы. Вместе с тем чувствовалась необходимость образовать новый центр Движения, который бы мог объединить кружки в разных

местах и содействовать их работе. Поэтому уже летом 1921 г. в Москве состоялся ряд собраний представителей кружков. Это еще не был съезд делегатов, как это началось позже, а только совещание представителей старых и вновь образовавшихся кружков, которое избрало Центральный Комитет из представителей разных городов. На этом же совещании выяснилось, что кроме старых кружков (из которых Рижский и Юрьевский были уже вне Сов. Союза) образовались следующие новые центры: Самара, Казань, Симбирск, Ростов н/Д., Ташкент и Нижний Новгород. Так как из старых кружков возобновилась работа в Петрограде, Москве, Киеве и Одессе, то значит в это время имелось уже 10 центров, вместо 5.

Это время было вообще наиболее удобное для возобновления работы. Советская власть в эти годы была занята главным образом борьбой с Православной Церковью, которую возглавлял Святейший Патриарх Тихон. Поэтому всякие другие религиозные организации и кружки пользовались относительной свободой и даже были легализованы в Москве или на местах. Например, были легализованы кружки толстовцев, теософов, общины баптистов, евангельских христиан и т.д. Так как регистрация таких организаций происходила через местные Исполкомы Рабочих и Крестьянских Депутатов, то и некоторые кружки Движения успели зарегистрироваться. Конечно, органы ВЧК следили за деятельностью таких кружков через своих осведомителей, но до поры до времени их не закрывали.

Вопрос о легализации много обсуждался в Центральном Комитете Движения, так как легализация имела и положительные и отрицательные стороны. Положительным являлось то, что студенты могли

знать, что наши кружки существуют и не боялись ходить на их собрания и доклады. Иногда можно было выступать от имени кружка на антирелигиозных публичных диспутах, которые тогда были широко распространены: напр. в Москве в 1920 г. на открытом собрании на тему «Есть ли Бог» официальным оппонентом нашему представителю, В.Ф. Марцинковскому, был комиссар Народного Просвещения Луначарский.¹³ В одном из центров на юге легализованный Христианский Студенческий Кружок получил возможность открыть столовую для детей, которая просуществовала целых 2 года (1921-22), получая средства от сборов в православных церквях. Но наряду с этим, открытая работа давала возможность знать всех активных членов, благодаря чему через 2 года они были арестованы или допрошены после закрытия кружков органами ВЧК.

Вместе с тем нелегальная работа имела то преимущество, что не все группы были известны, а потому, в случае ликвидации одной группы, члены других групп могли продолжать свою работу. Во всяком случае, Центральный Комитет не требовал обязательной регистрации, а предоставлял это решать самим на местах. Сам же Ц. Комитет никогда не был легализован, а существовал подпольно. ВЧК даже и не знала его состава, местонахождения и т.д., потому что все бюллетени и директивы рассылались не от имени Ц. Комитета, а безымянно. При этом самая пересылка писем Ц. Комитета производилась не членами кружков, а по адресам «нейтральных» лиц, ничем не связанных с работой кружка. Мало того, вся деловая переписка с кружками была конспирирована условными именами, терминами и пр.

13. В.Ф. Марцинковский, *Записки верующего*, Прага, 1929 г., стр. 96.

Делалось это не только для того, чтобы сохранить Ц. Комитет, но и чтобы в случае провала кружка могла продолжаться связь с местами. Дело в том, что с самого начала Ц. Комитет предвидел, что легальный период работы будет очень недолгим, а потому надо было быть готовым для быстрого перехода на подпольную работу. Таким образом, даже и в эти «свободные годы» работа Движения была «полулегальная».

Период легальной работы требовал от членов кружков большой жертвенности. Главная тяжесть работы падала на более старых членов, частью уже не являвшихся студентами. Приходилось в самых сложных обстоятельствах находить места для собраний, поддерживать материально лиц, отдававших все время работе кружков, размножать бюллетени и инструкции для молодых кружков и т.п. В Москве, например, члены кружка получили в свое распоряжение полуразрушенный дом в районе Арбата, который отремонтировали своими силами и назвали его «Студенческим Домом». Он был несколько лет центром всей работы в Москве.

Еще одно характерное явление надо отметить в этом периоде: во всех центрах в составе кружков преобладали православные. Объяснялось это, во-первых тем, что студенты других вероисповеданий работали в своих собственных церквях и общинах, которые нуждались в помощи молодежи; во-вторых, в эти годы совершенно изменилось отношение Православной Церкви к Студенческим Кружкам. Автор одной из зарубежных статей пишет: «Священники и даже епископы стали частыми гостями наших кружков, выступали с докладами и очень ценили активное участие наших членов в церковно-приходской жизни. Прежнее, недоверчивое отношение к Движению

почти исчезло, и сам глава Церкви, святейший Патриарх Тихон весьма благосклонно относился к нашим кружкам».¹⁴

Нельзя сказать, что и в эти годы работа кружков протекала беспрепятственно. Отдельные члены и работники начали подвергаться допросам и арестам еще до полного закрытия кружков. Так, в марте 1921 г. был арестован В.Ф. Марцинковский,¹⁵ другие члены иногда арестовывались, то по «социальному происхождению», то по делам церковным. Общее гонение на членов кружков было еще впереди.

3. Разгром студенческих христианских кружков в 1923-24 г.г.

Едва ли будет правильным считать, что советская власть терпимо относилась к нашим кружкам. Скорее всего она допускала их существование для того, чтобы установить состав их руководителей и сочувствующих. С другой стороны ВЧК была занята в то время другими, более важными заданиями. Но как бы то ни было, легальный период работы продолжался всего около 3-х лет, до 23 года.

Первым был закрыт кружок в Ростове н/Дону, где в одну ночь был мобилизован весь состав ЧК и были произведены обыски в 50 квартирах, где жили руководители и члены кружка. Арестов не было, но все руководители были вызываемы на допросы, по-

14. Л.Ч., «Христианское Студенческое Движение в СССР». *Вестник Русского Студенческого Христианского Движения в Германии*. Май-июнь 1949 г., стр. 8.

15. Марцинковский, *Записки Верующего*, стр. 134. Он был освобожден через несколько месяцев.

скольку кружок был зарегистрирован. Всем было объявлено, что кружок закрывается, но никаких других последствий не было, если не считать того, что многие попали в списки «неблагонадежных».

Летом 1923 года из Москвы был выслан за границу видный работник Движения В.Ф. Марцинковский, выехавший из Москвы в Германию «на 3 года».¹⁶ Однако кружок в Москве, как и в остальных городах, продолжал работу. В ноябре этого года в Москве состоялось совещание с представителями других городов. Некоторые представители Московского кружка выезжали для посещения провинциальных центров. Со своей стороны, работники из провинции пользовались каждым удобным случаем – командировкой, отпуском, научными съездами – чтобы побывать в Москве и встретиться с работниками Движения.

Позже, в апреле 1924 г. в Москве состоялся настоящий съезд кружков, который можно считать первым всероссийским съездом. Он конечно, был нелегальный, но собрания происходили в помещении одной из общин Евангельских христиан в центре Москвы. Съезд продолжался 2 дня и в нем участвовало около 30 человек.

16. Одновременно с В.Ф. Марцинковским были высланы В.Г. Чертков (известный толстовец) и В.Ф. Булгаков, бывший секретарь Л.Н. Толстого. Оказалось, что высылка производилась по постановлению «комиссии по очистке высшей школы от буржуазной идеологии», которая уже выслала целый ряд профессоров и доцентов, в том числе б. ректора Московского Университета М.М. Новикова, профессоров Новгородцева, Н. Бердяева, Вышеславцева, Франка, И. Ильина и др. Марцинковский выехал в Прагу 20 апреля 1923 г. и уже в СССР не возвращался. Интересно отметить, что это была последняя высылка интеллигентных деятелей за границу: после этого они стали высылаться в Сибирь и в Среднюю Азию. См. *Записки верующего*, стр. 277 и след.

Московский кружок был разгромлен в ноябре того же года, причем после обысков почти все члены были арестованы. Но, по воле Божией, некоторые из руководителей избежали ареста: имя одной руководительницы было искажено, и ее не взяли; другой, член Центр. Комитета, был вне Москвы, но, будучи предупрежден, перешел на нелегальное положение и свыше года участвовал в нелегальной работе. Эти лица и явились тем центром, который продолжал из Москвы держать связь с прочими кружками и готовил их к переходу на подпольную работу.

Все арестованные в Москве провели 1½ мес. в тюрьме, прошли через допросы и были выпущены без всякого суда, за исключением 3-х человек, которые получили по три года высылки. В других городах кружки сами прекратили работу, ввиду опасности, а в некоторых – перешли на подпольную работу. В Петрограде, напр., никаких арестов не произошло. Главной причиной этого надо считать тот факт, что агенты ВЧК не могли проникнуть в среду членов. И только в Москве аресты были результатом доноса одного лица, присутствовавшего на собрании кружка.

Помогли также и те конспиративные методы, которые были заранее введены в практику кружков: при обысках не находили ни списков членов, ни писем из других городов, ни каких-либо документов, которые могли бы дать новые данные о деятельности среди студенчества.

Наконец, имело значение и то обстоятельство, что нигде не было установлено каких-либо признаков участия Движения в политических организациях и выступлениях. Все кружки занимались только религиозной, т.е. идеологической работой, что в те

годы еще не рассматривалось советской властью как подрывная и контр-революционная деятельность. Через какие-нибудь 7-8 лет, а особенно после Постановления Верховного Совета Советского Союза от 1-го декабря 1934 г., те же самые «преступления» карались ссылками и заключениями в концлагеря как за контр-революционные деяния.¹⁷

Это полностью отразилось на арестах и допросах арестованных членов Движения после 1934 г. Впоследствии арестованные члены кружков приравнивались к деятелям контр-революционных организаций и получали по 5 лет лагерей. Напр., во время одного процесса по поводу «вредительства в промышленности» один из инженеров, в прошлом – член христианского студенческого кружка, был назван «врагом советской власти» на том основании, что он имел когда-то связь с Марцинковским, «известным контр-революционером». В другом случае, членство в кружке в течение 20-х годов, прокурор

17. Только после смерти Сталина было установлено, что указанное «Постановление Верх. Совета от 1 дек. 1934 г. было проведено в связи с началом боьшой «чистки» партийных рядов, намеченной Сталиным, и проводившейся в 1934-37 г.г. Постановление это было озаглавлено: «О внесении некоторых изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». В действительности же это было полное упразднение всяких судебных норм и гарантий, дававших органам НКВД полную свободу при проведении следствия и суда: когда судебные решения писались заранее в канцеляриях НКВД и обжалованию не подлежали, когда смертные приговоры приводились в исполнение в течение 10 дней и менее и т.д. Этим и определился террор 1937-38 г.г., когда были ликвидированы все «оппозиционеры», вся старая «ленинская гвардия» и многие тысячи беспартийных граждан. Это «постановление» было отменено только после смерти Сталина, когда были восстановлены некоторые, весьма слабые гарантии «социалистической законности» в деятельности судов и органов НКВД - КГБ.

рассматривал как тяжелое преступление, имевшее целью «разложение морали советского студенчества», т.е. как идеологическое вредительство, караемое по статье 57 Угол. Кодекса, как преступление политическое...

4. Период подпольной работы (1924-1930).

Вполне естественно, что переходом на подпольную работу характер ее сильно изменился. Как уже указывалось, самый состав советского студенчества заставил пересмотреть методы работы. Специальная комиссия Центр. Комитета занялась составлением указаний для кружков, на съездах много внимания уделялось обмену опытом работы в новых условиях.

Еще больше было трудностей в условиях нелегальной работы. Прежде всего, объем работы значительно сократился, так как число активных участников ее уменьшилось. Далее, пришлось отказаться от всяких, даже малочисленных собраний для докладов и бесед. Основным видом работы сделались небольшие группы человек из 4-5-ти, которые обычно не знали о существовании целой организации. В некоторых же случаях это была просто индивидуальная работа над отдельными душами. Более или менее многочисленные встречи сохранились только среди членов, но уже нерегулярные и со всякими предосторожностями. Так напр., места встреч часто меняли, приурочивали их ко всяким семейным или светским праздникам, чтобы не привлекать внимания соседей. В некоторых городах устраивали «пикники», т.е. загородные прогулки, во время которых, между песнями и играми, обсуждались деловые вопросы.

Собрания активных членов сохранились для то-

го, чтобы через них поддерживать друг друга и разрешать всякие затруднения. Работать в одиночку было бы невозможно, необходимо было встречаться и черпать в этих встречах новые силы. На этих же встречах сообщались всякие новости и инструкции Центр. Комитета, что также укрепляло сознание о нашей общей работе.

Изменились не только методы, но и самый состав групп. В них стали приниматься не только студенты, но и вообще молодежь, так как теперь многие не могли быть приняты в высшие учебные заведения по своему «социальному происхождению» или по другим причинам. Поэтому, собственно говоря, работа утратила свой чисто студенческий характер, хотя принципы Движения сохранились. Приходилось даже не всегда начинать с изучения Евангелия, а предварительно проходить в группах разные социальные или философские вопросы, в зависимости от интересов участников. Очень часто в кружках принимала участие младшая молодежь – учащиеся в средних школах. Если они попадали потом в высшую школу, то могли оказывать влияние и на пролетарскую молодежь.

Особенно часто стали применять метод апологетический, т.е. проводили защиту религии против всяких псевдо-научных и вульгарных искажений понятий о религиях, Боге или Церкви. Для этого руководители групп должны были быть хорошо подготовленными в областях науки и религии, марксизма, исторического материализма и т.п.

Наконец, принцип интерконфессиональный потерял свое прежнее значение, поскольку борьба между наукой и религией стояла на первом месте, а вероисповедные различия теряли свою остроту. К тому же, нужно подчеркнуть, что в составе групп пре-

обладали опять-таки лица, вышедшие из православных семейств, поскольку в те годы сектанты пользовались еще некоторой свободой и удерживали свою молодежь вокруг «легальных» общин. Впрочем, в конце 20-х г.г. начались гонения и на сектантов, так как не все общины принимали весьма двусмысленные декларации о лояльности советской власти.

Наиболее успешно шла, конечно, работа с молодежью из религиозных семей. Благодаря посещению групп, эта молодежь находила себе родственную по духу среду и укрепляла свои христианские взгляды. Труднее было работать с неверующими или сомневающимися, но и здесь бывали успехи. Самым трудным шагом было решение выйти из рядов партии или комсомола, но приобрести внутреннюю свободу...

РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА.

В годы подпольной работы роль Центрального Комитета была очень важна, но чрезвычайно сложна. Статья в упомянутом уже номере «Вестника Русского Студенческого Христианского Движения в Германии» следующим образом характеризует эту работу:

«Держать связь с местами было очень трудно: письма проверялись специальными Бюро НКВД, поездки были дороги, да и кто мог разъезжать, когда все были обязаны служить. Поэтому пользовались всякими 'оказиями', чтобы переслать литературу или информацию. В этих условиях крайне важно было иметь регулярные съезды или встречи членов Центр. Комитета. Можно себе представить, какие трудности надо было преодолевать. Руководителям прихо-

дилось тратить на это свой летний отпуск, неиспользованные выходные дни или подгонять командировки».¹⁸

Так как большей частью совещания устраивались в Москве, то этим облегчался как приезд участников, так и конспирация в этом большом городе. Во всяком случае, все такие совещания проходили без осложнений, и власти даже не были осведомлены о существовании такого Комитета, о котором даже среди членов кружков говорилось очень мало.

Кроме совещаний Комитета, на обязанности его лежал также созыв ежегодных Съездов Движения. Конечно, это не были прежние многолюдные встречи: теперь съезжалось несколько членов Ц. Комитета и по 1-2 представителей от местных кружков. Это составляло 15-20 человек, с которыми проводились целодневные заседания в одном каком-либо месте, или 2-3 встречи в разных местах. В Приложении № 2 указаны места и численность таких съездов, которые происходили регулярно в течение 6 лет. Чтобы показать, в каких условиях приходилось проводить съезды, приведем следующие подробности, полученные от их участников.

Летом 1926 г. съезд состоялся в Петрограде, при помощи местного кружка. Собрания происходили, как это ни странно, на берегу Невы, в одном из недавно устроенных музеев в бывшем великокняжеском дворце. Так как этот музей по воскресеньям был закрыт, то с помощью служащей музея – члена кружка, делегаты пользовались этим помещением весь день без всяких помех. Ночевали делегаты в разных частных квартирах.

18. Л.Ч., «Христианское Студенческое Движение в СССР», стр. 13.

Летом 1927 года съезд состоялся в небольшом курортном городке на Азовском море. Ввиду переполнения города курортниками, первый день заседали в маленькой комнате, которую снимала заранее приехавшая представительница из Москвы. Домик был на отлете и соседей почти не было. На следующий день совещались прямо на пляже, выбрав менее людное место и изображая из себя группу знакомых, греющихся на солнце.

У пишущего эти строки не имеется данных, были ли съезды после 1929 г. Маловероятно, что они могли быть в период коллективизации сельского хозяйства и начавшихся процессов над вредителями в промышленности.

Здесь нужно сказать, что все съезды прошли благополучно, несмотря на большой риск таких собраний. Единственный раз один из ехавших на съезд делегатов был арестован в поезде, видимо случайным агентом, подсмотревшим рукопись, которую он читал. По счастью, с ним ехала барышня, которую не тронули, и у которой остался портфель арестованного, в котором лежало Евангелие и другие компрометирующие документы. Она ехала тоже на съезд, приехала в Москву и сообщила на явочной квартире об аресте. Боясь, что власти были осведомлены о съезде, первое, вечернее заседание было отменено, а на следующий день собрания были совсем в других местах. Но все они прошли благополучно, а арестованный получил 10 лет лагеря, главным образом за то, что никого не назвал. Это был молодой агроном, научный работник, оставивший дома молодую жену и ребенка...

ПОМОЩЬ АРЕСТОВАННЫМ И СОСЛАННЫМ ЧЛЕНАМ.

Нужно отметить, что Центр. Комитет и отдельные кружки должны были все время помогать репрессированным участникам Движения и их семьям. В вышеупомянутой статье об этом говорится так:

«Аресты и ссылки происходили среди членов даже вне связи со студенческой работой: одних брали по церковным делам, других по служебным, третьих за их социальное происхождение. Надо было не только облегчить судьбу арестованного, но и снять с него тревогу за оставленную семью, теряющую на 5 или 10 лет своего кормильца. И один Бог знает, сколько любви, жертвенности и изобретательства было вложено членами и друзьями Движения в это незаметное служение братьям, 'в заточении и в горьких работах сущим'». ¹⁹

Конечно, мы не можем привести никаких данных о числе арестованных членов и размере оказанной им помощи. Известно лишь, что в этой помощи большую роль играли бывшие члены Движения, даже далеко стоявшие от всякой подпольной работы кружков. Но они считали своим долгом помогать материально репрессированным членам, которых они даже и не знали лично.

Здесь следует отметить то, как члены Движения относились к товарищам возвращавшимся после отбытия срока. В той же статье мы читаем:

«Следует еще упомянуть об отношении к членам Движения, возвращающимся из ссылок. Как правило, эти лица

19. Там же, стр. 13.

уже не допускались к активной работе. Делалось это, с одной стороны, в интересах самого возвратившегося, с другой – ради сохранения конспирации. Известно, что все, возвращающиеся из мест заключения находятся под особым наблюдением НКВД, обязаны регистрироваться по приезду на новое место жительства и т.д. Поэтому они всегда находятся под угрозой новых репрессий, и тогда вольно или невольно могут повредить всей организации. Это бывает очень тяжело для самого освобожденного, но нельзя не согласиться, что это имеет основания. С возвращающимися не прерывают общения, но от всякой конспиративности полностью устраняют».²⁰

Известно также, что члены Движения иногда привлекались к ответственности довольно поздно, т.е. за их участие в работе в прежние годы. По мере того, как политика НКВД все более утончалась, арестовывались многие, уже отошедшие от работы, просто в порядке устранения лиц, опасных для советской власти. Так как верующие христиане при Сталине начали приравняться к контр-революционерам, то их аресты и процессы долго не прекращались и неизвестно ни одного случая, чтобы члены кружков когда-нибудь были оправданы и освобождены без наказаний. Таким образом, если члены Движения когда-то работали даже в легальных кружках, ответственность с них не снималась и они несли наказания наравне с членами, продолжавшими и далее свою работу. Вот почему каждый верующий в СССР, проявивший себя как активный христианин, считался врагом режима и находился под подозрением.

20. Там же, стр. 15.

5. О дальнейшей судьбе кружков.

На этом мы вынуждены закончить изложение сведений о подпольной деятельности студенческих кружков. Дальнейших сведений здесь, в эмиграции получить не представляется возможным. И это вполне понятно, так как в эпоху 30-х годов жизнь в СССР исключала всякую возможность обмена информацией или каких-нибудь собраний с молодежью. Однако это не позволяет нам сказать, что всякая работа членов русских кружков прекратилась.

Следующие, весьма отрывочные данные, указывают, что в 30-х годах работа в некоторых местах еще продолжалась:

1) В первой половине 30-х годов, до сталинского периода чисток и террора, отдельные группы бывших членов кружков еще существовали, а значит и продолжалась какая то деятельность.

2) В эмиграции были люди, которые находились в советских лагерях перед 2-й Мировой войной. Некоторые из них сообщали, что в местах их заключения они встречали и бывших участников кружков, т.е. людей не молодых, и студентов, арестованных за связь с подпольными христианскими кружками.

3) Автор статьи в Вестнике СХД в Германии, беженец из Сов. Союза, выражает полную уверенность, что работа среди студентов продолжается и в 40-х годах. Однако никаких фактических данных им не приводится, быть может по чисто конспиративным соображениям. Рассказ же о 6 студентах-комсомольцах расстрелянных за чтение Евангелия и веру во Христа, свидетельствует лишь о том духовном голоде, который наблюдается среди советской молодежи.

4) Наконец, мы имеем достоверные сведения, что

из среды Студенческого Христианского Движения вышел ряд православных священников, которые до сего времени состоят в клире легальной Православной Церкви. Причем, есть даже случаи, что эти священники являются вторым поколением в семьях, вышедших из рядов Русского Движения.

Все эти данные говорят, что прямая христианская работа среди студенчества в СССР невозможна. Однако прежняя деятельность Движения продолжает приносить свои плоды через лиц молодого поколения, принимавших то или иное участие в работе кружков. Это проявляется, главным образом, в религиозной жизни разных вероисповеданий, где имеются не только православные священники, но и проповедники других общин так или иначе связанных с Русским Движением.

Эти сведения, несомненно, могут принести большое удовлетворение всем членам Движения, которые увидят в этом плоды прежней работы среди русского студенчества.

Слава Богу за все это!

ПРИМЕЧАНИЕ: Автор настоящей записки считает своим долгом отметить, что в его распоряжении не было никаких письменных или печатных материалов, за исключением нескольких книг, выпущенных за-границей и указанных в подстрочных примечаниях.

Поэтому автор приносит заранее извинения за те неизбежные ошибки и неточности, которые происходят, когда все пишется по памяти.

КАНАДА, 1966-68 годы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

РУССКИЕ ДЕЛЕГАТЫ НА ВСЕМИРНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ХРИСТИАНСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО СОЮЗА

1909 год Оxford, Англия Из Петербурга:	1911 год Константинополь	1913 год Лэйк Мохонк, шт. Н. Йорк
П.Н. Николай М.Л. Бреше	П.Н. Николай М.Л. Бреше В.Е. Ланевкая ?	П.Н. Николай А.С. Короленко С.Е. Ланевский К.П. Пархоменко М.Л. Бреше

Из Москвы:

А. А. Добролюбова	В. П. Щербачев А. М. Щербачева С. С. Щукин	А. В. Филинова С. С. Щукин
Из Киева:		
–	О. И. Кулешова	О. И. Кулешова Рындалев
Из Одессы:		
–	Фрейвальд	–
Из Юрьева:		
–	–	СИМОН

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

СЪЕЗДЫ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ В течение 20-х годов (подпольные).

Дата.	Место.	Количество участников.*	Какие кружки были представл.
1. Пасха 1924	Москва, на частн. квартире.	Около 20 чел.	Москва, Петроград, Киев, Самара, Ростов н/Д.
2. Август 1925	Москва, в зале Еванг. Общество.	Около 15 чел.	Москва, Петроград, Самара, Ростов н/Д.
3. Август 1926	Петроград, в Муз. на Дворцовой наб.	10-12 чел.	Петроград, Москва, Самара, Ростов н/Д.

4. Август 1927	гор. Ейск, на даче
и на пляже	Около 10 чел.	Москва, Петроград,
Ростов н/Д.. Киев
5. 6-7 окт. 1928	Москва, на
частн. квартире.	Около 15 чел.	Москва, Петроград,
Киев, Ростов н/Д.
6. Август 1929	Москва, на
частн. квартире.	Около 15 чел.	Москва, Петроград,
Ростов н/Д.. Самара (?)

ПРИМЕЧАНИЕ: Кроме перечисленных ежегодных съездов, происходили также совещания Центрального Комитета, обычно в Москве, а кроме того поездки на места членов Центрального Комитета.

* Конечно, никаких протоколов и записей на съездах не велось, а потому все цифровые данные даются по памяти.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО "ПУТЬ ЖИЗНИ"

1. ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ
В. Н. ИЛЬИН. 206 стр долл. 6.00
2. ИЗБРАННОЕ.
Борис ЗАЙЦЕВ. 252 стр 6.00
3. РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ (Сборник статей)
Е. Е. КЛИМОВ. 263 стр. Иллюстрации 8.00
4. ЛЕТО ГОСПОДНЕ
Ив. ШМЕЛЕВ. 529 стр. 12.00
5. ОБЛИК ГЕНЕРАЛА А. А. ВЛАСОВА
(Записки военного священника).
Прот. Александр КИСЕЛЕВ. 200 стр. Фотографии
Второе дополненное издание 9.00
6. ВОСПОМИНАНИЯ.
М. В. ДОБУЖИНСКИЙ. 400 стр. Иллюстрации. 10.00
7. ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В
РУССКОЙ ИСТОРИИ.
Прот. Александр КИСЕЛЕВ.
(Издание Комитета русской молодежи). 144 стр.
Многочисленные изображения икон Богородицы в
красках. 12.00
8. АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ
САРОВСКОМУ. 3.00
9. О ПОДВИГЕ ОБЩЕНИЯ
Архиепископ Сергей ПРАЖСКИЙ 3.00
10. ...ПАМЯТЬ ИХ В РОД И РОД.
(То, что надо знать, сохранить, донести)
Прот. Александр КИСЕЛЕВ. 112 стр.
Твердый переплет, редкие фотографии, 8.00

Гр. М.Н. Толстая

ВОСПОМИНАНИЯ*

Я возвращаюсь к рассказу о нашей свадьбе. С женихом мы по обычаю расстались за день до свадьбы. В воскресенье вечером была у нас всеобщая по случаю Храмового Праздника, которую служило наше приходское духовенство (всегда служило духовенство из Успенского Собора). Мне кажется, только Отец, сестра и я присутствовали и я неудержимо плакала при мысли о расставании с Отцом, дядя Павлик Голицын, дядя Саша и дорогой Евгений Евгеньевич (оба мои шафера), тетя Соня Щербатова, моя посаженная мать (сестра бабушки) с тетей Машенькой Долгорукой, подруга всего нашего детства, которые все остановились у нас. В день свадьбы к завтраку приехала вся семья Голицыных со своими тремя детьми, из коих Миша был мой мальчик с образом. Свадьба была в семь часов вечера. Нас венчали три священника, наш духовник и законоучитель, священник из Успенского Собора, всегда у нас служивший, и приходской батюшка. Пел синодальный чудный хор, который только пел в Успенском Соборе, а у нас из уважения к дедушке. Дядя Петя был задержан офицерским экзаменом. Очень чувствовалось отсутствие Мама и трех сестер. Очень много было гостей и чудесное угощение, но мой дорогой свекор был безутешен, что не было свадебного пира по его обычаю, а мой отец старался, чтобы я не утомилась долгим засиживанием гостей, и потому не было обеда.

*Продолжение. – Начало см. «Р.В.» № 22, 25, 27-28, 29.

На другой день было решено ехать в Троице-Сергиеву Лавру на могилу моей свекрови и в гости к дедушке Толстому, для чего Папа¹ нанял комнату в гостинице, поручив дяде Пете Сумарокову украсить ее растениями, что он исполнил на славу, как истинный художник, каким он был. Дедушка Толстой нам устроил прекрасный обед, приготовленный его кухаркой Настенькой, которая всем у него распоряжалась, так как была отличная кухарка, а дедушка очень любил поест и был очень гостеприимен. Он жил в уютном домике в четыре комнатки и каждое воскресенье у себя принимал профессоров Духовной Академии и они беседовали по гречески и по латыни. Мы провели две ночи у Троицы, поклонились Святыням и я так полюбила моего дорогого свекра, которым была так обласкана, и познакомилась с тетей Сумароковой, у которой Папа проводил субботу и воскресенье, живя в Морском Училище, и которую очень полюбила.

Какая была радость опять броситься в объятия моего отца, так меня мучило его оставлять, хотя и с тетей Лилькой. 4-го мая мы уехали в Одессу, чтобы на пароходе дойти до Бари, поклониться мощам Святителя Николая, а оттуда к Мама в Aix-les-Bains. Отец нас провожал на вокзал и узнал, что в нашем поезде едет слепой Митрополит Платон, которого Мама просила о мне молиться, и он прислал мне четки. Отец нас представил ему и он нас благословил и сказал, что теперь мы окружены счастьем, но когда встретимся с горем не должны забывать Господа.

1. Здесь и далее имеется в виду муж автора – гр. Николай Толстой.

Меня поразила красота Киева, подъезжая к нему через мост, и как я была счастлива с моим дорогим мужем и думала: «Хоть день прожить с ним – какая радость!» А Господь нам даровал двадцать три года этой радости. В Одессе мы провели три дня, ожидая отхода парохода «Адм. Нахимов», который шел до Афин. Папа повел меня в оперетку «Корнев. колокола». Он любил оперетки, а в те времена девицы никогда в такие места не ходили. Мне было хорошо с ним быть, но я оставалась равнодушна к оперетке, которую всего раза три посетила. После первого дня, проведенного вместе, мы подвели свои счета и изумились, сколько денег каждый истратил неизвестно как, стесняясь еще друг друга, и мы порешили впредь все делать сообща и не стесняясь друг друга, что и исполнили, и больше не имели недоразумений. Каждая минута вдвоем была радость. Как хорошо не знать будущего. Тринадцать лет спустя я остановилась в той же лучшей гостинице с моим умирающим Коти. Помню, скрывая от него свои слезы, я уходила на улицы, где когда-то шла переполненная счастьем.

В Одессе Папа переоделся в штатское, к чему во все путешествие не могла привыкнуть, и мы при чудной погоде направились в Константинополь. У нас была лучшая каюта на рубке и как нас все баловали, начиная с капитана и его помощника. Русское названье молодых князь и княгиня чувствовалось в их отношении к нам. Вероятно наше счастье согрело других, так оно светило. Папа мне читал вслух «Четверть века назад» Маркевича, прелестный роман, и он прекрасно читал, сидя со мной на палубе. Путешествие продолжалось около двух суток и мы все как-то сблизились с пассажирами. Рано утром, входя в Босфор, мы встали, чтобы любоваться входом в

Золотой Рог и думали провести дня четыре в Константинополе, но так захотелось продолжать путь на «Нахимове», что остались всего три дня. Съезжая с парохода встретили старого моего знакомого Эбергарди, который так часто у нас бывал тому семь лет и теперь уже стал консулом. Мы очень обрадовались друг другу и он с нами провел эти два дня. Константинополь меня привел в восторг своим чисто-азиатским видом. Узенькие улицы, где еле протискивались встречные экипажи, вся жизнь снаружи, немолкавшая всю ночь; с парохода наши большие сундуки втаскивал на высокую гору, где была гостиница, на руках турок: другого способа не было тогда. Мы, кажется, только бегло осмотрели Св. Софию; не до того было. Цвела белая акация и засыпала нас своим цветом осыпавшимся и как все прекрасно кругом и ночью жаль было спать в обстановке «Тысяча одной ночи». Не захотелось нам расставаться с нашим пароходом, который всего два дня стоял в Константинополе и поэтому мы решили на нем идти до Пирея. И как вышло хорошо! Оказалось, что он заходил по пути на Афон, куда по какому-то недоразумению около десяти лет не ходили русские пароходы и наш первый возобновлял рейсы туда.

Когда мы подошли к Святой Горе из Пантелеймоновского Монастыря навстречу спускался Крестный Ход. Мы стояли очень близко к берегу, в нескольких сажнях. Капитан, очень застенчивый, просил Папа быть за старшего, когда они сойдут на берег. Папа, спеша, пришел за мной, говоря: «Скорей надевай шапку и съезжай со мною!» Он не знал, что на Афон не только женщины, но и никакая тварь женского пола не допускается. Я ему это сказала, но он отнесся недоверчиво, хотя пошли одни мужчины.

На самом берегу был маленький домик и первое, что они встретили были куры при этом домике, на которых Папа указал остальным, прося это запомнить. Их повели в ярко освещенный собор, где им отслужили молебен с многолетием всем присутствующим, начиная с гр. Николая и граф. Марии и затем их пригласили к Наместнику, где их угощали наливками. Наместник спросил, где они желают, чтобы их чувствовали – тут или на пароходе. Все пожелали на пароходе и братья с ними вернулись к нам. Было прекрасно слышать под сенью Святой Горы над синим морем пение Христос Воскресе! и молебен. Братья привезли всем, всем на пароходе подарки. Мы получили по прекрасной большой иконе Иверской Божией Матери и Целителя Пантелеймона; по альбому и по подробному описанию Афона и великолепной работы резные ложки и вилки. Их пригласили в кают-компанию на угощение, а они принесли свои куличи и яйца нам. Только что мы сели за стол, как Папа спросил монахов правда-ли, что ни женщин, ни какой твари женского пола не бывает на Афоне. «Правда». «А как же мы видели кур, съехав на берег? Правда, господа?» – «Да, мы все видели кур, как только высадились на землю!» – «У самого берега домик турецкого консула, которому мы не можем препятствовать держать кур или все, что ему вздумается, а у нас есть пастбища для наших коров, но не на Святой Горе, а на материке и там же куры, яйца которых мы вам привезли», – ответили монахи. Они привезли тоже букет прекрасных цветов.

Мы простояли до вечера и, уходя, пустили ракету в виде приветствия, а нас встречал и провожал колокольный звон. Мы с Папа долго стояли на палубе, глядя на Святую Гору, вдоль которой шел пароход, и удивлялись, что означали точно дыры на от-

весной высокой скале, когда к нам подошел один из пассажиров, уже немолодой мужчина и говорит: «Вы удивляетесь на эти дыры? Я был много лет консулом на Афоне и знаю, что это пещеры для отшельников». – «Но как же проникают туда отшельники?» – «Их спускают сверху на канате и выхода нет. Раз или два в неделю им в корзине спускают пищу и если пища остается не тронутой, значит брат умер. При мне еще несколько пещер были обитаемы». Мы прошли довольно близко к Корфу и, кажется, на другой день пришли в Салоники, и в шлюпках доехали до берега. Жара была очень сильная, но после двенадцати часов поднимался освежительный ветерок. Я вспомнила, что тут должны быть мощи св. Дмитрия Солунского. Наняли коляску с переводчиком евреем и Папа ему сказал по французски везти к св. Дмитрию. Не знаю, намеренно или нет, он привез нас в какие-то греческие церкви очень бедные (иконостасы картонные, облачения коленкоровые). Тогда Папа пригрозил, что приколотит его палкой, если тотчас не привезет к св. Дмитрию, и это сразу подействовало. Мы подъехали к мечети, где нас встретил ключарь – старый турок в тюрбане, который, узнав от переводчика, что мы хотим поклониться св. Дмитрию, спросил какой мы нации и, узнав, что русские, недоверчиво на нас поглядел, но отпер мечеть и указал в стене как-будто совсем новую надпись золотыми буквами на извест. плите. Мы стали на колени и помолились св. Дмитрию, но когда мы поднялись, к великому нашему удивлению, он сказал: «Теперь пойдите поклониться св. Дмитрию!» – «Кому же мы кланялись?» – «А это недавно похороненный здесь турецкий генерал. Я не верил, что вы русские, думал французы, а они не чтут и смеются над нашей святыней!» И он нам показал в

стене бывшего храма, тогда же мечети, узенькую дверь, которую он отпер и мы оказались в узенькой комнатке вроде склепа, где на полу была большая каменная плита, очень потемневшая от времени, но где можно было разглядеть крест и греческую надпись, из которой мы могли разобрать слово «Димитрий». Когда мы тут помолились, старый турок обратился к переводчику и сказал ему: «Скажите этой даме, чтобы она взяла земли отсюда (пол был земляной) и что наш Святой очень помогает во время родов и поэтому наши женщины снимают мерку с могилы и носят на себе во время беременности эту тесьму и он облегчает самые тяжелые роды». Я взяла земли и всегда хранила ее, но мысль о деторождении тогда была у меня далека. Много лет спустя, при опасности тяжелых родов у близких мне людей, я выписывала тесьму – мерку могилы и всякий раз опасные роды сходили благополучно. Единственный признак, что мечеть была церковью был пол, выложенный мозаичными крестами.

На обратном пути, спасаясь от жары, заехали к вице-консулу, который нас угостил ледяной водой и совсем свежим рахат-лукумом. Лучшего угощения нельзя было придумать. На пароходе мы познакомились с чрезвычайно симпатичным Ястребовым (кажется он был нашим послом), который, узнав где мы были, упрекал, что не обратились к нему, так как он бы провел нас в нижнюю церковь, где стоит гроб Святого. Папа ответил, что очень жалеет, но так привык, что большинство наших дипломатов так мало любезны, что не решился к нему обратиться. В нашей поездке по Салоникам нас поразило множество евреев в национальных костюмах и почти у всех женщин ожерелья из мелких жемчужин. Город был живописен и совсем восточный. На второй, кажется,

день мы пришли в Пирей и простились с милым «Нахимовым» и всеми нашими приятелями и поехали в коляске в Афины (около часу езды). Свой багаж мы оставили в Пирее, так как спешили доехать до Мама и решили взять ближайший пароход, уходящий в Бари – цель нашего морского путешествия. Поэтому нам оставалось всего два дня пробыть в Афинах. Мы опять остановились в лучшей гостинице напротив дворца королевского, где семь лет тому назад жили с бабушкой. Окна выходили на Акрополь, но мы оба были к тому равнодушны, так все было прекрасно. На другой день мы пошли к обедне в нашу красивую церковь. Мы решили Королеве не представляться, так как были в дорожных костюмах. Конечно, она нас заметила при входе и послала своего заведующего Двором Н.Н. Философова сказать, что удивляется, что мы не хотим ее видеть. Мы объяснили отчего и он сказал, чтобы мы непременно зашли, что мы и сделали на другой день. Она нас приняла так радушно и непринужденно, говоря, что мы выглядим совсем нарядными! (Она сама просто одевалась, но во всем была красавицей). С Папа они разговаривали как старые знакомые. Дворец был очень скромный, ее кабинет был небольшой, но уютный. Она предпочитала загородный свой дворец в горах. Мы не осматривали Афины, которые мне казались маленьким и неинтересным городком, хотя несомненно для любителя старины было интересно, и верно не один Акрополь.

Мы продолжали путешествие на итальянском пароходе общества Florio e Runatio, но как сравнить его было с нашим пароходом. Каюта самая обыкновенная, маленькая, все грязно (тогда я была очень брезглива), с крошечным кувшином и тазиком, который много раз я просила наполнять водой, чтобы

вымыться и слышала недоумение капитана, сообщавшего пассажирам: для чего *signora gussa* все требует воды? Что она может с ней делать?! Я почти ничего не ела, до того все было невкусно и прованское масло играло большую роль. С нами пошел с «Нахимова» некий Веденисов, старичок. Направляясь в Милан, он захотел с нами продолжать путешествие. Мы зашли по пути только в Бриндизи и взяли номер в гостинице лишь для того, чтобы вымыться как следует и отделаться от блох итальянского парохода, до того он был запущен. На другое утро мы пришли в Бари.

Все последние годы моей жизни я очень страдала каждый месяц в определенные сроки, до того, когда стала рождать детей. Не знаю, тяжелее ли были родовые боли или те боли. И вот, подходя к Бари, начались эти боли сильнее, нежели когда либо. Пароход стоял лишь несколько часов и Папа с Веденисовым спешили снять в гостинице комнату и приехали за мной. Не помню, как я дошла до экипажа, а в гостиницу меня внесли на носилках и положили на кровать. Вдруг ворвался один из носильщиков, говоря по итальянски Папа: «Передайте *signor'e*, чтобы она не теряла надежду. Еще не таких исцелял наш свят. Николай!» Папа с Веденисовым тотчас пошли поклониться мощам и очень удивлялись непривычным им порядкам. Наша гостиница казалась нам очень первобытной тогда, только полы всюду были из белого мрамора, что для нас казалось необычайно. Кормили обыкновенно несъедобно, но легко было заменить очень съедобным. Мы сливали воду из, так называемого, рисового супа и ели прекрасный рис посыпая пармезаном, который подавали во множестве, и сколько угодно лесной земляники. Раз появились куропатки или что-то пернатое! Мы

неделю провели там, пока я не набралась сил поехать к мощам Святителя. С тоской теперь вспоминаю, как мало я думала, близ какой святыни мы были всю эту неделю. Однако, тут на всю жизнь Святитель меня исцелил от тех страданий, с которыми я приехала в Бари.

Накануне отъезда мы пошли в Собор, где в нижнем храме лежат мощи великого Святителя. Это кости мироточивые, т.е. из которых течет вода, называемая миром. Она чиста, как ключевая вода и не истощается, хотя ее кажется немного. Мощи находятся под престолом и когда кончается служба, открывается у престола дверца и в полу небольшой кружок, куда служащий священник опускает на цепочке подсвечник металлический с желобком, который наполняется миром, и, подняв, наливает его в бутылочку и приглашает вас взглянуть на мощи, которые освещены свечой. Вы должны лечь на полничком и увидите через кружок на расстоянии около аршина белые кости, лежащие в воде, которой там около четверти аршина. Служат с благоговением, хотя по латыни мы ничего не понимали. Мы заказали молебен и поставили свечи и купили несколько бутылочек мира. Нижний храм весь в сводах и всюду изображения из жизни Святителя. Как дорого нам обоим было поклониться нашему великому Святому. С рождения до глубокой старости я окружена носящими имя его. Впоследствии от Государя Николая II узнала, что наш морской собор в Петербурге (Никола Морской), т.е. нижний храм выстроен по плану нижнего храма в Бари. Я до этого не отдавала себе в том отчета, вероятно потому, что наш храм темный, а в Бари он залит южным солнцем, проникающим и под своды. Духовенство там хорошо к нам относилось и говорило, что среди паломников преобладали

русские и много бывало и крестьян. У них записывались в книгу все приезжающие. Из Бари мы поехали уже по железной дороге до Милана, где провели два дня. Дедушка так боялся за мое здоровье, что убедил Папа беречь меня от утомления. Мама тоже боялась и, как ни тянуло нас к встрече, мы благоразумно остановились отдохнуть. Конечно, были в чудном соборе. Он напомнил сосновый лес покрытый инеем своей белой громадиной. Обходя его, нашли мраморные гробы с мощами св. мучеников Гервасия и Протасия. Были в монастыре св. Амвросия Медиоланского и в картинной галерее, где много прекрасного, но мы довольно равнодушно прошли по ней. В Милане мы простились с милым Веденисовым, который всюду сопутствовал нам. Помню, как красив был путь по железной дороге вдоль моря и поля цветущих белых лилий. От Милана до Aix-les-Bains казалось мучительно долго.

Наконец, увиделись с Мама и сестрами. На вокзале они нас встретили, так было радостно и весело, и нас повезли в лучшую гостиницу, где Мама не раз останавливалась. Наша комната была полна чудесных роз и на кроватях так красиво раскинуто мое приданное. Столовое и постельное белье было куплено в Москве по 6 дюжин всего, а мое белье Мама заказала по 9 дюжин. Теперь это кажется невероятным. Кроме того несколько кусков материи на платья и несколько нарядных платьев из Парижа. Всего было много и очень нарядно. Мы провели все вместе дней десять, а затем Мама с Соней поехали в Берлин, спеша домой к Отцу, а Вера и Наташа с Авг. Ив. пробыли еще с нами несколько дней и догнали Мама, а мы направились в Венецию. В Aix-les-Bains, где прелестные окрестности, Мама нас ежедневно возила на прогулку и каждый день был как праздник

с постоянным баловством. Папа был очень веселый и Мама любила веселье и понимала его и сестры, особенно Соня. Наташа, хотя и несколько окрепла, но была очень вялая. Думаю, тому были причины ее годы – 14 лет и рост. До свадьбы я очень боялась Мама, так как она была очень вспыльчива и это очень пугало Сашу и меня. Отца я не боялась и мы были очень близки и сквозь мое брачное счастье пробивалась грусть, что я его покинула, хотя отовсюду писала ему длинные письма.

С Мама началось мое сближение после свадьбы и все росло до ее кончины. Она была совсем из ряду вон не только в духовном отношении (в котором они с Папа были в полном единении), но и своей оригинальностью, весельем, живостью, умом, отзывчивостью, добротой. Вид у нее был строгий, что пугало мало ее знающих. В Аix и всюду, где она бывала, каждое утро она объезжала или обходила всех своих знакомых поставщиков, почти всегда покупая подарки. Она нас знакомила в Аix со всеми ими и была в дружеских с ними отношениях. Она была очень щедра ко всем. Когда она поручила нашему дорогому Евг. Евг. заведывание делами и имениями, он приходил в отчаяние от ее трат и говорил нашим родителям, что они ничего своим детям не оставят. Папа справедливо отвечал, что состояние Мама и она вольна с ним поступать по желанию. Это был предмет раздора, который заставил его бросить дела и уехать на родину в Карп. Русь. Вера обратилась в девицу милую, веселую, и Папа их всех полюбил и сразу себя почувствовал в своей семье. Мама нас встретила и благословила маленькой иконой Козельской Божией Матери, которая с тех пор всегда при мне, и хлебом-солью. В Троицын День мы вдвоем съездили к обедне в Женеву и провели там день ос-

матривая город. Проводив сестер, мы поехали в Венецию.

Как необычайно было выйти из вокзала прямо на лагуну и сесть в гондолу, чтобы доплыть до гостиницы, и в тот же вечер выйти на ярко освещенную площадь Св. Марка с ее чудным Собором, почти как православный снаружи, и прекрасными дворцами. Гостиницы были почти пусты, так как летом мало приезжало посетителей в Венецию, и мы поселились в какой то хорошей гостинице, где, нам говорили, останавливался Вагнер и писал Парсифаль, и дали нам прекрасную большую комнату, где он жил. Мы нашли премилого старика чичероне Pietro, с которым сговорились ежедневно ходить или ездить на гондоле осматривать художественные сокровища Венеции и до чего добросовестно мы это исполняли в течение, кажется, трех недель! Мы еще мало друг друга знали и я была уверена, что Папа страшный любитель картинных галерей, старинных дворцов и церквей. Впоследствии он мне сказал, что в Венеции больше делать было нечего! Правда, там было что осмотреть, но мне стало нездоровиться и аппетит пропал, хотя хозяин гостиницы спрашивал, чего бы мне хотелось. Это было начало моей беременности, но я мало интересовалась этим вопросом. Быть с Папа, а остальное не занимало меня. По вечерам мы ходили на площадь Св. Марка пить венецианский кофе. Площадь походила на большой зал, вся освещенная, и оркестр музыки гремевший. При нас был какой то праздник исторический и на Canal grande так красиво появились старинные гондолы времен дождей. Мы ходили на стеклянный завод знаменитого венецианского стекла и видели его производство и заказали себе два сервиза для ликера. На площади Св. Марка беспрепятственно разгуливали голуби почти ручные и

один, пролетая, оставил на мне след, что очень приветствовал наш милый Pietro, сказав мне, что это предсказывает мне много, много счастья. Голубь и он были правы. Мы раз съездили на парохоме в Lido и мне казалось, что в открытом море я ожила. В Венеции к концу меня угнетало полное отсутствие зелени и лошадей (тогда не было автомобилей и в помине). Мы жалели прощаться с Pietro и он нам сказал, что желает нам побольше детей, так как истинного счастья без детей не бывает.

В Венеции получили тревожные вести о болезни брата Папа дяди Пети Толстого и Папа решил возвращаться через Вену и Варшаву в Петербург. В обоих этих городах мы провели 2-3 дня, но ничего не осматривали, а в Вене сосредоточились на магазинах, особенно кожаные изделия пленяли Папа, хотя это было только развлечение смотреть. У нас всего было много и кроме того в Aix Мама нам подарила по великолепному *necessaire* – мешку со всеми принадлежностями для туалета: чего-чего там не было, и бьювары кожаные и чернильницы, перья, карандаши, записные книги и у меня все для шитья. Мы оба не умели объясняться по немецки и рассчитывали друг на друга. Варшава тогда еще была незначительным городом, особенно после Вены. Лет 12 спустя она очень украсилась и стала неузнаваемой.

В Петербурге мы остановились в доме милой т. Сони Щербатовой на Моховой. Из ее семьи в это время никого не было. Папа искал нам квартиру в окрестностях Гвардейского Экипажа на другом конце Петербурга. Чтобы быть поближе к нему он меня поселил на день в своей холостой квартире на Б. Мастерской в одноэтажном уютном домике, где он жил со своим товарищем Ниловым, адъютантом Вел. Кн. Алексея Александровича. Нилов был один из моря-

ков – героев Турецкой кампании. Прямо из Морского Корпуса и пошел на войну и вызвался взорвать среди бела дня турецкий монитор на Дунае. Пока они подходили под обстрелом все провода мин были попорчены и подойдя вплотную Нилов увидел, что ничего сделать не может, а капитан-англичанин стоял на палубе, скрестив руки и хохоча над его смущением. В досаде Нилов выстрелил в него и убил. Он получил Георгиевский крест. Папа его считал своим лучшим другом, его и Дондукова, хотя осуждал то, что Нилов считал себя буддистом и имел у себя изображение Будды и увлекался перерождением людей, на что Папа ему говорил: «Какое тебе может быть утешение думать, что когда-то ты был свиньей?» Нилов прошел в моей жизни мало заметно, хотя все, кто любили моего Коку когда либо, мне становились дороги.

Теперь определилось, что я готовилась быть матерью. Все мои девять месяцев беременности проходили легко, только первые 2 месяца было чувство острое анемии с отсутствием аппетита. Я слышала, что в такое время бывают фантазии того или другого, и я все ждала этого и не было. Дедушка Толстой мне рассказывал, как одна его знакомая в таком состоянии увидела в окно продавщика яблок и настояла на том, что непременно должна укусить его за руку, убеждая мужа его позвать для этого. Как муж ее не отговаривал, ничего не помогло и он позвал разносчика и, очень извиняясь, просил его согласия на укус. Разносчик согласился, она его укусила и успокоилась и, конечно, ему заплатили за это! Папа нашел нам квартиру на Офицерской улице близ Английского проспекта на нижнем этаже в 6 комнат с ванной, кухней и 3 комнатами для прислуги. Это была бывшая квартира знаменитой четы артистов Фиг-

нер. Прислуга была: вестовой, моя милая горничная Анна 18-ти лет, старик повар с семьей, сын которого 12-ти лет был у нас казачком. Теперь кажется такой лишней роскошью, что тогда считалось скорее скромной обстановкой.

Мы там поселились, кажется, в конце августа. Весело было устраивать свое гнездо, беззаботно выбиравая, что нам нравилось в виде мебели, навещая Апраксин Двор, где было всего более старинной и подстаринной мебели. Правда, Мама нам подарила их кровати из Московского дома, мою гостиную старинную и гостиную, прозванную *cabinet de dentiste* очень некрасивую, которую мой Отец поспешил купить, когда сдавали дом Австрийскому послу, боясь, что Мама потратится для них на нечто роскошное, а это несомненно было дешево. У Папа был свой кабинет. Оставалось: столовая, будущая детская, комнаты для прислуги и кухня.

Здоровье д. Пети все ухудшалось и дошло до буйных припадков, так что пришлось его отправить в сумасшедший дом, где он умер года через три. Очень была тяжела его отправка в сумасшедший дом. Решено было, что доктор оттуда приедет к нам, когда д. Петя будет у нас и предложит ему подвезти его в карете. У бедного д. Пети была мания величия и он все хлопотал о своем придворном мундире и что должен ехать насчет представления Государю к гр. Воронцову. Тут то и предложил доктор его отвезти и он очень довольный согласился. Тяжело было Папа и его жене т. Цехе с ним прощаться, сознавая, куда его везут. Они его очень любили. Он ведал делами Дедушки Толстого (который очень не любил ими заниматься) и, говорят, был очень сведущ по этой части, но запутался совсем, когда заболел и все, что ему передал Дедушка, все пропало и его дела очень по-

страдали. Его жена и дядя Сережа, старший брат Папа, поручили распутывать все Папа. Конечно, решили скрыть от Дедушки, что у него ничего не осталось под старость лет. Странно, что Дедушка, ничего о том не зная, повторял в это время не раз, что какой-то блаженный ему предсказал: от суммы и от тюрьмы не отказывайся. «Я чувствую, что пойду по миру», говорил он. Папа и д. Сережа решили вместе его содержать будто на его деньги. Папа его спросил, сколько ему было бы нужно, чтобы жить в полном довольствии и он назначил сумму, которую и получал до смерти и часто говорил, что никогда не жывал он раньше в таком полном довольствии. Было у него родовое имение во Владимирской губ. Алекс. уезда – Каменки, о котором Папа всегда с горячей любовью вспоминал, проведя в нем все детство. Здесь он и его брат Володя заболели холерой и после кончины Володи Бабушка больше не вернулась туда. Там был похоронен ваш прадед – отец Дедушки. Самый дом, где они жили, продали соседу – купцу. Он прекрасно уцелел из крепких бревен будучи построен. Дедушка хотел его продать и деньги передать детям, но по закону оказалось, что ввиду того, что он еще может жениться (в 80 лет!) и иметь еще детей, он продать имение не может.

В течение первой зимы нашей в Петербурге гостил у нас Дедушка Толстой недели две и столько же и д. Сережа, у которого тогда был свой дом на Английской набережной. Мы так уютно провели с ним эти две недели. Втроем ездили в ресторан и так было весело. У него было много остроумия и веселости и более интересного собеседника нельзя было себе представить. На Рождество по желанию Дедушки Толстого мы устроили у себя елку для его внуков – детей д. Пети, и он сам ездил покупать для них

часть елочных украшений. Его очень огорчала болезнь сына. Скоро после нашего переезда на новую квартиру Папа назначили охранять путь перед проездом Царского поезда из Крыма в Петербург. Охрана стояла на всем пути и Папа охранял по Николаевской железной дороге, кажется, около Угловки. Не знаю, какое расстояние было ему поручено. Это было наше первое расставание дней на 10. Днем и ночью надо было расставлять и сменять караул. Неподалеку ему указали на домик, где жили какие-то двое неизвестных, за которыми надо было усиленно следить. Это было время бросания бомб, адских машин и пр. Как бы то ни было, но пока охрана там стояла, они скрылись до проезда Царского поезда. Проезжало тогда два поезда совсем одинаковых и неизвестно было, в котором из двух Царь с семьей.

Ввиду моей беременности Папа решил, что не нужно мне пока знакомиться с женами наших офицеров. Я доверилась этому и очень пожалела потом, так как за это прослыла гордой, не желающей знакомиться. Командиром Гвардейского Экипажа был очень симпатичный и прекрасный командир Адм. Невахович, женатый на двоюродной сестре Папа т. Варе Грязевой. Они были очень дружная, хорошая семья с тремя детьми. У них мы довольно часто бывали. Еще навещала т. Соню Щербатову, мою посаженную мать с дорогой всем нам ее дочерью Машенькой Долгорукой – друг нашего детства и молодости, и Васильчиковых, моего крестного отца и его дочерей, тоже нам очень близких и друзей детства милейших Волковых. По вечерам почти всегда бывала дома, много читая об уходе за детьми. К нам чаще всего приходил вечерами играть в карты с Папа его приятель Мих. Алекс. Александров. Он был чиновник в военном министерстве и очень милый.

Он был совсем свой человек у нас. Каждую субботу Папа проводил, играя в винт, у своих товарищей по Корпусу, теперь же там преподавателей, Г. Ив. Шульгина и П. Кон. Бубнова. Он там был как дома. Я в карты не играла, а Папа славился своей игрой. В азартные игры никогда не играл. Выигрыш бывал не более 3 руб. Я никогда не слыхала, чтоб они осуждали или злословили ближнего. Друг над другом часто подтрунивали. Главный интерес была морская служба и, конечно, политика, не без горячих споров, и семейные интересы милейшей семьи Шульгиных. Я их очень полюбила, узнав их. Мы по воскресеньем ходили в домашнюю церковь Кадетского Корпуса на Театральной площади, хотя церковь Никольского Собора была полковая и для треб мы обращались туда к добрейшему настоятелю о. Г. Романовскому. Он к нам относился как к родным.

Мое здоровье очень окрепло. Вместо душа я ежедневно брала прохладную ванну и так до родов, и много ходила пешком. На масленице я думала, что наша Эли родится, но она родилась на 1-ой неделе Великого Поста в пятницу днем 21-го февраля. Ночью мы послали за акушеркой Мар. Ив. Аквилоновой (которая приняла всех 9 наших детей и очень была мне дорога). Попросила утром о. Григория исповедоваться и приобщиться. Какая неопишуемая радость первый крик ребенка. Мама мне говорила, что всегда вспоминала, рождая, слова Спасителя в последней беседе с учениками: «...жена егда раждаетъ, скорбь имать, яко прииде годъ ея: егда же родить отроча, ктому не помнить скорби за радость, яко родися человекъ в мѣръ...». Когда начинались роды я всегда прочитывала эту беседу Христову и утешалась тем, что Он признавал родовые страдания за скорбь. В этой радости «яко родися человекъ в мѣръ» есть

что-то Пасхальное. Наша Эли родилась маленькой красавицей с черными волосиками, вылитый портрет Папа. Все прошло прекрасно, только кормление не налаживалось и пришлось достать кормилицу, которую мы выписали из Боровичей. Не скажу, чтобы она была очень хороша, но я тогда ничего не понимала, хотя мы взвешивали усердно Эли, но она не особенно хорошо прибавляла в весе. Во время родов мы с Папа молились, а временами он уходил и потом сказал мне, что он не мог удержаться от слез и что вестовой его утешал, говоря, что это ничего. В последующих родах, хотя он всегда со мной оставался, но видно воспринял взгляд вестового, так как говорил мне: «Тебе ничего не стоит родить!» У меня осложнений не было, слава Богу, но как я боялась родовых болей, особенно последних. Бывало, ожидая их, вся в поту от страха, но зато радость после!...

На крестины Папа пригласил всех родственников, что было очень достаточно, и заказал грандиозное угощение – буфет Гвардейского Экипажа, так что было прекрасно. Конечно, Мама приехала тотчас, получив нашу телеграмму, и проводила весь день со мною в восторге от своей первой внучки, которая осталась ее любимицей. Она была ее крестной матерью, а д. Саша заменял Дедушку Толстого при купели. Эли была названа в честь Бабушки Толстой.

Когда ей привили оспу, тоже привили Папа и мне. Это сделал знаменитый детский врач Берлинг, которого мы очень полюбили и которому доверяли. У нас она привилась благополучно, у бедной Эли она прикинулась и сделалось такое воспаление на ручках, что Берлинг попросил пригласить специалиста по кожным болезням д-ра Петерсена и сказал, что сам будет приезжать с условием, чтобы ему не пла-

тили, так как прививка им была сделана, хотя непонятно, почему она прикинулась. Я думаю, что это купая ее, что-нибудь попало. Он разрешил ее купать дня 3 после прививки. Ручки распухли и затвердели, и доктор был озабочен и сказал, чтобы непременно каждые 3 часа менять тряпочки с мазью днем и ночью. Хотя в общем я окрепла, но не могла вставать ночью или рано, так как мгновенно потери сознания возвращались. Я не очень верила в точное исполнение няней этого предписания, и пошла ночью проверить, меняет ли она, и убедилась, что она спит. Сама переменяла мазь и сказала ей прийти меня разбудить через 3 часа. Этот раз она меня разбудила и я только успела мою крошку вынуть из колыбели и положить на пеленальный стол, как упала без памяти. Няня побежала к Папа, говоря, что со мной что-то случилось. Он вскочил и нашел меня на полу без сознания. Оказывается, он спросил меня, могу ли я дойти до спальни, и я ответила, что постараюсь, и, поддерживаемая им и няней, дошла. Я пришла в себя через несколько часов очень разбитая и слабая с прикушенным языком. Эли было лучше, и доктор нам сказал, что боялся, что у нее сделается Антонов огонь! Видно Папа обо всем написал родителям, так как они выписали Ковалева ко мне. Это был последний припадок в моей жизни, слава Богу. Ковалев при этом очень запугал Папа, уверяя, что при беременности я рискую умереть.

Эли росла слабым ребенком, но я не очень в том отдавала себе отчет, а Папа тем более. Слава Богу, что мы приглашали прекрасного детского врача Ив. Карл. Берлинга. Он лечил наших детей лет 17, 18 и нас часто учил уму разуму и педагогике. Он был много лет старший врач Воспитательного Дома. На лето мы сняли дачу в Петергофе, так как Папа пла-

вал на Императорской яхте Александрии (старой, построенной Имп. Николаем I-м). Царская Семья на ней ходила тогда в шхеры с конвоем яхты Царевич и Марева. Тут же у пристани в Петергофе стояла недавно оконченная яхта ген. адм. В. Кн. Алексея Алекс. «Стрела». Странно было, что купальни были устроены на военной пристани и по часам чередовались мужчины и женщины, все купаясь как родились, без костюмов, что очень развлекало скучающих моряков. Папа меня отводил на пристань и громко заявлял: «Господа, моя жена купается!» и пристань на это время пустела.

Царская Семья жила в Александрии. В это лето с Кавказа приехал пожить с Семейей больной чахоткой Вел. Кн. Георгий Александрович. Это был его последний приезд, так как года через 2, кажется, он умер внезапно близ Абас-Тумана, поехав кататься один на велосипеде. У него пошла кровь горлом, он упал и только какая-то проходившая крестьянка-молоканка была при нем. Я издали видела его проезжавшего в коляске от пристани с Августейшей Матерью, братом и сестрой. Он сидел сгорбленный, не как вся Царская Семья всегда прямо безукоризненно. Лицо издали трудно было рассмотреть.

Я редко уходила от моей Эли, которая очень меня интересовала и я писала журнал изо дня в день о ее развитии. Она почти весь день лежала в своей красивой колыбели в саду и уже громко хохотала. У нас погостил дорогой Дедушка Толстой дней 10 и наши племянники Муня и Лиля Толстые с гувернанткой молоденькой. Я пустила в ход свою педагогику и старалась бороться с необычным воспитанием 11-летнего мальчика, который требовал, чтобы гувернантка на руках его выносила из кровати, чтоб он встал утром. Летом все окна требовалось запирать,

чтобы он не простудился и мороженое выносить из столовой для этого же. Он вырос совсем больной карлик и умер 30-ти с небольшим лет, хорошо окончив Правоведение и после хорошо служив чиновником. Он был, несмотря на много странностей, хороший человек, обожаемый матерью и сестрой. Мать умерла на Кавказе при большевиках, а о Лиле ничего не знаю. Она была крестницей Папа и он принимал большое участие во всей семье.

Мне надо было представляться Ее Величеству после свадьбы, как бывшая ее фрейлина, о чем просила милого князя Ив. Мих. Голицына, и мне скоро назначен был день приема в Александрии. Мне не с кем было посоветоваться во что одеться, а я представлялась только на балах. К счастью шли проливные дожди, что помешало мне надеть бальное платье в 12 час. дня. Папа с большим трудом разыскал экипаж. Это оказалось допотопный ландо, который не плотно закрывался и дождь проникал сверху и из незакрывавшихся окон. Папа поехал со мной до ворот Александрии, чтобы придать мне бодрости, так как знал, что я терялась. Расставшись с ним, я сказала кучеру ехать во Дворец. Добрый старичек знал столько же, сколько я и поехал по парку куда глаза глядят. Подъехали к даче, где мне открыл дверь лакей в трауре. Я решила, что новая ливрея и пошла в гостиную, где сидела дама в глубоком трауре и два господина. Поклонились друг другу и молчим. Наконец, дама мне говорит: «*La Psse Poutiatine, n'est ce pas?*» – «*Non, la Csse Tolstoi*». Опять молчим. «*Sa Majesté la Reine (Греческая Королева) va vous recevoir tout a l'heure.*» – «*Comment la Reine?! Je viens chez l'Impératrice!*». Вскочила и стремительно направилась в переднюю, сопровождаемая Голенищевым-Кутузовым, который направил моего кучера ко Дворцу.

Слава Богу, что я была младшая по чину дама и потому последняя представлялась. Я вошла растерянная в полную дам гостиную, заявляя, что заблудилась по пути. Взоры всех на меня направились. Принимала приветливо Мари Кутузова, хорошо с детства знакомая Бабушки и скоро меня успокоила своей приветливостью. Я только что рассказала ей что минул год моего замужества, как с восторгом сообщила, что у меня ребенок. «Et quel age a le bébé?» – «Elle vient d'avoir 3 ans!». Отвечаю я и вдруг вижу смущение кругом и звук моих последних слов ко мне вернулся и я поспешила сказать: «Je voulais dire trois mois!».

Все эти переживания очень меня подкосили и когда, наконец, пришла моя очередь идти к Императрице, я открыла дверь, вошла и приседаю и ни с места. Тогда дорогая Царица ко мне подошла, взяла за руку и усадила и тут я расплакалась и, стараясь себя побороть, пронзительно воскликнула: «Vous savez, Madame, que j'ai un enfants!» – «Vraiment?» – спросила она с интересом и разговор пошел благополучно. Я вернулась прямо к Папа на пристань передать все эти острые переживания, которые он очень принял к сердцу, хотя очень был недоволен, что я так осрамилась. Императрица не скоро забыла это представление и спарвлялась о моем здоровье, когда дядя Боря Васильчиков ей представлялся. Она говорила, что я еще мало поправилась от моей многолетней болезни.

В Петергофе я познакомилась с несколькими семьями наших офицеров: на яхте Стрела был вечер с танцами и меня пригласили, хотя приглашенных было очень мало. Очень красиво было все убрано флагами и хозяева очень радушны, но я очень конфузилась с мало знакомыми и после свадьбы больше

не танцевала. Как-то Петергоф мало оставил тогда на мне впечатления; дождливое лето (говорят, это там почти постоянно) и фонтаны со всех сторон мне были не по душе и с какой радостью в августе мы переехали в родное Дукино, наконец увидеть Отца в первый раз после свадьбы нашей. Как было хорошо!! Мама нас поместила во флигеле для гостей, где было 5 комнат к нашим услугам. Бабушка и Дедушка были в восторге от своей первой внучки и она никого не дичилась. Наш дорогой батюшка Василий немного не дожил до рождения Эли, которая была 5-ым поколением при его жизни в Дукине (он скончался, точно угас, 28 дек. 1891 г., а Эли родилась 21-го февраля 1892 г.). Его дочь и племянница остались в своем домике, где мои дети и я часто, часто их навещали и как они умели с детьми ладить и занять их. Не умею описать, какое то было наслаждение всем вместе пожить.

В это время Папа съездил в Петербург перевезти все на другую квартиру на Галерной. Не помню почему, но она оказалась очень неудобной и к следующей зиме мы опять переехали, и уже на 7 лет, на Офицерскую д. Княжевич. Д. Петя советовал нам нанять дом с раздвижными стенами, ввиду того, что у нас почти ежегодно рождался ребенок. И вот на Галерной Господь послал нам сына Николая. Для него нашли в приюте прекрасную кормилицу, так как доктор уверял, что я слаба кормить и тогда я еще слушалась докторов. Меня огорчало, что он белокурый и не похож на своего отца и я его меньше любила чем Эли. Господь знает какое это стало для меня горе и как Он научил меня полюбить этого чудного ребенка. Он развивался крепкий, здоровый толстяк не то, что бедная Эли, часто болеющая. Теперь мы на все лето поехали в Дукино пока Папа был в

плаваньи на Мареве, где он был командиром. Это была крошечная яхта, около 30-ти человек команды и два офицера – Папа и Дунд. Корс. Им полагалась квартира в Монплезире, где они жили вдвоем. Осенью мой Отец к нам приехал. Нечего говорить какую счастливую жизнь мы вели. Мама уезжала на время на воды, а мы с Дедушкой вместе читали и вечером гуляли по нашей любимой Загонной дороге, где так чудно был виден закат. Т. Вера и т. Наташа много возились с маленькими племянницей и племянником, особенно первая. Я ей вполне доверяла моих крошек, если приходилось уезжать, что было очень редко. В то лето Папа на Мареве сопровождал Царскую Семью, которая ходила в шхеры на Александрии. Царь, Царица, Наследник, Великие Княжны Ксения и Ольга Александровны, фрейлина Озерова и, кажется, кн. Оболенский (Котик). Яхта Мареве была построена еще при Государе Николае I-м: Удивительно, как при его росте он мог помещаться в такой крошечной каюте. Прелестна была яхта Царевна. Она в то время не принадлежала Гвардейскому Экипажу, а была прикомандирована. Она была названа в честь цесаревны Марии Феодоровны.

В зиму с 1894-95, заболел тяжело инфлуэнцей Государь. Болезнь была настолько серьезна, что был выписан из Москвы знаменитый проф. Захарин, который провел некоторое время при больном, пока он не стал поправляться. Это было необычайно болеть такому богатырю. Думаю, что он после не поправился. В это время вел. кн. Ксения Александровна стала невестой своего троюродного дяди вел. кн. Алекс. Мих. Говорят, Государь сам принимал участие, заказывая ее приданное и стараясь, чтобы не злоупотребляли поставщики. Говоря о вел. княжне Ксенье Александровне, не знаю верно ли это, но я

слышала такой рассказ: до ее рождения Императрица Мария Феодоровна видела во сне блаженную Ксенью, которая ей сказала: «У Тебя родится дочь, которую Ты назови Ксеньей. Она будет Вашим ясным солнышком и пока она будет с Вами все будет хорошо». Их брак был, помнится, летом 1894 г. Не знаю, верен ли этот рассказ, но для бедной Императрицы Марии Феодоровны счастье ушло с уходом за муж вел. княжны Ксеньи Александровны. Да и от России оно отошло.

Когда Царская Семья ходила в шхеры бывали постоянные пикники, но совсем без прислуги; все надо было самим готовить и убирать. Императрица Мария Феодоровна бралась всегда картошку чистить и жарить и в этом деле Папа ей помогал. Разводился костер и над ним все жарилось. После завтрака Государь приказывал все собирать и следил, чтобы все было в порядке. Раз не досчитались ложки или вилки и он объявил, что не вернутся на яхту, пока она не найдется; так и прождали, пока не нашли. Потом начиналась игра с детьми в большой мяч, что особенно любил вел. кн. Михаил Александрович. Во время этого плаванья у Государя болела рука и он ходил с подвязанной рукой. Он не думал лечиться, а между тем стал жаловаться, что все башмаки ему не по ноге. Императрица тогда обратила на это внимание, поняв, что у него отеки. Она была озабочена его здоровьем и, когда где-то встретила о. Иоанна Кронштадтского, просила его молиться о здоровье Царя.

Я с детьми блаженствовала в Дугине с родителями, сестрами и Сашей, ожидая в октябре роды. В конце сентября мы поехали в Петербург. Царь с Царицей уехали в Крым и вести приходили тревожные. Болезнь (нефрит) все усиливалась и говорили, что,

когда Государь ехал с яхты в Ливадию, он все дремал, что так не похоже было на него. Пока они были в Ливадии был решен брак Наследника с принцессой Алисой Гессенской, которая и приехала в Ливадию. Она изучала Православие и я слышала, что она очень входила во все вопросы новой веры и долго смущалась нашим особенным почитанием Пресвятой Девы Марии. Мне это говорил Вигбоск известный знаток Православия (он ежегодно приезжал до самой своей смерти в Москву к Страстной и Пасхе). Принцесса его пригласила, чтобы он ей уяснил это почитание. Мы просили о. Иоанна Кронштадтского быть крестным отцом нашего будущего ребенка и получили его согласие. Мама была приглашена крестной матерью. Ежедневные отчеты из Ливадии были все тревожнее. Туда был приглашен о. Иоанн Кронштадтский.

Мы тогда жили на Офицерской ул. как раз напротив театра Немети. 20-го октября вечером я заметила, что публика, туда подъезжавшая, тотчас уезжала обратно. Мы послали нашего вестового узнать, что случилось и он вернулся потрясенный с известием: «Государь Император скончался!». Как ни ожидали все этого, оно как громом поразило. Я так плакала, что начались боли и послали за милой Марьей Ивановной и она сказала сейчас же послать за доктором, так как роды начались. Мы решили, если девочка, назвать ее Марией, но я мудрила – во имя какой святой, так как от 22-го июля было далеко и от 1-го апреля тоже и все искала ближайшую святую Марию. Роды шли с необычайной быстротой и я молилась вслух перед самым концом, который так меня всегда пугал своей силой и говорила, помнится: «Богородице Дево, радуйся» и не dokonчив, бессознательно стала говорить молитву св. Марии

Магдалине и пока я ее говорила, родилась наша Миинька и я поняла, что св. Мария Магдалина взяла ее под свое покровительство. Она родилась в 1 ч. ночи 21 октября в канун Казанской Божией Матери. Теперь уже я решила сама кормить ее. Милый д-р Берлинг советовал 3 месяца кормить, а после начать прикармливать и пока я его слушала, было хорошо. Какое было счастье быть необходимой этим крошкам.

Кончина Царя задерживала крестины, так как о. Иоанн сопровождал тело Государя. Это была кончина праведника. О. Иоанн его приобщал, кажется, накануне смерти и Государь его от себя не отпускал и просил держать его голову, так как говорил Царь тогда ему становилось легче. Он задыхался и умирал сидя в кресле и Царица его поддерживала, не отходя от него все время. Я не помню какого числа были крестины Мии, но я уже была на ногах, а до 6-ти недель я почти не двигалась от слабости. Крестил Настоятель Николы Морского о. Григорий Романовский и, когда они встретились у нас с о. Иоанном, последний воскликнул: «Что же вы меня пригласили, когда у вас такой прекрасный батюшка?!». Оказалось, они были товарищи по Академии. Мы объяснили, что крестить будет о. Григорий, а его мы пригласили крестным отцом. Он держал Мию до купели и все заботился о том, чтобы ей лицо не закрывали, чтобы больше воздуху дать. Он всегда настаивал насчет воздуха и сказал нам, что всегда спит и зимой с открытой форточкой. Такая была радость для Мама и всех нас его присутствие. Я отдельно написала свои воспоминания о нем и чем он был в нашей жизни.

Кто помнит кончину и похороны Государя Александра III, знает как потрясена была не только вся

Россия, но и весь мир. Отовсюду были выражения глубокого к нему уважения и сознания, что в своей могучей руке он держал мир и водворял его, подняв Россию на небывалую высоту. Все с ней считались. Петропавловский Собор весь переполнился по всем стенам венками со всего света, свидетели отношения к нему (до него ничто не украшало его, конечно, кроме икон). Всеобщую любовь и сочувствие к себе вызывали Императрица Мария Феодоровна и молодой Царь. Все чувствовали их глубокую скорбь и как царственно они себя держали в руках. Брак Царя с принцессой Алисой, после миропомазания Александры Феодоровны, состоялся 14-го ноября в день рождения дорогой Императрицы Марии Феодоровны. Он происходил в Аничковском Дворце. Толпы стояли на улице около дворца, криками восторга приветствуя молодых и пением «Боже Царя храни!».

Ко мне заехала в этот день т. Соня и сказала без объяснений: «Боря стоит на Невском перед дворцом и поет!» Без объяснения это казалось необычным. Молодая Императрица поражала своим крайне неприветливым видом и кланялась она народу так холодно неприветливо. Такая была разница в поклонах двух Цариц. Даже переживая свое великое горе, для толпы у Императрицы Марии Феодоровны был ласковый привет, а горе хоронилось от всех.

Мы поселились в очень уютной квартире на Офицерской ул., где прожили так счастливо 7 лет. Мы были счастливы в нашей прислуге. Я часто собиралась написать отдельно о «вестовых», какие это были драгоценные люди для всего офицерства. Временами командиры Экипажа издавали приказ, чтобы вестовые только в плавании обслуживали офицеров. Тогда поднимался общий стон. Они были неоценимы. С большой любовью вспоминаю Жидкина, про-

служившего у нас все 7 лет тогдашней морской службы. Он был помор села Кандалакина и поступил в Экипаж неграмотный. Его отец женил 18-ти лет и, когда он поступил к нам, у него было двое детей. Грамоте он научился в первый год и скоро стал для нас как член семьи. Няней в это время была старушка Наталия, но она не долго, из-за дряхлости, оставалась, хотя Мииньку вынянчила до 2-х лет и до своей смерти в ней души не чаяла. Она лето всегда проводила у нас, а зиму в богадельне, где и скончалась. Упоминаю о ней для Мии, чтобы помнила ее любовь. Моя горничная Анна жила много лет у нас и потом стала прекрасной у нас няней и вынянчила четырех наших детей. И она и, заменившая ее при мне, Матрена были очень близки нам и мы расстались, когда обе вышли замуж за матросов и революция нас всех раскидала.

Мы каждый год ездили к Троице погостить дня 2-3 у дорогого Дедушки. Возвращаясь осенью из Дугина мы повезли наших трех малюток ему показать. Тогда Троица славилась своими прекрасными игрушками кустарного производства, т.е. их делали окрестные крестьяне, а не фабричное производство. Дедушка поручил Папа по выбору детей им купить, к их восторгу. Он очень любил детей и интересовался ими. Мы уже должны были возвращаться в Петербург, как в Москве заболела скарлатиной Эли. Там мы всегда останавливались в дорогом родительском доме и они мне позволили там быть до выздоровления Эли, а Папа с Мией, Коти и няней вернулись в Петербург. Мы остались вдвоем с моей Эли, как она себя звала. Мы жили в нашей чудной детской с окнами на колокольню Никитского монастыря, кормила нас вдова бывшего повара родителей, прислуживал старичек швейцар; словом, как у Хри-

ста запазухой. Помню, раза два была обедня у нас и Эли приобщалась. Скарлатина, слава Богу, была не тяжелая, но появился белок и она почти все 6 недель пролежала. Она была очень слабым ребенком, хотя мы себе не отдавали отчета до чего. В предшествующее лето она тяжело болела воспалением легких и я так и думала, что она не выживет, но к Казанской, 8-го июля, ей стало лучше. Мама приезжала пожить с нами. Бабушка и Дедушка горячо полюбили внуков, особенно двух старших, с которыми уже имели общение. Толстый Коти уже свободно все понимал и был такой весельчак. Папа теперь служил кажется на «Рынде» старшим офицером с кадетами (Я ошиблась годами: Папа тогда был старшим офицером на яхте «Стрела», а с кадетами плавал в следующую кампанию). В это плавание он вынес самое лучшее впечатление об этом выпуске и 8-го августа, в праздник Морского Корпуса эти кадеты поднесли ему и командиру Дм. Дм. Всеволожскому по жетону с очень милой надписью. Папа до смерти не расставался с этим жетоном и с орденом св. Владимира за 25 кампаний.

Еженедельная газета

"ЕДИНЕНИЕ"

орган русской эмиграции в Австралии.

Выходит с декабря 1950 г.

Цена одного № (12 страниц) -- .50 центов (австр.).

Пересылка за границу дополнит. по почт. тарифу.

Типография принимает заказы на печ. работы

Адрес: UNIFICATION NEWSPAPER

28 Regent St.

Chippendale, NSW 2008, Australia

Б.Н. Сергеевский

ВРЕМЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО

I.

Принятие веры Христовой являлось важным моментом в жизни почти всех народов Европы. Константин Великий в Римской империи, Хлодвиг у франков, св. Стефан у венгров и др. стали в памяти народов основоположниками их государственной жизни. Естественно было бы в истории Руси ее крещению и имени князя Владимира отвести столь же почетное место. Но взглядыываясь в историческую жизнь русского народа, мы не можем не признать, что этого было бы мало. Крещение при св. Владимире в истории Руси не только важный, но и величайший момент. И самое существо признания язычниками Единого Бога, и то, какими внешними, политическими и национальными успехами оно сопровождалось на Руси, и те культурные и социальные последствия, которые принесла с собой на Русь греческая Церковь — все это далеко не исчерпывает значения дела св. Владимира. Существеннейшим является то, что русский народ, полный великих сил, физических и духовных, мягкий и от природы искатель правды и добра, принял восточное православие всеми сторонами своей души и своего житейского обихода. Быть может, ни у одного народа не проткана так его жизнь религией, как у русских — обрядами, молитвой, богопочитанием и, главное, тем духом Восточной Церкви первого тысячелетия христианства, который, слившись с восточно-славянской мистикой и идеализмом, создал душу русского народа.

Вот почему в описании истории России времени св. Владимира не может не быть уделено исключительное место.

Мы уже знаем, что ко времени св. Владимира христианство не было совершенно чуждым и неизвестным на Руси. В составе княжеской дружины было много христиан; уже во времена князя Игоря в Киеве были христианские храмы (в 944 г. соборная церковь св. Илии). В самой княжеской семье были христиане: такова супруга Игоря, св. княгиня Ольга. Едва ли можно допустить, чтобы пример кн. Ольги, женщины, столь почитавшейся в княжеской семье и правившей фактически Киевским государством, не имел последователей. Вернее можно думать, что среди княгинь и княжен рода Рюрика (а таковых при многоженстве было не мало, их упоминает и Константин Багрянородный в своем описании приема княгини Ольги в Царьграде), а еще более – среди женщин двора Ольги могли быть и были христианки. Можно думать, что в Киеве во время детства св. Владимира уже образовалось христианское общество, которое естественно сосредотачивалось вокруг княгини-христианки. Создавалась база для дела св. Владимира, дела, которое ни в коем случае не может и не смеет быть объяснено, как результат его единоличной воли, шедшей в разрез с желанием всей тогдашней киевской интеллигенции. Вернее думать, что интеллигенция эта, а может быть и все население Киева поделилось уже на два направления – прогрессивно-христианское и консервативно-языческое. Для того, чтобы сделать решительный шаг в духе мечтаний первого, требовалась воля князя авторитетного, любимого. Сын Игоря и Ольги, Святослав, не пожелал сделать этого шага. Его младший сын, Владимир Святославич, на этот шаг решился и совершил вели-

кое дело, в подготовке которого известную роль несомненно сыграла его бабка, княгиня Ольга, и много других киевских христиан.

Роль сильной личности в истории народа очень велика, но результаты работы этой личности велики только тогда, когда работа эта направляется по уже наметившемуся новому руслу, в которое стремятся народные силы и идеалы.

Какова же была личность Владимира Святославича? У князя Святослава было три сына: старшие двое (Ярополк и Олег) были рождены от его жен княжеского происхождения, младший Владимир явился плодом увлечения Святослава ключницей княгини Ольги, Малушей. Малуша была дочерью Малка Любчанина (жителя гор. Любеча), сын которого Добрыня, «храборъ и наряденъ мужъ», был видным княжеским дружинником. Княгиня Ольга прогневалась на Малушу и сослала в ее (Малушино) сельцо в Будутинной веси, где и родился Владимир около 962 г. Как мы знаем, кн. Святослав редко бывал в Киеве. Все три его сына воспитывались попечением бабки-христианки. Эти летописные сведения дают нам первые данные о личности в будущем равноапостольного князя: Владимир первый из русских князей – не чистый Норманн по крови: его мать славянка. Пусть она не княжна, а «раба», что Владимиру пришлось и почувствовать в будущем, но она и ее брат должны были дать молодому князю славянскую душу и национальное самосознание. Близость его бабки княгини Ольги должна была если и не взростить Владимира христианином (он еще был мал тогда), то заложить в его душе христианские начала. Кроме того является вопросом, не была ли и Малуша христианкой? Она, доверенное лицо княгини-христианки, умирая (вероятно уже после крещения Руси) за-

вещает Пресвятой Богородице (т.е. Десятиной церкви) то свое сельцо Будутино, в котором родился Владимир.

Если мы не имеем других сведений о матери князя, то о его дяде Добрыне у нас очень много данных. Он твердый, государственно-мыслящий человек, жестокий в духе времени и среды, человек, по-язычески не забывающий оскорблений, человек, далекий от христианства. Это достойный соратник князя-воина Святослава, но мудрый и реальный политик. Став на долгие годы опекуном и руководителем молодого князя Владимира, Добрыня заслужил в будущем сочувствие летописца, христианина-подвижника, несмотря на свой языческий облик. Еще большую честь заслужил он в памяти народной, в которой его историческая личность отождествлена, под именем Добрыни Никитича, с одним из любимейших богатырей народных былин: он – «податаманье» у самого «большого богатыря, свѣтъ-атамана Ильи Муромца».

Из этого сопоставления бабки – христианки, матери, будущей рабы Богородичной, и дяди – сурового, но мудрого язычника – уже можно предположить, что в душе Владимира были заложены противоположные начала и что, прежде, чем выйти на прямую и ясную дорогу, Владимир должен был пережить внутреннюю борьбу, которая, при страстности и широте его характера, должна была принимать характер больших и крайних увлечений. Такова и была юность молодого князя.

В 970 году, после кончины кн. Ольги, Святослав снова покинул Русь, уходя в свой любимый Переяславец на Дунае. Малолетних своих детей он посадил княжить по волостям: Ярополка, вероятно 10-12-летнего – в Киеве, Олега, 8-9-летнего – в «земль Дерев-

стѣй» (т.е. у Древлян). Послы Новгородцев просили и себе отдельного князя. «Если бы кто-нибудь пошелъ къ вамъ», ответил Святослав. Ярополк и Олег отказались. Тогда Добрыня посоветовал Новгородцам просить 7-8-летнего Владимира, которого, то-ли по малолетству, то-ли как рожденного «отъ рабы» (летопись дает это второе объяснение), Святослав не предлагал им. Они послушались Добрыни и просили Владимира. «Возьмите», ответил Святослав, и «пошелъ Владиміръ съ Добрынею, съ дядей своимъ, въ Новгородъ, а Святославъ въ Переяславецъ».

Через два года, в 972 г., Святослава не стало и молодые князья стали полновластными. Конечно, нельзя думать, что они правили сами. При них состояли «кормильцы» (опекуны), из коих мы знаем двоих, – при Ярополке – Свенельд, (а после его смерти – Блуд), при Владимире – Добрыня. Через два года началась борьба за власть между братьями-князьями, вернее – между их кормильцами. Ярополк со Свенельдом победили Олега. Последний погиб при взятии Киевлянами древлянского города Овруча. Очередь была за Владимиром, но Добрыня увез молодого князя за море к Варягам (в Швецию). Еще через три года они вернулись с варяжским войском и выгнали из Новгорода посадников Ярополка, объявив последнему войну. Владимиру было тогда около 15 лет; он был уже женат на «Оловѣ, женѣ варяжской» (известие Татищева), но, как увидим далее, продолжал оставаться под полной опекой Добрыни. Возвращение его в Новгород было знаком начала борьбы Новгорода и Киева, Севера и Юга. Действительно, уже около 150 лет (а может быть и значительно больше) весь «Великій путь изъ Варягъ въ Греки» составлял одно государственное и экономическое целое. Ни Северу, ни Югу нельзя было поми-

риться с разделением этого пути между двумя враждебными княжествами. Все население понимало это, особенно на Севере: закрыть Великий путь – не будет подвоза хлеба с Юга, не будет торговли, которой жила не только торгово-княжеская организация, но и каждый смерд в расположенных по рекам, притокам Великого пути, погостах и весях. Кроме этих экономических причин были и другие: Новгородцы плохо мирились с назначаемыми к ним из Киева воеводами-посадниками. Им хотелось иметь своего князя, хотя бы и подручного Киевскому, в особенности, если этот князь вырос у них, среди обычаев новгородской вольницы. Посадить этого князя в Киеве, на всем Великом пути, было еще приятнее. Поход Севера на Юг мы уже видели при Вещем Олеге. Увидим его и еще не раз в истории Руси. Но в этот раз и еще два обстоятельства были на лицо: во Владимире с Добрыней население видело, быть может, своих людей, по крови и вере. А в Киеве сидел представитель новых взглядов и нового, греческого мирозерцания. Христианские симпатии росли, как мы уже говорили, среди киевской интеллигенции того времени. И греки и римский папа посылали к Ярополку своих послов. Жена Ярополка, вывезенная для него Святославом из Греции пленная монахиня – гречанка необычайной красоты, тоже служила, вероятно, торжеству веры Христовой. Если Ярополк и не принял крещения, то, по свидетельству летописи, только из опасения возмущения простонародья. Тем охотнее последнее должно было поддержать Владимира с Добрыней.

В предстоящей борьбе большое значение имело лежавшее на «Великомъ пути» княжество Полотское. Здесь княжил варяг Рогвольд, чуждый семье Рюриковичей. Иметь его своим союзником было

важно и Новгороду, и Киеву: движение войск по Днепру мимо Полотской земли было бы слишком рискованным без этого союза.

Киевляне первые оценили это: они послали к Рогвольду сватать его дочь Рогнеду за Ярополка. Узнав об этом, Новгород поспешил сделать то же для своего князя: «Володимеру... дѣтську суццу еще и погану... и бѣ у него Добрыня воевода,.. и съ (т.е. сей) посла къ Рогвольду и проси у него дщери за Володимера».

Ответ пришел оскорбительный: «не хочу я за робичича», ответила Рогнеда. Слова эти особенно оскорбляли Добрыню: ведь он был братом этой «рабы». И... «пожалился Добрыня и исполнися ярости»... Новгородское войско поспешило к Полотску и захватило его со всей княжеской семьей. Добрыня жестоко отомстил: он «поноси ему (Рогвольду) и дщери его, нарекъ ей робичица и повелѣ Володимеру быти съ нею предѣ отцемъ ея и матерью». Отец и братья ее были затем убиты. Жестокая картина! Но несомненно, что не Владимирова воля руководила в этих событиях...

После разгрома Полотска, войско Владимира, состоящее из наемных варягов, новгородцев, чуди и кривичей, пошло на Киев и осадило его. Ярополк с Блудом затворились в городе. Тогда Добрыня, именем Владимира, вступил в тайные сношения с Блудом и убедил его изменить Ярополку и предать его брату. Блуд согласился и убедил Ярополка уйти из Киева, жители которого будто бы ненадежны. Они оба с малой дружиной бежали в небольшую крепостцу Родню на реке Роси. Владимир осадил их и здесь. Тогда Блуд уговорил Ярополка сдаться, пойти в стан брата и сказать ему: «Что мнѣ дашь, то и возьму» (т.е. удовольствуюсь любой властью, какую ты на-

значишь). Хотя некий Варяжко и убеждал Ярополка не ходить, – «не ходи, князь, убьют!» – а бежать к Печенегам, но 20-летний князь ему не поверил, пошел в Владимиру и был убит поставленными для этого в дверях терема двумя варягами (980 г.).

II.

Владимир, 17-летний юноша, стал единовластным князем на всей Русской земле. Это была и победа мысли о единстве государства, и победа консервативного язычества над нарождавшимся христианским течением: победило здоровое государственное начало, заложенное в восточных славянах их многовековой борьбой с азиатами, а, одновременно, и темнота народной массы... Последнее быть может для того, чтобы, по воле Божией, менее чем через 10 лет, дать полную и яркую победу Свету...

Но это предстояло в будущем. В 980 же году князь Владимир явился главой торжествующего язычества. Поэтому понятно, что, победив оружием, он должен был стремиться одержать над христианством и духовную победу. И вот в Киеве, и в Новгороде ставятся идолы и заводится идолослужение. Появляются жрецы и жертвоприношения.

В Киеве, на холме, воздвигаются кумиры богов: Перуна, бога грома и молнии, Хорса, Даждь-бога (солнца), Стрибога. Перун воздвигнут из дерева, с серебряной головой и золотыми усами.

Все это ново в религии восточных славян. Славянство вообще, кроме поморян, не знало жречества и идолослужений. Глава семьи и рода совершал моления божествам – силам природы и душам предков – и хранил неприкосновенность религиозных обрядов. Владимир вводил новшества. Язычникам хоте-

лось дать вере отцов ту внешнюю силу и обрядность, которыми вера христианская столь превосходила, при первом же с ней соприкосновении, примитивные верования и обряды язычников.

В это время Владимир Святославич является вождем воинствующего язычества. Этого требовала от него политическая обстановка. Но кто знает, что происходило у него в душе?

Руководимый язычником Добрыней, которому, после великих успехов последних лет, не мог не доверять, юный Владимир естественно поддался обаянию власти, могущества, богатства и роскоши Киевского двора. Действительно, за 2 года стать в 17-летнем возрасте из мальчика-эмигранта повелителем огромной страны, от Балтийского моря до Черного, победителем могучих князей Рогвольда и Ярополка, обладателем многочисленных теремов и богатств, народным героем, победившим иноземное влияние, – это ли не обстановка, в которой юноша может увлечься своим счастьем и дать волю страстям? К двум своим женам, Олове и Рогнеде, он присоединяет и красавицу, вдову Ярополка. От этих жен у него вскоре родится по сыну: от Оловы – Вышеслав, от Рогнеды – Изяслав, от несчастной вдовы брата – Святополк, уже в самом рождении которого лежит как бы печать его будущих злодеяний. Чешская княжна Мальфреда и еще одна чешка становятся его 4-ой и 5-ой женами. Огромные гаремы появляются в местах его княжеских резиденций: по 200-300 женщин живет у него в теремах в Белгороде, Вышгороде и Берестове. Но и это не удовлетворяет его женолюбия...

Наряду с теремною жизнью, князь любит пиры и веселье с дружиной. Широко льется вино и громко славят князя гуслиры...

Не мало знает история примеров, когда молодые государи, подпадая таким же искушениям, погибали духовно и физически среди роскоши и разврата. Стоит только вспомнить франкских королей-Меровингов! Не то же ли будет и с Владимиром?

Оказывается не то: он не забывает великой национальной задачи, усвоенной им в Новгороде, – единства государства. Славянские земли, подвластные его предкам вне Великого пути, успели отпасть за время смуты. С юга грозят Киеву печенеги, которых не раз наводил на Русь упомянутый нами Варяжко. С запада начинают нападать родственные Литве ятвяги. И сами ляхи захватили значительную часть земель волынян, бужан и белохорватов – племен восточно-славянских.

И молодой князь не дает себе изнежиться в киевской роскоши. Почти непрерывно, один за другим, следуют его победоносные походы. Кратко говорит о них, летопись, но, вглядываясь на карту, мы с изумлением видим энергию Владимира, теперь уже лично его, ибо дядя Добрыня сидит в эти годы посадником в Новгороде и лишь в болгарском походе сопутствует князю.

В 981 г. идет Владимир на ляхов, берет Перемышль (на р. Сане), Червен за Зап. Бугом и другие города, дойдя таким образом до долины р. Сана, т.е. до западного рубежа расселения восточных славян, в это время усваивающих название русских. С этого западного рубежа он идет на рубеж восточный и снова подчиняет Киеву вятичей. В 982 г. приходится ему снова идти на вятичей и окончательно их замирить. В 983 г. Владимир идет на ятвягов за Неманом и подчиняет себе их землю. В 984 г. – новый поход – на радимичей на р. Соже, и их окончательное подчинение Руси. В 985 г. – поход на бол-

гар. Князь имеет успех, но, по совету Добрыни, решает не делать здесь завоеваний, а лишь заключить прочный мир.

Следующие два года (986-987) посвящены Владимиром, по летописи, исканию лучшей веры, а в 988 году он крестит Русь.

Что же побудило вождя язычества принять христианство? К сожалению мы не знаем этого и должны основываться лишь на догадках. Одно несомненно: это был не поступок правителя, руководившего лишь политическими соображениями, но дело человека, убежденно принявшего новую веру. Поэтому духовный процесс, приведший Владимира ко Христу, нам рисуется так. Христианские начала уже с детства таились в душе князя. Несколько лет разгульной, вполне языческой жизни не только разожгло в нем чувственность, но сделало и обратное – стало пробуждать в нем совесть и искание более высокого и чистого. Он был, думается нам, действительным сыном народа своей матери. Как часто у русских людей глубокие падения сменяются взлетами духа на горные высоты! Поражая современников своим разгулом, он начинал в то же время искать тех высот духа, о которых большинство его окружавших не имело и понятия. В христиански же настроенном меньшинстве он, конечно, мог найти в этом поддержку и сочувствие.

Все же, для решительного поворота в сторону христианства требовалось в его жизни, да и в жизни киевского общества, какое-либо крупное, поражающее событие.

Не была ли таким событием попытка человеческого жертвоприношения при возвращении Владимира из победоносного похода на ятвягов в 983 году? Летописец почти через 100 лет с такими подробно-

стями описывает эту мрачную страницу киевской жизни, что чувствуется сознание им важности ее последствий.

Владимир, с похода, является к идолам вознести обычное благодарение. Не он, но «боляре и старцы» требуют невиданного новшества: бросить жребий на юношей и девиц, и на кого падет он, того «зарѣзать богамъ». Жребий пал на сына дружинника варяга, христианина. Отец не выдал сына, но, защищаясь от толпы на высоком крыльце своего дома, погиб вместе с ним, успев в пламенной речи понести языческих кумиров и восхвалить Единого Творца вселенной.

Что случай этот повлиял глубоко на Владимира и не был забыт им, доказывает то обстоятельство, что, после крещения, каменный соборный храм во имя Богородицы, так называемую «Десятинную» церковь, Владимир воздвиг именно на месте гибели этих первых киевских мучеников за веру Христову.

Вскоре после этого случая, а может быть и несколько ранее, душевные настроения Владимира проявились и по другому поводу – в столкновении его с княгиней Рогнедой.

Дочь Рогвольда, оскорбленная, опозоренная, осиротевшая, ставшая лишь по имени женою ненавистного мальчика-князя, была им скоро забыта. Она взращивала рожденного от него сына, мучимая чувством мести, ревностью и оскорбленным самолюбием. И когда однажды, случайно, он ее посетил и у нее заснул, она решилась на мужеубийство. К счастью Владимир проснулся во-время и удержал занесенную над ним руку с ножом. Мужеубийство и у норманнов, и у славян влекло неминуемо смерть для виновной. Княгиню же, по норманской традиции, мог казнить только сам князь. И Владимир приказывает Рогнеде одеть княжеское платье, сесть на бога-

той постели и ждать его. Но когда он вошел с мечем в руке, его встретил наученный матерью маленький, 4-5-летний Изяслав, став, тоже с мечем, на защиту матери. И грозный язычник не посмел свершить то, что повелевала ему норманская честь. Он растерянно говорит: «А кто жъ тебя зналь, что ты здѣсь?!» Бросает меч и идет собирать бояр и просит их совета. А бояре (может быть, христиане) советуют простить жену и даже вернуть ей и Изяславу землю Рогвольда. Мало того, мы видим Рогнеду опять в чести. От нее у Владимира родится еще три сына и две дочери, в том числе Ярослав, родоначальник всей последующей династии Рюриковичей.

Надо думать, что уже с 983 года Владимир задумал переменить веру. Едва ли для него могло явиться вопросом, на какую другую веру сменить язычество. Воспоминания детства, общее почитание памяти княгини Ольги, христиане среди княжеской дружины и в населении Киева – все это должно было говорить о христианстве, и притом о христианстве восточном.

По рассказу летописи, в 987-м году к нему идут проповедники разных вер, вероятно не без его желания: надо было подготовить народ к мысли о крещении, надо было внушить ему, что выбор новой веры сделан не по капризу князя, а после внимательного изучения вопроса. Владимир выслушивает проповедников, разносятся рассказы об ответах им князя. Послам магометан, камских болгар, он ответил почти озорно, по поводу того, что их учение запрещает вино: «Руси есть веселіе пити и не можемъ безъ того быти». Иудеев-хазар он спросил, где их земля, и узнав, что земля их, Палестина, за грехи их предков разорена и у них отнята, ответил: «какъ же вы другихъ учите, сами отверженные Богомъ и расточен-

ные?». Послы папы проповедовали ему учение Христово не без хитрости: зная любовь князя к пирам, они требовали «поста по силѣ: если кто пьетъ и ѣсть – то все во славу Божию». Владимир же ответил им кратко: «уходите, отцы наши этого не пріяли». Между тем, совсем иной прием был сделан греческому проповеднику. Владимир пожелал выслушать в подробностях его учение. Задавал вопросы. Одобрил и щедро одарил. Но на предложение креститься ответил: «подожду и еще мало».

Затем князь собрал у себя не только дружину (бояр), но и «старцевъ градскихъ», и рассказал им о бывших у него проповедниках и, в особенности, о греке философе, и спросил их совета. Они посоветовали послать своих людей и исследовать все веры у них на местах. И было послано 10 «добрыхъ и смысленныхъ мужей». По их возвращении, Владимир снова собрал дружину и старцев и приказал послам рассказать о виденном. Послы очень не хвалили веру магометанскую, о западном обряде (у немцев) выразились так: «видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяще, а красоты не видѣхомъ никоея же». Зато греческое богослужение в Царьграде произвело на них огромное впечатление: «и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли».

И собрание сказало князю: «если бы плохъ былъ законъ греческій, то бабка твоя Ольга не приняла бы его; она же была мудрѣ всѣхъ человекъ». Владимир спросил: «гдѣ крещеніе примемъ?». Они же ответили: «гдѣ ти любо».

Все это летописное сказание ясно говорит, что для Владимира и старцев вопрос был уже предрешен. Придавалась его решению только торжественная и убедительная форма, в согласии с жителями Киева.

Но что означает вопрос, «гдѣ примемъ креще-

ніе?». Он обращен несомненно к дружине. Ответ: «гдѣ ти любо» есть полномочие князю самому решить. Занесение этого в летопись подчеркивает важность вопроса. И действительно, он был важен. Здесь мы от чисто религиозной стороны великого дела переходим к государственным соображениям.

Для многих народов Средневековья принятие христианства знаменовало собою не только признание Единого Бога, но и потерю политической независимости. Так, саксы подпали под власть франков, Чехия стала частью Германской империи, сербы на долгое время попали в зависимость от Византии, пруссы и Ливы (двумя веками позже) – совсем потеряли свою свободу. Тоже могло грозить и Руси. Вот почему Владимир медлит, чего то ждет... «Подожду еще немного», говорит он по летописному свидетельству. Нельзя спешить с великим делом духовного перерождения. Надо совершить его так, чтобы оно было действительно великим праздником духа, и не ознаменовалось узами рабства и народного унижения.

В 987 г. обстоятельства стали складываться в пользу Руси. Тогда-то Владимир предпринимает описанные выше шаги к принятию киевлянами вместе с ним окончательного решения. Но где и когда – это уже дело политика.

В это время в Византии (в Мал. Азии) было большое и опасное для царствовавшей династии восстание Варды Фоки. Императоры Константин IX и Василий II (первый ничтожный, второй – в будущем знаменитый Василий Болгаробойца) просили помощи Киевского князя. Владимир послал своих воевод в Малую Азию, с 6000-м отрядом варягов под условием своего брака с сестрой императоров, царевной Анной. Мятеж Варды Фоки был подавлен, но от исполнения условия греки отказались («суть бо Греци

льстиви даже до сего дни»). В этих обстоятельствах Владимир решил добиваться руки царевны Анны и связанного с этим браком крещения, вооруженной рукой. Он двинулся в Крым, осадил и взял греческий Корсунь (Херсонес). Отсюда, как победитель, он потребовал брака с царевной. Он приходил не как скромный проситель, мелкий варварский князек, а как могущественный государь, грозно требующий обещанного. В этих условиях для Руси не было опасности политической. Мало того, за Русью должно было быть признано и закреплено ее место среди государств Европы.

Брак с Анной был, конечно, желателен Владимиру из соображений политических. В описываемое время в Европе было две великих державы: Империя Восточная и недавно (в 962 году) возрожденная Империя Западная. Императоров этих империй – Константина IX и Василия II на Востоке и Оттона II на Западе – связывали родственные узы: сестра первых, знаменитая красавица и образованнейшая женщина своего времени, Феофано, была супругой последнего. Ее младшая сестра Анна становилась великой княгиней Киевской. Владимир становился зятем императоров и Востока и Запада, т.е., по средневековым воззрениям, – им равным. Русь входила в число великих держав и в ранг царств. Замысел Владимира Святославича осуществился. Он дал своему народу, народу своей матери и дяди, веру истинную, он сам совершил великое апостольское дело, и в то же время он возвел государство свое на имперскую высоту! Но не было ли последнее простым временным успехом грубой силы, вроде готских и лангобардских нашествий и их успехов на развалинах Римских империй? Нет! И Византия Василия II и Римская империя Оттонов были действительно сильнейшими держава-

ми Европы, а кроме них и молодого Русского государства не было в Европе того времени сильных держав: Англия изнывала в борьбе с норманнами и вскоре попала под власть датчан, Франция раздиралась смутами и ее возвышение начинается только после утверждения династии Капетингов (избрание на престол Гуго Капета 987). Даже и арабский халифат начинал разваливаться...

Успехи ставшего Равноапостольным великого князя Владимира были поистине изумительны.

И не лишнее вспомнить при этом, что ему в это время было только 25 лет.

III.

Крещение и брак князя Владимира летописец описывает так:

По взятии Корсуня послал Владимир к царям Василию и Константину сказать им: «Славный вашъ городъ я взялъ и слышу, что у васъ сестра – дѣвица. Если не выдадите ее за меня, то и съ вашимъ городомъ сдѣлаю то же, что сдѣлалъ съ этимъ». Цари ответили: «Не достоинъ христіанамъ выдавать дѣвицъ за язычниковъ. Если крестишься, то и это получишь, и царство небесное примешь, и съ нами единовѣрникъ будешь»... Владимир сказал царским посланцам: «скажите царямъ, что я крещусь, что я раньше уже испыталъ законъ вашъ и люба мнѣ ваша вѣра и служеніе, о которомъ мнѣ рассказали посланные нами мужи». И опять ответили цари: «Крестись и тогда пошлемъ сестру нашу къ тебѣ». Но Владимир не уступил: «Пусть пришедшіе съ сестрою вашею крестятъ меня».

Царевна Анна не хотела идти: «Точно въ плѣнъ иду. Лучше бы мнѣ здѣсь умереть». Но братья на-

стояли, боясь «лютыя рати». «Цѣловавъ, рыдая, своихъ родственниковъ, она сѣла въ корабль и пошла за море. Прибыла въ Корсунь, и вышли Корсуняне съ дарами и ввели ее въ городъ и посадили въ палатѣ».

Между тем Владимир, по преданию, заболел болезнью глаз и потерял зрение. Царевна послала к нему сказать, что он исцелится, если крестится. Таинство св. крещения совершал епископ Корсунский со священниками, прибывшими с царевной; и прозрел Владимир и прославил Бога истинного. По совершении крещения тотчас состоялось его бракосочетание с царевной.

«Крести же ся въ церкви святого Василья, и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне». И сейчас же дальше: «Палата же Володимира съ края церкви стоитъ и до сего дня, а царицына палата за олтаремъ» . . .

Летописец заканчивает это описание словами:

«*Се же несвѣдуще право*, глаголють, яко крестился есть въ Кіевѣ, иніи же рѣша: въ Василевѣ; друзіи же инако скажуть», т.е. «не зная об этом как следует, говорят, что он крестился в Киеве, иные же сказали, что – в Василеве, другие же рассказывают и еще иначе».¹

После крещения Владимир поставил в Корсунѣ, на горе среди города, церковь, стоявшую еще и во времена летописца,² и с «царицей» (т.е. с вел. кн. Анной Романовной,³ священниками корсунскими, с мощами святых Климента и Фифа, церковными сосудами и иконами, взятыми им себе в благословение, направился в Киев. С собою он взял две медных статуи и четыре медных коня (т.е. произведения византийского искусства). Кони эти во время лето-

писца еще стояли в Киеве на площади за храмом Пресвятой Богородицы (Десятинною церковью) и, повидимому, составляли гордость киевлян.

Корсунь же Владимир вернул императорам, как «вѣно» за жену.

С пути Владимир послал своим языческим женам (водимым), уведомление о своем крещении и христианском браке и что ему ныне подобает иметь только одну жену, ту, с которою он венчан в христианстве.⁴

Владимир прибыл в Киев, крестил своих сыновей; священники и сам он начали проповедь на улицах Киева... Летописец пишет, что он «повелѣлъ ниспровергнуть идоловъ, ихъ изрубить и предать огню. А Перуна привязать къ хвосту коня и тащить съ горы по Боричеву на Ручей. И приставилъ 12 людей бить его палками. Но это не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе діаволу»...

«Послѣ этого Владиміръ послалъ по всему городу говорить: 'Если кто, богатый или бѣдный, нищій или рабъ, не окажется завтра на рѣкѣ, тотъ будетъ противъ меня'. Слыша это, люди съ радостью шли, радуясь и говоря: 'если бы это не было хорошимъ, то князь и бояре не приняли бы этого'. И утромъ вышелъ Владиміръ съ священниками царицыными и корсунскими на Днѣпръ. И собралось людей безъ числа: вошли въ воду и стояли, одни по шею, другіе по грудь, дѣти же у берега, другіе же держали дѣтей; уже крестившіеся ходили (около нихъ), а священники, стоя, творили молитвы. И надо было видѣть радость на небесахъ и на землѣ о спасеніи столькихъ душъ... Когда же люди были окрещены, каждый пошелъ въ домъ свой. Владиміръ же, радуясь, что позналъ Бога самъ и люди его, взирая на небо, воскликнулъ: 'Боже, сотворившій небо и землю!

Взгляни на новыхъ людей этихъ и дай имъ, Господи, познать Тебя, истинного Бога, какъ познали Тебя страны христіанскія; утверди въ нихъ вѣру истинную и несовертатимую и мнѣ помоги, Господи, на супротитнаго врага, чтобы я побѣдилъ его, надѣясь на Тебя и державу Твою! И сказавъ это, повелѣлъ рубить церкви и ставить на мѣста, гдѣ стояли идолы; и поставилъ церковь святого Василя, гдѣ прежде стоялъ Перунъ и прочіе (идолы) и гдѣ князь и народъ приносили жертвы; и началъ ставить по городамъ церкви и священниковъ и приводить къ Крещенію людей по всѣмъ городамъ и селамъ» . . .

Такъ началось великое дело равноапостольнаго князя.

IV.

По многочисленнымъ и не подлежащимъ сомнению сведениямъ, святое крещеніе совершило решительный переломъ въ душе Владимира, этого великаго святильника веры православной, лишь немногіе годы своей ранней юности проведеннаго въ разгуле страстей, но и тогда не терявшего мягкости душевной, а, можетъ быть, и стремления къ познанию божественной истины.

Имея возможность лишь совсемъ вкратце охарактеризовать ближайшую после 988 г. эпоху, я прежде всего отмечу, что было бы совершенно невероятно, если бы все огромное наше государство стало вполне христіанской страной за первые же четверть века после крещенія князя, дружины и киевлян, имея въ виду, что и въ Кіеве крестились не все, и не все крестившіеся сделали это сознательно и охотно. Все же успехи молодой Русской Церкви были поразительны. Въ первые же три года вера Христова восторжество-

вала по всему «Великому пути изъ Варягъ въ Греки», протянулась много далее на восток – в Ростово-Суздальские земли. Однако после этого на севере началась языческая реакция, а в Новгороде потребовалось даже вооруженное вмешательство.

Об этом единственном, занесенном в летопись случае применения силы мы расскажем подробнее. Первый митрополит киевский грек Михаил, с Добрыней, прошел по всему Великому водному пути. Далее, через Белоозеро и Шексну он спустился в Волгу и крестил народ до самого Ростова. Крестились при этом далеко не все. Даже идолы в Новгороде остались. По смерти митрополита Михаила (991), второй киевский митрополит Леон поставил епископом новгородским корсунянина Иоакима, который и отправился в Новгород, где язычество по видимому опять взяло верх. Можно думать, что Иоаким, опять с Добрыней, подошел к Новгороду из Ростова и вошел в Торговую сторону, где, проповедуя, за день окрестил несколько сот человек. Новгородцы с западного берега реки разметали однако мост на Волхове, выставили пороки (камнеметные машины) и вышли с оружием. Добрыня пытался уговорить их ласковыми словами, но это не помогло. Во главе их стали: жрец Богумил Соловей (Соловей-Разбойник былин?) и посадник Угоняй. Они разбили новгородский дом Добрыни, убили его жену и родных и разрушили церковь Преображения. Тогда тысяцкий Путята с небольшим отрядом переправился на лодках через Волхов и, войдя незаметно в город, захватил Угоняя. Проснувшиеся язычники, числом до пяти тысяч, окружили Путяту и началась злая сеча. Однако на рассвете переправился Добрыня с остальным войском и поджег несколько домов на окраине города. Языческая толпа бросилась тушить

пожар, отряд Путяты был спасен и сопротивление вообще прекратилось. Несмотря на слезы и мольбы, Добрыня сокрушил идолов и приказал народу креститься. «Посадникъ Воробей, сынъ Стояновъ, воспитанный при Владимірѣ, человекъ краснорѣчивый, пошелъ на торгъ и сильнѣе всѣхъ уговаривалъ народъ; многіе пошли къ рѣкѣ сами собой, а кто не хотѣлъ, тѣхъ воины тащили; и крестились: мужчины выше моста, а женщины ниже... Разметанную церковь Преображенія построили снова. Окончивъ это дѣло, Путята пошелъ въ Кіевъ; вотъ почему есть бранная для Новгородцевъ пословица: 'Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ'» (С. Соловьев, по Иоакимовской летописи).

Я остановился на этом моменте потому, что ходячим хулением Владимирова дела является представление, будто бы дело это вершилось насиліем. Да, вышеописанный случай приведен в летописи.⁵ Но так ли он ужасен по существу? Кроме того насиліе применено здесь для подавления бунта и прекращения убійств, а не ради самого крещения.

Для сравнения приведем пример крещения Карлом Великим саксов. За 30 лет совершает он 20 походов в землю саксов, устанавливает для них специальные законы («Саксонскій капитулярій»), определяя смертную казнь в 11 случаях, в том числе за отказ от крещения и за нарушение Великого поста. Когда все это не помогает – он казнит саксов массами и выселяет почти все племя.

Иначе было на Руси. Крещение народа в Ростово-Суздальской земле ведется, повидимому, уже прямо подвижническим путем: два первых ростовских епископа, Феодор и Иларион смиренно покидают город, изгоняемые язычниками: третий, св. Леонтий, ограничивает свою деятельность пропо-

ведью только среди молодежи, но все-таки гибнет мученической смертью.

Вообще, уместно отметить, что на Руси именно молодежь охотнее, а иногда даже пламенно, отзывалась на проповедь Христова учения и стремилась к «поучению книжному» (напр. святой Фодосій).

Сам св. Владимир «не хотел, кажется, принуждать совести, но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: он старался просветить христиан» (Карамзин). «Владимир повелел брать детей знатных, средних и убогих, раздавая по церквам . . . в учение книжное» (Татищев).

Лично св. Владимир ходил в 992 г. с епископами на юго-запад и запад от Киева, учил и крестил людей. В земле Червенской (на Волыни) он основал новый город, Володимерь, назвав его своим именем и построил там деревянную церковь. Но не в этой пламенной работе по распространению веры лежали главнейшие особенности достижений св. Владимира и его сотрудников. Эту чисто церковную деятельность мы видим во всех странах, принявших веру Христову. Интересно и чрезвычайно важно для дальнейшей жизни нашего народа то, что с самых первых дней существования молодой Церкви дух Христова учения и авторитет церковный стали проникать во все стороны государственной и народной жизни. Как при св. Владимире, так и в последующие века Церковь и Государство шли рука об руку на Руси. И не было при этом в киевские времена даже попыток подчинения одной из этих сил другою. А между тем, именно в это время (XI и XII века) на Западе идет борьба за власть пап и императоров в самой жестокой форме. У нас же Церковь старалась убедить князя, что он «поставленъ отъ Бога», она хотела видеть его власть сильною и самодержавною,

по образцу Византии. Великий князь Киевский, как позже и вел. князь Московский, видит в церкви ту силу духовную и нравственную, которая неизменно стоит на высоте своего служения Богу и истине. Эта сила поддержит его в минуту колебаний, остановит и осудит, если он отступит от Правды. Эта сила всегда ясно и отчетливо укажет и ему, и всему народу русскому твердый государственный путь к истинному благу «Русской Земли». В этом воззрении нет однако политического подчинения себя Церкви. Есть только преклонение перед ее нравственным авторитетом и убеждение, что ее советы чисты и разумны, а содействие государственному делу несомненно. Церковь Русская с первых дней своего существования становится силою национальной, государственной.

С людьми церковными (митрополитом и епископами) советуется Владимир и о делах государственного правления: об «уставѣ земскомѣ» и других разнообразных вопросах управления. Иногда Церковь становится при этом именно на точку зрения государственных интересов. Так, например, в период крещения Руси развилось в стране разбойничество. У Славян не было смертной казни, были «виры» – денежный штраф. Епископы-греки привыкли к жестоким законам Византии и они говорили князю: «Разбойники умножились, зачѣмъ не казнишь ихъ?» Владимир отвечал: «Боюсь грѣха». Епископы возразили на это: «Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе; тебѣ должно казнить разбойниковъ, только разобравъ дѣло» (С. Соловьев).

И Владимир стал казнить смертью, отвергнув виры, что, повидимому, явилось значительным ущербом в доходах казны, ибо вскоре епископы сказали: «Рать (война) сильная теперь; если придетъ вира, то пусть пойдетъ на оружіе и коней». Владимир отве-

чал: «Пусть будет такъ» и стал жить «по обычаю отню и дѣдно», т.е. по отцовским и дедовским обычаям, взыскивая с преступников лишь денежный штраф.

Этот факт очень интересен. Здесь видим мы и участие Церкви в делах государственных, и нравственную заботу о совести князя, и – что для нас особенно ценно – случай столкновения двух культур, древне-славянской и византийской, в понимании ими одного и того же вопроса. Авторитет Церкви заставляет Владимира сначала уступить, пойти по новому, но затем сама Церковь признает славянский обычай лучшим и советует князю вернуться к нему. Так «притирались» две культуры, вырабатывая те русские начала, на которых состоялось дальнейшее бытие нашего народа. . .

Возвращаемся к прежней мысли: Русская Церковь стала силой государственной. Но эта сила имеет лишь авторитет, а не власть и средства принуждения. Это сотрудничество Церкви и Государства является, быть может, интереснейшим явлением многих веков жизни Руси. Много мрачных картин видела Русь за это время, много неправды, злобы и преступлений. Скажем даже больше: бывали времена, когда среди тьмы княжеских котор и «крамол» лишь отдельными светочами светлели Люди Правды. . . Но идеал продолжал жить, постепенно развивался, единый и для Церкви, и для князей, и для всей толщи народной: страх Божий, покаяние и милостыня, братолюбие и Правда. Быть может мне скажут, что это общий идеал человечества. Нет. Это неверно. У ряда народов Европы, народов христианских, идеалы были и есть другие – экономические, мирового господства, гордости и недопущения самоосуждения. Вместо Правды Божественной, внутреннего голоса совести

– холодное право, вместо страха Божия – «гражданский» идеал, освобожденный от религиозных «предрассудков», мораль, да и то условная, в идеале частной жизни, но отрицание ее в управлении государством, не говоря уже о политике внешней.

На Западе эти идеалы захватили даже и Церковь, направив ее на путь земного властвования и даже признания принципа: «цель оправдывает средства». На Руси Церковь не омирщилась, а мир, при всей его грешности, усвоил, развил и принял в глубину души православный, церковный идеал.

Однако вернемся к св. Владимиру. 26 лет его христианского правления (после 9 лет языческого) были полны, во-первых, его апостольским служением, во-вторых, работой над национальным объединением своего государства, в-третьих, – борьбой со степными кочевниками.

Об апостольском служении уже сказано. В развитие его Владимир созидал новые и новые храмы на местах прежних языческих молений, на местах своих побед при защите Земли от «поганыхъ». Освящение храмов совершалось в исключительно торжественной обстановке, делавшей эти христианские торжества одновременно и торжествами национальными. При храмах и в быстро и в большом числе возникших монастырях образовались свои, церковные общества, свои земельные и иные хозяйства, начавшие жить по уставам Церкви византийской. Здесь ознакомились русские люди с новыми, им неизвестными формами быта, иными хозяйственными порядками, иными взаимоотношениями между людьми и, главное, – иной, более высокой духовной и материальной

культурой, основанной на тысячелетнем опыте православной Византийской Империи. Этот процесс шел уже совсем без давления власти – его создавали народные силы. Вновь усваиваемая культура не заменяла прежнюю, но лишь дополняла и очищала ее.

Национально объединительная деятельность св. Владимира выразилась в двух направлениях – 1) политического объединения всей восточной группы славянских племен и 2) культурного их слияния в один русский народ. В первом смысле Владимир упорно работал и до принятия христианства. Мы уже перечисляли его походы 981-987 годов. И после крещения эта его деятельность продолжалась.

В 990-992 годах ведет он войну с польским князем Мечиславом и продолжает ее с его сыном Болеславом Храбрым. Результатом похода на поляков является блестящая победа русских за Вислой (у Кракова) и закрепление за Русью долины р. Сана, а может быть и южных скатов Карпатских гор, т.е. всего юго-западного рубежа, за который Владимир воевал еще в 981 году. В 994 и 997 годах совершает он походы на Болгар Дунайских (по просьбе Византии) и на Болгар Волжских: закрепляются русские рубежи на юге и востоке. Устанавливается порядок русской торговли на Волге (окончательный торговый договор с Волжскими Болгарами в 1006 году).

Можно считать, что к 1000 году вся территория, заселенная Восточными Славянами, была прочно объединена Владимиром в единую *Русскую Землю*. Но мало было объединить эту землю под единой властью, – надо было вдохнуть сознание единства в души столь отдаленных друг от друга племен, как хорваты на Сане и вятичи в Приокских и Муромских лесах. Надо было создать в них мысль и о самом единстве управления, ибо, как я уже говорил, до

Владимира княжеская власть ограничивала свою деятельность обороной страны, внешней торговлей и сбором дани.

И здесь молодая Русская Церковь явилась для Руси мощной основой не только церковного и культурного ее единства. И вятич и новгородец и житель Карпат, приходя в обычный для него день на место прежних языческих молений, слышал ныне уже христианские моления и поминовение митрополита Киевского и *всая Руси*. Уже в этом он чувствовал свою связь с центром государства и слышал единое для Киева и для себя слово «Русь», слышал и усвоил прежде всего. Не даром в нынешней Галиции и Закарпатской Руси население, именуемое немцами «Рутены» (по-латыни *Ruthenus* – Русский), называет себя «Русин» (старинная и совершенно правильная форма образования имени существительного Русин, людин, а не принятого нами ныне прилагательного Русский) и почти каждую хату украшает картинкой «крещения Руси в Киевъ». Дальнейшее дело сближения удаленных друг от друга восточно-славянских племен лежало уже на князе. И мы видим, что Владимир развивает это дело способом, более отвечающим столь поражавшему иностранцев славянскому гостеприимству. Он действует в двух направлениях: объединение вокруг себя киевлян и объединение всей, раскинувшейся на 2000 верст Руси. Первое осуществляется на чисто христианских началах: князь в воскресные и праздничные дни всех зовет на трапезу в свой княжеский терем и на свой княжеский двор, даже если он сам и в отъезде. Ставятся три трапезы: одна – духовенству, другая – нищим, третья – князю и боярам. Особенно заботится он о нищих и убогих; не только приказывает им всем идти на княжеский двор, где кроме еды и питья раздают им и деньги, но, говорит

он, «дряхлые и больные не могут доходить до моего двора», поэтому он организует доставку им в их жилища, помощью особо построенного обоза, хлеба, мяса, рыбы, овощей, меда в бочках и кваса.

Здесь видим мы снова соединение старых, языческих, и новых, христианских начал. Гостеприимство и пиры своей юности Владимир переносит на почву христианского подвижничества. «Блажени милостивіи»; «имѣніа ваши... дадите нищимъ»; «блаженъ мужъ милуя и дая» – слова эти, по свидетельству летописца, руководили после крещения князем-христианином, первым организатором «правительственной помощи безработным», сказали бы мы теперь.

И вся эта масса киевлян, собравшихся на княжескую трапезу, видела князя, слышала его речи, проникалась его идеями, ширила их...

А наряду с этим, он устраивал торжества и на всю Русь, собирая на празднества церковные и национальные лучших людей со всей земли. Так, празднуя освящение нового храма в Василеве (близ Киева) и вместе с тем – избавление Руси от печенегов, он созывает на день Преображения «бояръ, посадниковъ, старшинъ *изо всѣхъ городовъ*, всякихъ людей множество», велит сварить 300 варь меду, раздаст 300 гривен, празднует 8 дней, а затем возвращается в Киев, где празднует Успенъев день, созвав бесчисленное множество народа. Нет никакого сомнения, что в этом описании идет речь об огромнейшем съезде со всей Руси, съезде, имевшем чрезвычайное национальное и культурное значение. Чего не перевидали съехавшиеся в Василев за эти 8 дней! Каких речей не переслушали они от князя и его сотрудников! Самый факт массового объединения за богослужением, трапезой и общим праздником побе-

ды христианства над язычеством и победы Руси над злыми кочевниками должен дать неизгладимые впечатления людям, лишь начинавшим сознавать свое единство и свою национальную мощь.

Что они в Василеве и в других случаях таких собраний получили сильнейшие впечатления, доказывает факт закрепления св. князя Владимира в памяти народной именно как ласкового хозяина, Красного Солнышка, пирующего со своими богатырями и каждым гостем, к нему приходящим. Народ русский понял значение этих пиров, их роль в создании государства и культуры . . .

Потомство XIX века готово было оценивать их иначе: «Руси есть веселіе пити . . .» Рационалистическое всеотрицание этой эпохи, все нивелирующее и все подгоняющее под серую и скучную будто бы «разумную», а на деле же лишенную духа и красоты мерку, не могло понять и оценить деяний Красного Солнышка . . .

XX век возрождает какие-то иные понятия и иные приемы. Но многим и доселе непонятно, какую пользу приносили, напр., Югославии созывы со всего Королевства крестьян во дворец короля Александра; непонятно значение нынешних массовых съездов славян-националистов, называющихся сокольскими слетами.

Но св. Владимир понимал, что великие достижения народного духа рождаются в общих массовых напряжениях чувства и воли лучших людей . . .

Последним великим делом св. Владимира мы поставим его славную *борьбу со степными кочевниками – печенегами*, «жесточайшими изъ язычниковъ», по свидетельству епископа миссионера Бруно. Этот страшный враг Русской Земли постоянно нападал и жестоко разорял русские волости, лежавшие на гра-

ницах «поля» (степей). Летопись отмечает целый ряд больших печенежских набегов: в 990, 992, 995, 997 гг., а в 1013 г. печенеги нападают на Владимира в союзе с поляками.

Владимир укрепил бесконечную границу с полем: земляной вал и высокий тын тянулись тут на большие расстояния. Отдельные укрепления (города) прикрывали выходы в поле. Масса «лучшихъ» (т.е. храбрейших) людей из славян (т.е. новгородцев), кривичей, чуди и вятичей переселялось сюда⁶ Владимиром для обороны степной границы.

Остается указать на первые встречи Руси с латинством.

Первое из них было дружелюбным. Император Римский (германской) империи Оттон III (сын Оттона II и Феофано) прислал в Киев епископа Бруно, который направлялся к печенегам. Бруно было хорошо принят в Киеве; Владимир его отговаривал от путешествия к печенегам, предрекая бесполезную гибель. Целый месяц задержал он его в Киеве и, наконец, лично проводил до своей пограничной укрепленной линии. Когда Бруно, простившись, выехал уже в «поле», Владимир послал ему вдогонку сказать: «Ради Бога прошу не погубить, *къ моему безчестью*, жизнь свою понапрасну». Владимир сообщал, что имел видение и боится, что его гостя ждет горькая смерть. Бруно действительно попал в очень опасное положение, но все же вернулся в Киев.

Второе столкновение с латинством было уже тяжелым и для Владимира, и для Руси. Желая закрепить мир с Польшей, Владимир женил своего сына Святополка, кн. Туровского, на дочери польского князя Болеслава. Вместе с этой польской княжной прибыл в Туров епископ Колобрежский (Кольберг-

ский) Рейнберн. Началась польско-латинская интрига. Святополка уговорили поднять мятеж против отца. В случае успеха, Южная Русь подпадала польской власти, а юная Русская Церковь отторгалась от Восточной и подчинялась Западной... Владимир однако во время узнал о туровских замыслах и успел лишить свободы и Святополка с женой, и Рейнберна. В итоге началась война с поляками, на помощь которым были позваны немцы и печенеги (1013). Владимиру удалось отстояться.

В полседний год своей жизни Святой Князь претерпел еще новый удар судьбы: его сын Ярослав, сидевший посадником в Новгороде, отказался платить отцу обычную дань с Новгорода (2000 гривен в год). Владимир приказал мостить мосты и чинить дороги, готовясь к походу на Север. Весной 1015 великий князь однако стало тяжело хворать. Он вызвал к себе любимого сына Бориса (от Анны). К этому времени и Святополк был освобожден.

Приближался конец земной жизни Красного Солнышка. Но Бог не судил ему спокойной кончины. Тяжко страдая, он получил известие о приближении печенегов. Ему ничего не оставалось, как выслать против них Бориса. Последний, выйдя в поле, не нашел неприятеля (не была ли весть о печенежском набеge делом интриги, желавшей удалить Бориса из Киева ко времени смерти отца?). Он поспешил обратно к Киеву и стоял уже на Лыте (Альте), когда пришла весть о кончине отца...

Св. Владимир скончался 15 июля 1015 г. Тело его тайно перевезли в Десятинную церковь. Бесчисленное множество народа собралось плакаться по нем: знатные – как о заступнике земли своей, убогие

– как о заступнике и кормителе своем... Положили тело в мраморный гроб и с плачем похоронили...

53-летняя жизнь первого национально-русского государя, просветителя и объединителя Русской Земли, пресеклась. Историческую оценку его личности и его времени я уже сделал выше. Оценили ли его по заслугам его современники? Им легко было это сделать, ибо едва сомкнулись его очи, как начались на Руси злодеяния и несчастья, резко оттенившие то, что дал и не переставал давать Руси Красное Солнышко, от того, что внес в ее жизнь «сынъ двухъ отцовъ», Святополк Окаянный, поддерживаемый своим тестем и силами, за ним стоявшими.

Убийство братьев и, среди них, святого братолюбца Бориса, наведение на Русь и в Киев печенегов, поляков, немцев и венгров, злодеяния Болеслава (между прочим взявшего себе в наложницы любимую дочь Владимира Предиславу), отчаянная борьба киевлян и остального Русского народа с этими насильниками...

И наконец, в 1019 г., победа Ярослава Мудрого на Лъте, на месте убиения св. Бориса, бегство Окаянного и гибель его за рубежом...

И вот, уже в конце правления Ярослава, мы слышим *похвальное слово князю Владимиру* из уст первого русского по крови церковного главы, митрополита всея Руси Илариона. Оно прозвучало через 36 лет после кончины Равноапостольного князя. Оно засвидетельствовало его дело и утвердило за ним вечную славу.

СНОСКИ

1. Мы привели летописное описание во всех его подробностях потому, что многие ученые не придают ему веры и дают иное изложение событий. Существо их возражений сводится к тому, что крещение св. Владимира произошло не в 988 г. в Корсуни, а в 987 г. в Василеве (под Киевом), взятие Корсуни и брак с Анной они относят к 989 г., крещение Руси в Киеве – даже к 990 г. К этому добавляется еще иногда и предположение, что Владимир был раньше крещен по латинскому обряду.

Оснований для этих убеждений немного. Главным является мнение византинистов, что подавление восстания Варды Фоки относится к 989 г., и кроме того некоторое несовпадение хронологических расчетов летописца в разных частях его труда.

Здесь не место входить в подробный анализ этих оснований. Но, казалось бы, что, если бы таковой анализ и провел нас к заключению, что Варда Фока пал в 989 г., то единственным следствием было бы передвижение корсунских летописных событий из 988 года в 989 год.

В летописи есть неточности в годах. Возможно допустить, что есть ошибка и в этом годе.

По нашему мнению, наш летописный рассказ являет все данные достоверности. Летописец дает даже оценку отвергаемых им версий, а версию, признанную им за истинную, подкрепляет приведением ряда детальных фактов и ссылками на «вещественные доказательства». Так, мы привели записанное им содержание дипломатических переговоров между Корсунем и Византией, которые не могли бы иметь места, если бы Владимир был уже ранее крещен. В летописи, как мы видели, указано, кто, когда и где крестил Владимира; с этим крещением связано тут же рассказанное предание об исцелении Владимира; указаны здания в Корсуне, где произошло крещение, где жил в эти дни Владимир и где жила царевна; подчеркнуто, что два из этих зданий еще были целы во время написания летописи; перечисляется (см. далее), кого и что взял с собою Владимир из Корсуни, какую построил церковь – все это имело место в связи с крещением.

Наконец, упоминая, что есть мнения о крещении Владимира в Киеве или Василеве, летописец объясняет причину этих рассказов – простым незнанием.

2. Еще одно указание летописца на, так сказать, «вещественные доказательства» правоты его описания.

3. Императоры Василий и Константин и вел. кн. Анна – дети императора Романа II.

4. В летописи (Тверской) говорится только об уведомлении Рогнеды.

5. Достоверность Иоакимовской летописи находится под большим сомнением. Возможно, что этот эпизод, неизвестный другим летописцам, является измышлением компилятора XVII века или даже самого В.Н. Татищева, ссылавшегося на эту исчезнувшую летопись.

6. Подчеркиваем северное происхождение населения этой «окраины», одно из опровержений «украинских» теорий наших дней.

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера

12 нм

подписка на 4 номера

40 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера

7 ам. долл.

подписка на 4 номера

25 ам. долл.

Чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.

8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

СОЗДАНИЕ КОМИТЕТА ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПРАЗДНОВАНИЯ 1000—ЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ В СИДНЕЕ, АВСТРАЛИЯ

Состоялось первое организационное собрание Комитета по проведению празднования 1000-летия Крещения Руси. Собрание было созвано самим Пресвященным Павлом, Архиепископом Сиднейским и Австралийско-Новозеландским. На заседании присутствовало духовенство, миряне и среди них молодежь.

В своем вступительном слове Владыка Павел сказал об огромном значении 1000-летия Крещения Руси и о том, что нам надлежит глубоко осознать этот момент и запечатлеть его.

Была выработана программа, которая делится на следующие положения:

а) Усиление общего молитвенного обращения о спасении России, общее зарубежное объединение вокруг наших храмов и полная поддержка во всем духовенства.

б) Духовная подготовка всех верующих православных людей. Введение в каждую проповедь мыслей о православии и его значении в становлении человеческой жизни в отражении события Крещения Руси.

в) Организация группы молодежи с 18-30 лет для ознакомления с жизнью Русской Православной Церкви на Родине и Зарубежом за последние 65 лет.

г) Изучение роли Русской Православной Церкви в жизни русского народа и государства. (Русские монастыри, святые подвижники, их значение и роль).

Эта часть программы может быть организована молодежью под руководством правящего архиерея. Доклады-концерты, дискуссии, слеты молодежи при участии членов Комитета или приглашенных докладчиков.

Кроме того, желательно изучение русской истории в регулярном порядке. Прочтение лекций и затем выступление члена Комитета с небольшим сообщением о житии святого или событии изучаемого периода.

д) Русские приходские школы автоматически входят в состав поместных комитетов. Преподаватели Закона Божия, истории и русской литературы еженедельно уделяют несколько минут значению грядущего события 1000-летия Крещения Руси.

е) Организация особых хоров и концертных групп, с целью изучения произведений русских духовных композиторов и древних песнопений. Подготовка к духовному концерту в день празднования 1000-летия.

ж) Введение в Австралии в программу этнического радио 2ЕА по субботам сегмента о предстоящем событии 1000-летия Крещения Руси. Ознакомление слушателей с русской святоотеческой литературой.

з) Организация путешествий для молодежи и других лиц по Европе, Америке и Австралии с целью посещения и ознакомления с жизнью русского православного Зарубежья.

и) Организовать «КРЕСТОВЫЙ ПОХОД СЛОВА» среди молодежи, который будет состоять в регулярной посылке открыток с определенным текстом,

иконок и крестиков узникам за веру на Родине. Ознакомление молодежи с положением верующих и с духовным возрождением на Родине.

Программа должна быть определена сроками и разбита по годам.

Кроме того, были созданы: издательская комиссия, комиссия административная, комиссия по устройству периодических концертов-докладов и выставок сопровождающих эти концерты, комиссия по устройству концерта в 1988 г. Предполагается также ознакомить, вернее напомнить многим о положении русской православной Церкви с 1917 г., для чего тоже организована комиссия и предполагается регулярное издание статей, знакомящих с гонениями на религию и, в связи с этими событиями, с общей трагедией Церкви.

Комитет также намеревается издать «Белую Книгу» на русском и английском языках, которая будет содержать в себе историю всех русских православных храмов в Австралии и их снимки.

Комитет в Сиднее полон сил и надежд, и можно надеяться, что эта подготовка найдет отклик среди русских православных людей.

В намечаемом цикле периодических концертов-докладов, первый состоится 26 мая с.г. Намечены два доклада на темы: «Жизнь святого апостола Андрея Первозванного» и «Преподобный Сергий Радонежский», а затем программа духовной и светской музыки. Вот, в основном, ближайшие планы Комитета в Сиднее.

Сидней полон талантов и есть все основания предполагать, что задачи свои Комитет сумеет выполнить, подготовиться ко дню празднования 1000-летия Крещения Руси и должно отметить его.

Нонна Белавина

ВЕРНОСТЬ ПРОШЛОМУ

Одним из крупных событий в жизни русской общности в 1984 году был съезд кадет Российских кадетских корпусов, состоявшийся в Вест Пойнте, штат Нью-Йорк, от 12 по 18 августа. Кадетские съезды устраиваются каждые два года, причем место проведения съезда всегда меняется. Первый происходил в Монреале 19 авг. 1967 года. Собрались кадеты Версальского, Донского, Крымского и 1-го Русского кадетских корпусов. Это было началом нового этапа в жизни кадетских Объединений. Но вернемся на много лет назад. В конце 40-х и начале 50-х годов в Америку прибыло много русских, выброшенных войною из своей прежней жизни. Логично, что люди, близкие друг другу по духу, воспитанию, прежнему образу жизни или каким-то специфическим чертам, стали основывать союзы и Объединения. Появились военные союзы (Галлиполийцев, Дроздовцев и т.д.). И в начале 50-х годов возникло Объединение быв. кадет Российских Кадетских корпусов. Первым председателем был А. Филатьев. Идея каждого объединения в те, начальные годы, была совсем проста: помогать нуждающимся однокашникам, бывшему персоналу корпуса, поддерживать связь между собой, одним словом стараться не потерять памяти о своих традициях, своей дружбы и близости в той после-

военной неустроенной жизни. Источником средств для материальной помощи (кроме скромных членских взносов) служили устраиваемые Объединением балы, с самого начала утвердившие репутацию прекрасно организованных и самых веселых. Постепенно уменьшалось количество тех, кому надо помогать материально, и тогда возникла идея – передать русской молодежи хотя бы часть тех понятий, тех идеалов, с которыми росло наше поколение. Так главной целью кадетского Объединения сделалась работа с молодежью, правильное освещение русской истории, поддержка русской гимназии и лагерей скаутов и разведчиков. Сначала Объединение существовало только в Н. Йорке. Потом в других городах также стали основываться Объединения, но каждое существовало само по себе, без связи с другими.

А. Филатьева вскоре сменил П.В. Олферьев, остававшийся долгие годы на этом посту, пока не был выбран Г.Н. Сперанский, возглавляющий здешнее Объединение по сей день. Каждый год кадеты дружеской встречей отмечали дни корпусных праздников. Постепенно назревала необходимость более широкой встречи объединяющей всех, и вот тогда и был проведен первый общекадетский съезд в Монреале.

На этом съезде, на котором присутствовали представители Объединений не только разных городов США, но и разных стран, были вынесены различные решения: о проекте юбилейного знака, о издании Кадетской Памятки, а также об устройстве и в дальнейшем подобных съездов и следующий был намечен на 1970-ый год.

Второй съезд состоялся в Венецуэле от 12-19 июля 1970 г. Трудно перечислить все вопросы, поднятые на заседаниях, как и все вынесенные решения.

Одно из них о выпуске периодического кадетского печатного органа, было особенно ценно и важно, и единогласно одобрено. Так родилась «Кадетская Перекличка», редактором которой до своей болезни был П.В. Олферьев. Сначала журнал был чисто мемуарного характера, но постепенно, кроме кадетских воспоминаний, в нем начали появляться статьи общего интереса. Когда, по болезни, П. Олферьев отказался от должности редактора, его заменил Н.В. Козякин, значительно расширивший тематику журнала и привлекающий все время и новых авторов и новых читателей.

На втором съезде было решено устраивать съезды каждые два года, посвящая каждый какому-нибудь определенному вопросу, определенной теме.

3-ий съезд в 1972 г. в Лейквуде, Н. Джерси. На этом съезде был поднят вопрос о передаче духовных и культурных ценностей молодежи.

4-ый съезд в Сан Франциско в 1974 г. Подробная разработка плана работы с молодежью и идея **общего** кадетского объединения, а не только зарубежных.

5-ый съезд в Канаде, около Монреаля в 1976 г. Съезд посвящен памяти Вел. Князя Константина Константиновича, как шефа всех военно-учебных заведений Императорской России и как поэта К.Р.

6-ой съезд в 1978 г. снова в Венецуэле. Посвящен памяти генерала барона П. Врангеля и Е.В. Короля Югославии Александра I-го.

7-ой в 1980 г. в Париже. Тема «Белое Движение».

8-ой – в Пасадине, Калифорния в 1982. Тема «Историческое прошлое России».

9-ый – в Вест Пойнте, штат Нью-Йорк. Тема «Национальное наследие русской эмиграции».

Было что-то символическое и трогательное в том, что бывшие русские кадеты, воспитанные в определенных традициях, собрались там, где молодых американцев воспитывают в таком же духе и в сходных, до некоторой степени, традициях. Как всегда, съезд начался молебном с выносом знамен, в Синодальном храме, в гор. Нью-Йорке. Перед молебном можно было видеть, как на улице и в церковном дворе радостно бросались друг ко другу бывшие кадеты и у многих влажно блестели глаза. Молебен служили быв. кадеты: архимандрит о. Антоний Граббе и о. Владимир Шатилов. Пел хор под управлением А. Ледковского, к хору присоединились и кадеты. После молебна председатель Дроздовского Объединения, Н.Е. Новицкий передал Н.-Йоркскому Объединению знамена 2-го и 3-го Дроздовских стрелковых полков, с тем, чтобы они хранились с другими, принадлежащими кадетам, знаменами.

В час дня были поданы автобусы и все участники отправились в Вест Пойнт, где были размещены по комнатам в прекрасном отеле «Тайер». В 6 часов в саду перед отелем состоялся парад («заря с церемонией»). Красота пейзажа, прекрасная погода – все способствовало этому торжеству. В строю было 100 кадет. Парадом командовал Г. Сперанский, принимала парад Е.В. Княжна Вера Константиновна. Под управлением В. Мантулина, оркестр исполнил американский гимн, во время которого был вынесен торжественно американский флаг. Когда несли русский флаг под звуки старого русского гимна, некоторые присутствующие не могли сдержать слез. Было вынесено также знамя Сумского кад. корпуса. Оркестр исполнял старые русские марши, Преображенского полка и др. Мне кажется, что такого торжественного парада не было ни на одном съезде.

День закончился балом, на котором было очень много молодежи – детей и даже внуков быв. кадет.

Открытие съезда с выбором президиума состоялось на другой день. В президиум вошли: Н.В. Козякин (председатель), А. Йордан (вице-председатель), А. Боголюбов и Е. Гирс (секретари). Председатель предыдущего съезда, И. Автомонов, передал все права и полномочия новому председателю. После короткой речи Н. Козякина и поздравления Е.В. Княжны Веры Константиновны, слово было предоставлено быв. кадету Владыке Виталию, (Устинову), прибывшему из Монреаля. Владыка говорил о важности внутреннего подвига и сердечной молитвы и о том, что Вест Пойнт – лучшее место для кадетского съезда, т.к. «здесь учат быть жертвенным и умирать за родину». С большим вниманием были прослушаны речи двух старейших кадет: А. Высоцкого и А.С. Бразоля. Особенное впечатление произвело на слушателей чтение А. Бразолем письменного обращения Императора Николая II-го в Царском Селе к юнкерам, при производстве в офицеры. А. Бразоль был одним из произведенных юнкеров Николаевского Кавалерийского Училища.

Интересны были все поздравления от кадетских Объединений в разных странах и городах и от представителей других дружеских организаций. Выступали: А. Политанский (Бразилия), В. Бодиско (Венецуэла), В. Касперович (Австралия), К. Синкевич (Сан Франциско), Г. Левчук (Монреаль), А. Бертельс-Меньшой (Бразилия), Е. Ковалевский (Лос Анжелес), В. Змунчила (Торонто), С. Савицкий (Чикаго), А. Истомин (Сев. Калифорния). В. Гранитов выступил от имени учеников Белградской гимназии. От Объединения быв. воспитанниц Мариинского Донского Института поздравила кадет Н. Микла-

шевская. Приехавший из Югославии Д. Николаев передал привет и поздравление от кадет живущих в Югославии и теперь. Б. Йордан говорил от организации ОРЮР. Устроители получили много подарков.

С утра во вторник начались доклады. Доклад В. Бодиско был как бы вступлением в основную тему съезда. В своем блестящем докладе, говоря о первой эмиграции, о трудности тех лет, докладчик подчеркнул, что эмиграция не ушла в быт, а сохранила свое лицо, свою культуру. Он напомнил о героях тех лет и сообщил, что в зале присутствует Б.С. Коверда, чей героический подвиг всем известен. Публика горячо приветствовала Б.С. Коверду.

А.Б. Йордан сделал статистический доклад о школах и гимназиях за рубежом, сказав, что подробные цифры заняли бы много времени и весь доклад будет напечатан в «Кадетской Переключке».

Доклад И.А. Автамонова, превосходно сделанный, был посвящен научному наследию русской эмиграции. Докладчик перечислил всех выдающихся русских ученых, дав о каждом краткие сведения.

Трудная тема досталась С.А. Третьякову: «Русская литература и искусство в эмиграции». Тема эта настолько обширна, что на нее нужно было бы несколько докладов, разделив отрасли искусства. Однако докладчик в некоторой степени справился с заданием, выделив несколько имен в каждой отрасли, удачно переходя из одной отрасли в другую, так что получилась как бы схема культурного наследия русской эмиграции.

Очень интересный доклад о политических взглядах и деятельности русской эмиграции сделал проф. В. Улитин. И о военном наследи доклад был прочитан Н. Протопоповым. Все доклады полностью будут в журнале «Кадетская Переключка».

Как всегда на съездах, были выбраны отдельные комиссии по разным отраслям работы и кадеты имели закрытые собрания, для решения внутренних вопросов и все резолюции были представлены на последнем общем собрании.

На всех съездах оставляется какое-то время и для развлечений. Всем была предложена чудесная экскурсия на пароходе по Гудзону и осмотр военной академии, с гидом, дающим объяснения. Был завтрак в японском ресторане и желающим был показан винодельный завод.

Концерт, в котором всегда принимают участие, приехавшие на съезд кадеты и гости, состоялся в четверг и оставил очень приятное впечатление. Отрядным явлением было выступление хора молодежи под управлением А. Фекула. Л. Дутикова, К. Йордан и Е. Ткачевская мило выступили в балетных номерах. Г-жи Куманская, Ляшевич, Гранитова и г-да А. Шестаков и В. Мартыненко с успехом исполнили ряд оперных арий, романсов и песен. У рояля была г-жа Мартыненко. Н. Белавина и И. Автамонов выступили со своими стихами. Балалаечный оркестр был возглавлен Гари Нова. Закончилась программа выступлением хора, составленного из приехавших из разных стран кадет. Регент В. Мантулин, несмотря на короткое время, сумел создать превосходный хор и публика по достоинству оценила этот номер программы.

Конферировал остроумно, как всегда, Мурза Мистулов.

В академии существует зал, где собраны эмблемы организаций, устраивавших свои съезды на территории академии. И представительнице Вест Пойнта, бывшей на концерте, была преподнесена эмблема

кадетского Объединения, художественно выполненная Н. Боголюбовым.

В пятницу на последнем собрании были приняты резолюции, обсуждались планы следующего съезда, намечалось приблизительно возможное место съезда. После обеда о. Антоний Граббе рассказал о положении русской миссии в Иерусалиме и вообще о положении православных церквей и монастырей. Официально съезд был закрыт. Вечером, после банкета, по просьбе любителей поэзии, был устроен литературный вечер, на котором читали свои стихи Ольга Капустина из Сан Франциско, Нонна Белавина и Игорь Автамонов. Неожиданно публики собралось много и чтобы разнообразить вечер, с юмористическими стихами выступил М. Мистулов.

В субботу все прощались, записывали адреса друг друга, обещали прислать фотографии и т.д. Прощались и радостно, т.к. все встречи были прекрасны, и грустно, т.к. никогда неизвестно удастся ли встретиться снова.

Уезжая со съездов, мы все уносим с собой и долго бережем в душе то тепло, которое неизменно окружает нас всю неделю. Здесь и радость воспоминаний отрочества и юности, свет нашей неумирающей дружбы, чувство, что все мы представляем собой одну большую семью. Вся неделя, несмотря на деловые заседания, кажется праздником, притом праздником очень русским. Мы все отходим от «иностранных» языков, мы забываем на неделю наши рабочие будни и, не взирая на нашу седину, возвращаемся душой в далекие молодые дни.

ПАМЯТИ Н.И. УЛЬЯНОВА

Русская эмиграция понесла тяжелую потерю.

7 марта 1985 года, на 81-ом году жизни, после тяжелой болезни, скончался профессор Николай Иванович Ульянов, крупный русский историк, талантливый писатель, блестящий эссеист.

Похоронен на кладбище Йельского университета, в котором в течение 17 лет читал лекции по русской истории и литературе.

Н.И. Ульянов родился 23 декабря (по старому стилю) 1904 года в Петербурге. Предки его – крестьяне, и в нем самом была здоровая кровь предков.

Закончив среднее образование в 1922 году, Николай Иванович поступил на исторический факультет Петроградского государственного университета и закончил его в 1927 году, защитив диссертацию на тему: «Влияние иностранного капитала на колонизацию русского Севера в 16-17 веках».

В тогдашних советских условиях работа эта не могла быть напечатана, но была удостоена положительного отзыва в докладе крупнейшего русского историка С.Ф. Платонова на Неделе русских историков в Берлине в 1928 году.

По окончании университета Николай Иванович был оставлен академиком С.Ф. Платоновым при кафедре для подготовки к научной деятельности, но самое подготовку, по требованию Наркомпроса, должен был проходить в Москве при Институте истории.

За годы аспирантуры (1927-1930) им были написаны три исследовательские работы: «Торговая книга конца 16 века», «Колонизация Мурмана в 17

веке», «Общественные и политические воззрения Б.Н. Чичерина».

По окончании аспирантуры в 1930 году Николай Иванович был направлен в Архангельский педагогический институт, где читал лекции по русской истории до 1933 года. В 1933 году переехал в Ленинград. В течение трех лет состоял научным сотрудником Постоянной историко-археологической комиссии и в то же время читал лекции и вел семинар по Русской Правде в Ленинградском университете.

2 июня 1936 года был арестован НКВД по обвинению в антисоветской пропаганде и приговорен к пяти годам концлагеря. При аресте были захвачены пять больших, еще не изданных рукописных исторических работ его.

Заключение Николай Иванович отбывал в Соловках и в Норильске, на полуострове Таймыр.

Освобожденный по отбытии срока в 1941 году, отправился к назначенному месту жительства, но на пути был застигнут началом войны и смог доехать только до Средней Волги. До начала сентября 1941 года жил в Ульяновске (Симбирске), работал ломовым извозчиком. В сентябре был взят на окопные работы и отправлен под Вязьму, где попал в плен к немцам. Из плена удалось бежать. 600 километров прошел пешком по немецким тылам, пробираясь в район осажденного Ленинграда, где в одном из маленьких городков жила жена Николая Ивановича Надежда Николаевна (женился в 1936 году).

Осенью 1943 года, вместе с женой, был отправлен на работы в Германию, в лагерь Карлсфельд. Работал на заводе в качестве автогенного сварщика, а жена, врач по профессии, – в лагерном госпитале.

После окончания войны, убежденный антикоммунист, Н.И. Ульянов отказался вернуться в Советский Союз. Пережив страшные годы насильственной

репатриации, уехал (в 1947 году) с женой в Марокко, жил в Касабланке, работал на заводе металлических конструкций автогенным сварщиком.

Не имея возможности продолжать научную работу в эмиграции, Н.И. Ульянов занялся публицистической и литературной деятельностью, стал сотрудничать в наших эмигрантских журналах: в «Возрождении» (Париж), в «Российском демократе» (Париж), в «Новом журнале» (Нью-Йорк).

Написал исторический роман «Атосса», вышедший в 1952 году в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке.

В 1953 году был приглашен Американским комитетом по борьбе с большевизмом в качестве главного редактора русской редакции радиостанции «Освобождение», однако через три месяца должен был от этой работы отказаться вследствие несогласия с методами пропаганды, насаждаемыми администрацией радиостанции.

В мае 1953 года переселился в Канаду, где продолжал писать.

В 1954 году, при поддержке Юманити Фонда, издал книгу «Происхождение украинского сепаратизма», классический труд, значение которого трудно переоценить.

В 1955 году прочел курс лекций по истории русской революции в Монреальском университете.

В том же году, вместе с верной спутницей жизни, женой своей, переселился в США. В 1956 году был приглашен в Йельский университет, где 17 лет, до отставки в 1973 году, читал лекции по русской истории и литературе. Все эти годы – писал. Писал и после отставки.

За 35 лет Н.И. Ульяновым написано более двухсот статей, восемь книг, три брошюры. Первые статьи его появились в 1949 году и сразу же обратили на

себя внимание.

Н.И. Ульянов – писатель, стилист, мастер слова, – еще ждет своего исследователя.

Н.И. Ульянов – историк, обладавший не только огромной эрудицией, но и талантом проникать в самую суть исторических процессов. Свою задачу он видел не в изложении исторических фактов, а в анализе и осмысливании их. Именно этим ценны его исторические труды: и роман «Атосса», где начало нашей истории, и роман «Сириус», где канун Октябрьской катастрофы.

В книге «Происхождение украинского сепаратизма» материалы, нужные именно теперь, когда по страницам книг, журналов, газет растекается мутная волна русофобства, когда понятие интернационального коммунизма подменяется понятием русско́го империализма, когда Запад ведет политику, направленную не против коммунизма, а против исторической России, политику, грозящую катастрофой.

В сборнике «Под каменным небом» – рассказы.

В сборниках статей и эссе – «Диптих», «Свитка», «Скрипты», «Спуск флага» – история, литература, искусство.

В брошюре «Замолчанный Маркс» Н.И. Ульянов писал о той ненависти, какую питал Маркс, а за ним Энгельс, к России, к русским, к славянам вообще.

«Никто никогда, – писал Н.И. Ульянов, – не говорил о России с такой проникновенной ненавистью, как Маркс».

Тревога за Россию, за родину нашу, где корни наши, – во многих работах Н.И. Ульянова.

В 1962 году, в Нью-Йорке, на многолюдном собрании русской эмиграции, посвященном 1100-летию Государства Российского, Н.И. Ульянов произнес

речь «Исторический путь России», изданную затем отдельной брошюрой. Он говорил о Православной Церкви, чью роль можно сравнить с ролью государства. «После татарского погрома, – говорил он о роли Церкви, – она очутилась в положении единственной всероссийской власти. Разрозненное наше-ствием, население смотрело на митрополита всея Руси, как на символ прежнего единства. В самую мрачную пору России Церковь спасла это единство».

В статьях «История и утопия» и «Немного истории» (сборник «Спуск флага») снова высокое слово о России, утвержденной в веках, как единое, нерасторжимое целое, высокое слово о роли Церкви в становлении России.

«От начала Руси, – писал Н.И. Ульянов, – Церковь и государство выступали как единая сила, и это единство существовало уже в момент принятия христианства».

Заканчивая свою речь «Исторический путь России», Н.И. Ульянов говорил, обращаясь ко всем нам, русским, где бы ни были мы, в эмиграции или на родине:

«Вместе с Пушкиным скажем, что другой истории, кроме той, которая у нас была, – не хотим. История, родина, как отец и мать, не выбираются, не ищутся, а даются судьбой».

Верный сын России, Н.И. Ульянов призывал к верности ей всех ее сынов.

Верный сын России, он оставил свое высокое слово, России посвященное.

И это слово никогда не умрет.

Владимир Самарин

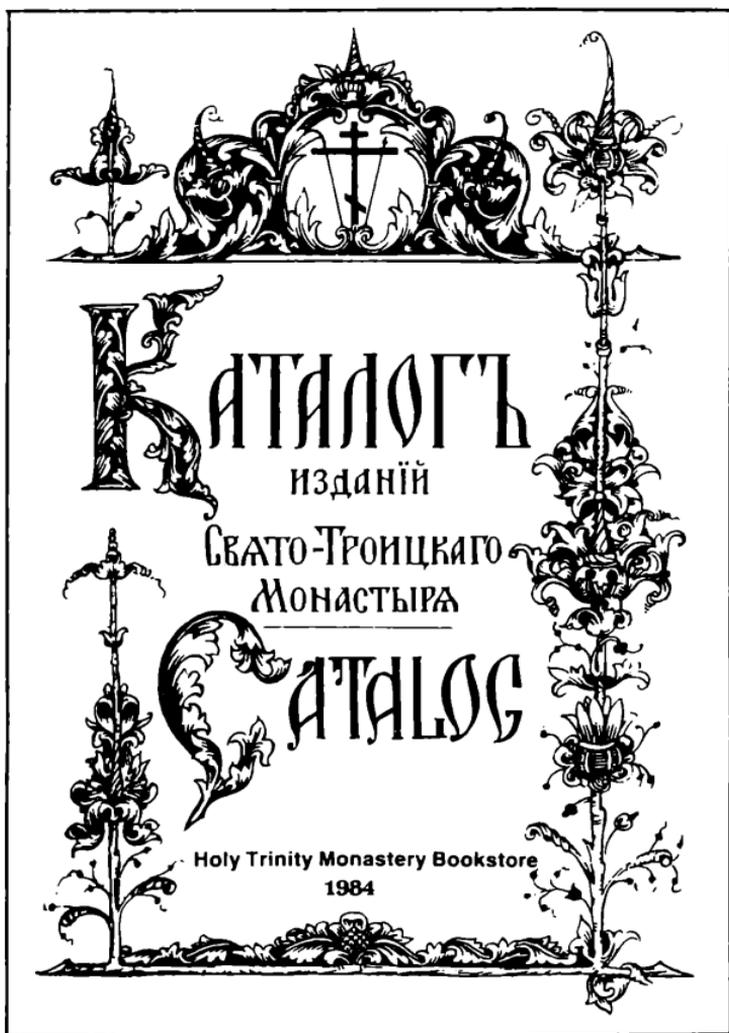
Русская типография и переплетная

- » Набираем английский, русский (по новой и старой орфографии), церковно-славянский, немецкий и другие наборы на электронной наборной машине Мергенталер.
- » Мы делаем гранки или наклейки для Вашего печатника.
- » Переплетаем уже напечатанные и сфальцованные книги клеевым переплетом.
- » Мы можем также исполнить всю работу для Вас через нашего печатника.
- » Исполняем любые и большие и малые работы.
- » Принимаем заказы на книги, журналы, брошюры, листовки, приглашения и т.д.
- » Наша специальность – набор на русском языке (включая корректуру).
- » Все работы выполняются точно и без задержки.
- » Цены умеренные.

MULTILINGUAL TYPESETTING

56 Rockland Lake Park
Valley Cottage, N.Y. 10989

Tatiana A. Rodzianko, Ph.D., Owner

Каталогъ книгъ высылается
бесплатно по просьбѣ

Holy Trinity Monastery Bookstore
P.O. Box 36
Jordanville, New York 13361-0036
U.S.A.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Независимый русский православный
национальный журнал

Подписка:

	США и Канада	Франция	Германия
На 1 год	24 ам. долл.	150 фр.	50 н.м.
Воздушной почтой	39 ам. долл.		
Отдельный номер	7 ам. долл.	45 фр.	15 н.м.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату, насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

В Европе, Канаде и Австралии — нашим представителям.

.....

**Желаю подписаться на "Русское Возрождение"
на 198... г.**

Фамилия:

Имя и отчество:

Адрес:

.....

С пересылкой обыкновенной почтой

воздушной почтой

добавляю поддержку

Подпись:

Дата:

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
<i>М. Серебряков</i> – Государство и личность	7
<i>Др. Т. Калиновская</i> – От Гиппократа до наших дней	15
<i>В.Г. Санников</i> – Вопросы возрождения решены предками	24
<i>От Меня это было</i>	47
<i>Ф. Иванова</i> – И мы побывали в России	50
<i>О. Сергей Шукин</i> – Материалы к истории РСХД в России	66
<i>Гр. М. Толстая</i> – Воспоминания	121

К 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

<i>Б.Н. Сергеевский</i> – Время Владимира Святого ...	153
<i>Е. Ширинская</i> – Создание Комитета по Прове- дению Празднования 1000-летия Крещения Руси в Сиднее, Австралия	188

ХРОНИКА

<i>Н. Белавина</i> – Верность прошлому	191
--	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

<i>В. Самарин</i> – Памяти Н.И. Ульянова	199
--	-----

THE RUSSIAN RENAISSANCE

Printed in U.S.A. New York, N.Y.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ"

АВСТРАЛИЯ:

Сидней — Mr. N. M. Serebriakov, P.O. Box A 310, Sydney South, 2000 N.S.W. Australia.

Мельбурн — Mr. A. Souprounovich, 11 Chel Street, Dakleigh, Australia 3166.

Аделаида — Miss G. N. Lobatchevsky, 58 Elizabeth St., Croydon, South Australia 5008

ГЕРМАНИЯ и АВСТРИЯ:

Herr V. A. Kutsche, Diesel Str. 19, München 50, Germany.

КАНАДА:

Торонто — Mrs. N. Ivanchenko, 4 Indian Valley Crescet, Toronto, Ont., Canada M6R 1Y6

Монреаль — Ms. Sovia Apraxine, 5316 Duquette, Montréal, Quebec H4A 1J4 Canada.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк — 1000th Anniversary Committee 322 W. 108th Street, New York, N.Y. 10025.

Mr. A. O. Rodzianko, 272 Germonds Road, West Nyack, N.Y. 10994.

Вашингтон — Mrs. G. Tunik-Rosniansky, 4920 Weaver Terrace N. W., Washington, D.C. 20016.

Массачузетс — Mrs. E. Vorobey, 16 Custer Street, Jamaica Plain, MA. 02130

Сен Франциско —

Holy Virgin Community, 6254 Geary Blvd., San Francisco, Ca. 94121

Mr. & Mrs. Sergei Kotar, 1300 26 Ave. Apt. 504, San Francisco, Ca. 94122

Mrs. Ludmila I. Kram, 1125 Chautauquo Blvd., Pasific Palisades, Ca. 90272

ФРАНЦИЯ:

Париж — Mme N.H. de Béville, 16, rue Grenze, 75116 Paris, France

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год с пересылкой простой почтой 24 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам.долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличивать подписную плату насколько кто может.

Подписную плату следует посылать (чеками или почтовыми переводами):

«1000 Anniversary Committee», 322 W. 108 St. New York, N.Y., 10025.

В Европе и Австралии — у наших представителей.

Русские люди!

За грехи наши и за грехи отцов наших Бог посылает нам испытания.

Будем просить Его о прощении. А чтобы молитва наша была сильна и чтобы Бог услышал нас, будем молиться Ему все в одно время: по московскому времени в 6 часов утра.

Встал ли ты только с постели, или идешь на работу, или уже на работе, читай про себя в уме молитву о спасении России. А чтобы молитвы всех молящихся слились воедино, читай не торопясь несколько минут:

Отец наш небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас грешных молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю русскую — удел Богоматери и русский народ от всех врагов его, и укрепи державу Твою и веру православную.

*Святой Боже! Святой крепкий!
Святой бессмертный помилуй нас!
(три раза)*

И. Ланской
Jordanville, N. Y. 13361

Присоединяясь к идее И. С. Ланского, призываем всех участвовать в молитве за спасение России. Другим изданиям предлагаем перепечатать воззвание.

Редакция